ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
“ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ”

Е.И.ХОЛЯВКО

ОТРАЖЕНИЕ МОТИВА КРИВИЗНЫ ВО ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО СЛОВА

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

ГОМЕЛЬ 2002

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ …….

2. ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ …….

3. ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКИ НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРИВИЗНЕ
3.1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМ С ИСХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ’КРИВОЙ, ГНУТЫЙ’ …..
3.1.1. Лексемы со значением ’болеть; умирать’ ……..
3.1.2. Лексемы, выражающие поведенческие характеристики человека ..
3.1.2.1. Лексемы со значением ’подчинять своей воле’ …….
3.1.2.2. Лексемы со значением ’вести беспорядочную жизнь; пьянствовать’…….
3.1.2.3. Лексемы со значением ’лгать; хитрить’ …….
3.1.2.4. Лексемы со значением ’упрямый, упрямиться’ и соотносительные с ними ……..
3.1.2.5. Лексемы со значением ’ленивый, лениться’ …….
3.1.2.6. Лексемы со значением ’скупой, скупиться’ …….
3.1.3. Абстрактная лексика, сложившаяся на основе представлений о кривизне, изогнутости ……..
3.1.3.1. Лексемы, обозначающие ’смерть; несчастье’ и сопряженные эмоциональные состояния ……
3.1.3.2. Лексемы со значением ’грех’ ……..
3.1.3.3. Лексемы со значением ’ложь; хитрость, лукавство’ ……
3.1.4. Наименования мифологических существ ……
3.1.5. Лексика, связанная с древними магическими ритуалами ……..
3.2. ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕНОСНОЙ СЕМАНТИКИ АДЪЕКТИВОВ ***ПРАВЫЙ*** И ***ЛЕВЫЙ*** ……
3.3. ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКИ НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАГИЧЕСКОМ ЗАВЯЗЫВАНИИ ……

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……

ЛИТЕРАТУРА …….

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ …….

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, естественные языки представляют собой структурно организованную классификацию человеческого опыта. При этом «человеческий язык исследуется больше как средство материализации мышления, в то время как изучение языка как средства идеализации предметного мира, средства освоения и объективации последнего в процессе трудовой деятельности исследовались в гораздо меньшей степени» (Языковая номинация 1977, 11). Одним из путей изучения закономерностей отражения действительности в значениях языковых единиц, влияния мышления и практической деятельности людей «на становление и принятие обществом языковых знаков, на их семантическую структурацию и правила функционирования» (Там же 13) является исследование вторичной номинации, т.е. рекурсивного использования в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы.

В настоящее время предлагается рассматривать вторичную номинацию как родовое понятие, включающее в себя непрямую и косвенную номинации, различающиеся по своей номинативной ценности. Главное различие этих видов вторичной номинации заключается в том, что непрямая номинация обладает самостоятельной номинативной ценностью, тогда как косвенная номинация такой самостоятельной номинативной ценностью не обладает (Там же 74-75). Иными словами, при непрямой номинации «наименования содержат в своем сигнификате все сведения, необходимые для правильного соотнесения имени и обозначаемого реального объекта» (Муминов 1978, 15), в то время как «при косвенной номинации совершенно необходима опора на сигнификат другого наименования» (Там же). Наиболее распространенными при непрямой номинации оказываются метонимические способы переноса, а при косвенной – метафорические (Языковая номинация 1977, 95).

Метафорические переносы наименования – это «утверждение о признаках объекта, выделенных именующим в значении переосмысляемой языковой формы на основе аналогии» (Там же 92), метонимические – на основе смежности. Однако следует учитывать, что «семантические соотношения, существующие в семантической структуре отдельных слов, многообразнее и сложнее, чем можно представить их, разграничивая ассоциации по сходству и ассоциации по смежности (Шмелев 1977, 121-122). Как считает В.А.Никонов, развивая мысль, высказанную М.М.Покровским, В.В.Виноградовым, неоправданно противопоставление метафорического и метонимического переносов, поскольку «значение ’похожий на что’ – в сущности модификация значения ’имеющий что’, с той разницей, что имеющий обладает самим предметом, похожий обладает признаком предмета» (Никонов 1965, 227). Полностью разделяя данное положение, в работе мы не акцентируем внимания на разграничении этих способов вторичной номинации.

Поскольку новое значение в структуре многозначного слова обнаруживает семантическую связь с исторически предшествующими значениями данного слова, а «история каждого слова – это история его перехода из раздела

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мотивированных слов-описаний в раздел немотивированных» (Уюкбаева 1989, 100), в работе дифференцируются языковые и генетические, этимологические метафоры. В основу размежевания положены критерии, сформулированные Г.Н.Скляревской. Языковые и генетические метафоры противополагаются соответственно по следующим свойствам: образность/отсутствие образности; мотивированность/немотивированность; удвоение денотата/непосредственная связь с денотатом; символ метафоры/общий семантический элемент; семантическая зависимость/самостоятельность (Скляревская 1989, 14).

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. «Ассоциативные связи, психологические по их природе, выступают в языке как семантическая мотивированность лексико-семантических вариантов или элементарных значений (семем)» (Новиков 1982, 160). «Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, могут соответствовать компонентам переосмысляемого значения, а также таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения» (Лингвистический энциклопедический словарь 337).

Причем, слова, сходные или прямо противоположные по значению, ассоциируются друг с другом и проходят сходную или параллельную историю. «Такое положение вполне согласуется с психологическими наблюдениями не над одним языком, но над представлениями человека вообще: именно, представления наши могут ассоциироваться друг с другом как по сходству, так и по противоположности» (Покровский 1959, 87). Эти представления, ассоциации, ассоциативные стимулы (Смиренский 1992, 48) являются важным посредническим механизмом, обеспечивающим создание новых наименований на базе уже функционирующих, а также предопределяющим их семантические изменения. Их изучение позволяет объяснить не только причины утраты образности, но и то, «каким образом другие бесчисленные языковые выражения, которые, может быть, еще и не возникли, могут в будущем пройти тот же путь. Хотя при нынешнем состоянии наших знаний такое предложение и может показаться неоправданно оптимистичным, теория должна хотя бы в некоторой степени обладать предсказательной силой в том случае, если будет подтверждено, что будущие процессы метафоризации можно моделировать по аналогии с прошлыми…» (Бикертон 1990, 303).

Несмотря на различия в общелингвистических концепциях, близки к такому пониманию роли ассоциативных стимулов, «психологических импульсов» В.Вундт, Х.Шпербер, Ф.Дорнзайф, Э.Велландер, Л.Блумфилд (Маковский 1980, 19), в отечественном языкознании М.М.Покровский, А.А.Потебня (Потебня 1976, 136). Так, М.М.Покровский пишет: «…вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам, поскольку они соответствуют психологическим законам ассоциаций по смежности и по сходству, что, несмотря на свою субъективность, они вообще правильно и точно отражают соответствующие объективные изменения в жизни народов и их социальных групп» (Покровский 1959, 36). Не абсолютизируя

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

степень влияния «психологических законов» на эволюцию семантики слова, считаем, однако, необходимым отметить, что в ряде случаев именно учет внеязыковых закономерностей является едва ли не единственной возможностью удовлетворительного объяснения истории семантического развития тех или иных фактов. Речь идет прежде всего о таких характеристиках, традиционно сопровождающих семантический перенос, как «нелогичный», «бессистемный», «случайный» и т.п. Например, развивая взгляды Н.Д.Арутюновой, А.М.Шахнарович, Н.М.Юрьева полагают, что «понять метафору – значит в какой-то степени мысленно проследить путь ее создания, а это неизбежно требует умственного усилия «в преодолении несовместимости значений» и «восстановления смысловой гармонии», чему «препятствуют важные характеристики метафоры – ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение – скорее вызывать представления, а не сообщать информацию» (Шахнарович, Юрьева 1988, 109). В оригинальной форме выразил свое отношение к лингвистам, исследующим проблемы семантического переноса, Ю.Аллик: «Живой интерес к странноватому свойству человека говорить одно, а подразумевать другое питали лишь те, кто испытывал удовольствие от сумрака и бессистемности, которой проблема была окутана» (Леэметс 1988, 93).

Кажущееся отсутствие регулярности и закономерности, свойственное, как принято считать, семантическим изменениям, объясняется их сложностью. Все изменения значений слов закономерны, «все дело в нашем знании или, чаще, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и культурных звеньев» (Трубачев 1988, 295).

Именно восстановлению полного семантического контекста служит наша работа.

Проблематика работы относится как к традиционным лингвистическим дисциплинам (лексикология, семантика, этимология), так и к таким разделам языкознания, которые находятся на стыке гуманитарных наук (этнолингвистика). Этнолингвистика – это направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимосвязь языковых, этнокультурных, этнопсихологических факторов функционирования и эволюции языка. «В более широком понимании этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления» (Лингвистический энциклопедический словарь 597). Недостаток самого термина в том, что он ассоциируется прежде всего с одним из направлений американской лингвистики и этнографии, связанным с именами Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа. Вместе с тем он удачно передает идею синтеза лингвистики и этнографии (Толстые 1983, 19).

В 70-80-е годы XX века происходит становление этнолингвистики как самостоятельного научного направления в рамках отечественного языкознания, чему способствовала деятельность Н.И.Толстого и его последователей, разрабатывающих проблемы исторического изучения и реконструкции духовной этнической культуры на основе данных языка. В частности, Н.И.Толстым была опубликована серия программных статей, содержащих определение

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

предмета исследования, сущность данного лингвистического направления, его терминологию. Он пишет: «Наука о славянских языческих древностях, обогатившаяся в последние годы рядом трудов, значительно расширила возможности широкого сопоставительного изучения славянской культурной традиции в рамках индоевропейской мифологии и культуры благодаря новым, более совершенным методам внутренней и внешней реконструкции и интерпретации языковых, этнографических и фольклорных фактов и существенно сместила акцент с письменных источников на свидетельства живых диалектов и народные культурные традиции. Именно в русле этого направления естественно созрела потребность нового синтеза лингвистического и этнографического подхода, который стал обозначаться термином «этнолингвистика» (Там же 8-9).

Сближение этих подходов не было случайным, оно было подготовлено, с одной стороны, потребностями науки о славянских древностях, опирающейся на языковые факты, с другой стороны – языкознания (этимологии, исторической лексикологии, семасиологии), пришедшего «к необходимости привлечения широкого культурного контекста для реконструкции исходных значений и путей эволюции древнейшего пласта «культурных» слов» (Там же 9) (имеются в виду работы Э.Бенвениста, В.Пизани, Б.Мериджи, О.Н.Трубачева, В.Н.Топорова, В.В.Иванова и др.). В работах этих ученых прослеживается взаимосвязь реконструируемых праязыка и пракультуры, исследуются пограничные сферы языкознания и культуры на основе единого взгляда на эти явления как на семиотические знаковые системы, поскольку «миф, язык и искусство восходят к конкретному нерасчлененному единству, лишь постепенно распадающемуся на три самостоятельных вида духовного творчества» (Кассирер 1990, 41). О.Н.Трубачев считает необходимостью анализ лексико-понятийных гнезд, по-разному проявляющихся в языке и культуре, но обладающих единой смысловой сущностью (Трубачев 1988, 294 и сл.).

Н.И.Толстой характеризует содержание этнолингвистики следующим образом: «Этнолингвистика есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции. Во всех разысканиях подобного рода язык как средство общения и как одна из важнейших форм этнической (племенной, народной, национальной) культуры, как средство ее определения и поэтического выражения оказывается в доминантной позиции. Он всегда остается основным предметом исследования вне зависимости от того, какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т.п.) подвергается анализу» (Толстой 1983, 182).

Наиболее значимыми для этнолингвистических исследований оказываются лексика и фразеология, поскольку «именно на этих языковых уровнях наблюдается минимальное давление системы, которое… значительно в морфологии и сильно в фонологии (фонетике). Некоторая мозаичность лексики повышает степень неравномерности ее развития и способствует консервации

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

отдельных ячеек лексической мозаики и в формальном, и в содержательном плане» (Там же 186).

По мнению Н.И.Толстого, предметом исследования этнолингвистики является слово, возникшее и функционирующее в этнической среде, в сфере народной культуры. «Основанием для работы этнолингвистического направления является и то, что язык сам – составная часть и орудие культуры и может быть описан и часто описывается через признаки, общие для всех явлений культуры» (Толстой 1983, 190).

По этой причине в этнолингвистических исследованиях первостепенное место отводится анализу терминов народной духовной культуры. «Во многих случаях термин служит семантическим стержнем, организующим обрядовые и мифологические формы народной культуры. С другой стороны, «культурное содержание и функции углубляют собственно языковую характеристику термина» (Толстые 1983, 13). Терминология славянской духовной культуры неоднородна и включает несколько пластов: собственно мифологическая лексика; обрядово-календарная лексика; различные лексико-семантические группы слов, получающих статус мифологем в народной духовной культуре (Плотникова 1990, 22).

«Этнолингвистическое изучение самой терминологии конкретной духовной культуры позволяет проследить историю и эволюцию этой культуры в главных чертах и получит о ее древней, часто первичной структуре определенное представление, так как термин в обряде, ритуале, мифологии отражает ключевые моменты обряда и мифологических воззрений или указывает на мифологические персонажи, предметы и действия исключительной важности» (Толстой 1983, 189). Однако, исходя из того, что, во-первых, народная духовная культура не существовала вне языка, а во-вторых, «огромное большинство феноменов культуры и их языковых выражений производно и вторично» (Трубачев 1988, 303), считаем целесообразным расширение предмета этнолингвистического исследования за счет слов, не обнаруживающих внешней связи с терминологией культуры, тем не менее ее проявляющих при рассмотрении таких языковых единиц сквозь призму этнопсихологии и этнокультуры как продукта архаичного миросозерцания. По этой причине разделяем мысль М.М.Покровского, высказанную им в речи «О методах семасиологии»: «Для понимания семасиологических явлений необходимо постоянно иметь в виду и психологию, и историю народа» (Покровский 1959, 32). В таких случаях культурный контекст становится дополнительным источником, а иногда и главным критерием семантической реконструкции слова и направления эволюции его значения. «Будучи обременено дополнительными надъязыковыми функциями, связями и оппозициями, слово в мифологическом контексте сохраняет и выявляет, как правило, наиболее архаические стороны своей семантики» (Толстой, Толстая 1978, 365).

Актуализация этнолингвистических исследований возвращает филологии ценную традицию отечественного языкознания, связанную с именами Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни и др. крупнейших ученых прошлого века, традицию рассмотрения и анализа фактов языка в теснейшем со-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

отнесении их с фактами культуры, с критериями народного сознания. По-прежнему актуально звучит мысль Ф.И.Буслаева: «Сколько бы народ ни отклонился от своего первобытного состояния: пока он не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков». «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался: и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная долго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу» (Буслаев 1848, 87-88). Вместе с тем такое возвращение не есть простое возобновление минувшего, но представляет собой качественно новый этап в познании (Журавлев 1982, 2), поскольку лингвистика с тех пор значительно продвинулась в разработке своего научного аппарата, а также в совершенствовании традиционных и выработке новых методов исследования.

2. ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

Архаичным обществам свойственны символические (знаковые) системы классификации явлений внешнего мира (Иванов 1978, 96), которые сводятся к «далеко идущему бинаризму (дуализму при социальной интерпретации мифологических структур)», считающемуся «одной из основных черт всей славянской картины мира» (Иванов, Топоров 1983, 156). Эти логические оппозиции чувственных качеств помогали преодолевать «непрерывность» восприятия окружающего мира путем выделения дискретных «кадров» с противоположными знаками. С течением времени данные контрасты все более семантизируются и идеологизируются, становясь различными способами выражения фундаментальных антиномий» (Мелетинский 168).

Так, общая картина мира характеризовалась двоичными оппозициями, связанными с описанием структуры пространства (*верх-низ, небо-земля, земля-подземное царство, правый-левый, восток-запад, север-юг*), с временными координатами (*день-ночь, весна (лето)-зима (осень)*), с цветовыми характеристиками (*белый-черный* или *красный-черный*), а также противопоставлениями, находившимися «на стыке природно-естественного и культурно-социального начала (*мокрый-сухой, сырой-вареный, вода-огонь*)» (Мифы народов мира 162). Серию таких противопоставлений следует продолжить за счет корреляции *прямой-кривой*, обладающей чертами универсальности двоичных признаков, описывающих мир и организующих его (Иванов, Топоров 1965; Маковский 1989; Толстой 1965; ЭССЯ 15, 31). В число двоичных оппозиций входили также пары, проявлявшие «отчетливо социальный характер (*мужской-женский, старший-младший* (в разных значениях – возрастном, генеалогическом: *предки-потомки*, общественном), *свой-чужой, близкий-далекий, внутренний-внешний*)» (Мифы народов мира 162). Все указанные пары противоположностей представляли собой частные реализации более общих, «не локализованных в пространственном, временном, природном или социальных планах»

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

бинарных корреляций (*счастье-несчастье (доля-недоля), жизнь-смерть* и – наиболее абстрактное числовое обозначение их – *чет-нечет*) (Там же).

Реконструируя содержание компонентов этих оппозиций для славянской духовной традиции, нельзя не заметить, что первые члены бинарных противопоставлений связывались в сознании древнего человека с представлением о положительном (о добре, счастье, удаче, правде, легкости и т.д.); тогда как вторые компоненты соотносились с антитетическим представлением (о зле, несчастье, неудаче, кривде, трудности и т.д.) (Иванов, Топоров 1965, 91-98; они же 1974, 259-305; Цейтлин 64; ЭССЯ 15, 31; Толстой 1965, 133). Такая закрепленность, по-видимому, связана с тем, что каждую из опозиционных пар можно рассматривать как частный случай главной оппозиции *благоприятное-неблагоприятное*, поскольку все сигналы, полученные «первобытным» коллективом и каждым его членом из внешней среды, «делятся на благоприятные (для коллектива, определенной его части или индивида) и неблагоприятные. Соответственно формируются ряды равнозначных с этой (и только с этой) точки зрения групп сигналов и классов сигналов (иногда уже достаточно абстрактных)» (Иванов 1978, 96-97). Таким образом, сложившись на основе главной оппозиции *благоприятное-неблагоприятное*, и первые, и вторые члены бинарных противопоставлений образуют своего рода знаковые подсистемы, внутри которых вступают в отношения синонимии, а порой и тождества, то есть могут кодироваться посредством признаков компонентов данной подсистемы (с одной стороны, *положительный, сакральный, свой, внутренний, прямой, правый, восточный, мужской, четный, светлый, близкий* и т.п.; а с другой – *отрицательный, профанный, чужой, внешний, кривой, левый, западный, женский, нечетный, темный, далекий* и т.п.).

Подобная бинарная система характеризует особенности миропонимания не только славян. Например, согласно Аристотелю, «противоположности суть начала существующего; но сколько их и какие они – это мы можем почерпнуть у одних только пифагорейцев» (Аристотель 77); «другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять тысяч начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое» (Там же 76). Несмотря на то, что компоненты приведенных бинарных рядов нуждаются в упорядочении, смежность их со славянскими оппозициями не вызывает сомнений.

Определенное сходство можно выявить и в древнеиндийской мифопоэтической традиции, для которой типичны следующие противопоставления гармонии и хаоса: *день-ночь, верх-низ, правый-левый, мужчина-женщина* (Маковский 1992, 45).

На основе названных оппозиционных пар формируются универсальные знаковые комплексы модели мира, реализующиеся в разных кодовых системах. Разные фрагменты, персонажи, объекты мира могут служить базой разных кодов, универсальность которых выявлена к настоящему времени достаточно четко (Толстой 1987, 170). Одно и то же содержание может быть передано средствами растительного, животного, минерального, астрономического, кули-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

нарного, абстрактного кодов или же воплотиться в разные сферы деятельности – религиозно-юридическую, военную, хозяйственную и т.д. (Мифы народов мира 163; Толстые 1983, 217).

Сложнейшая система разнообразных кодов тем не менее обнаруживает единство на семантическом уровне, поскольку обладает единым объектом описания. «Содержательное единство предопределяет возможность перекодировки, а на формальном уровне – выработку процедуры перехода от одного кода к другому» (Цивьян 194). В этой функции ведущее место принадлежит естественному языку, рассматриваемому в качестве лингвистического кода модели мира, поскольку «1) только язык может описать модель мира в ее целостности и совокупности и с любой степенью подробности; 2) только язык может адекватно передавать любой другой код модели мира; 3) язык может описывать не только «свою собственную», но и любую другую модель мира» (Там же 195).

В таком случае единица языка (лингвистического кода) становится эффективнейшим средством освоения мира. Примером использования подобного подхода к интерпретации языковых фактов может служить работа Ф.Ницше «Генеалогия морали», где автор изучает эволюцию различных видов человеческой морали на основе этимологического анализа ряда слов со значениями ’плохой’ – ’хороший’; ’добро’ – ’зло’; ’вина’, ’угрызения совести’. «Фактически Ницше устанавливает определенные ряды тесно связанных между собой значений, то есть семантические универсалии – пластическую непрерывность, движение значения, которое само по себе воплощено в различных представлениях, образах и метафорах» (Маковский 1991, 140). Он стремится выяснить тот способ, которым «языковые формы и ценности трансформируют и формируют человеческие культуры» (Там же).

Если пары противопоставленных друг другу признаков имеют закрепленную социальную маркированность, а «большая часть нашей обыденной понятийной системы в сущности своей метафорична» (Лакофф, Джонсон 127), тогда логично предположить зависимость производной семантики языковых единиц от места соответствующих понятий и представлений в рядах оппозиций. Иными словами, члены бинарных оппозиций обнаруживают способность формировать вторичные номинации со сходными значениями, имеющими или позитивную, или негативную маркированность. Их анализ дает возможность не только выявлять семантические закономерности, устанавливать типологию языковых преобразований, прогнозировать формирование аналогичной вторичной семантики у лексем, обладающих близкими исходными значениями, но и определять место соответствующих представлений в мировоззренческой структуре человека, а также их эволюцию.

Высказанную мысль подтверждает анализ вторичных номинаций, основанных на представлениях древних славян о кривизне, изогнутости. Поскольку соответствующие признаки в составе бинарных оппозиций имеют отрицательную оценочную маркированность, следует ожидать развития негативной переносной семантики у лексем с первичным значением ’кривой, гнутый’. В каче-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

стве доказательства в работе рассматриваются основные семантические модели.

К анализу привлекаются не только языковые единицы, обнаруживающие свои образность, ассоциативность, двуплановость, т.е. признаки семантического переноса, но и лексемы, являющиеся вторичными лишь генетически и не воспринимающиеся как производные носителями современного языкового сознания. Последние подвергаются этимологическому анализу, в результате которого устанавливается их первичная мотивация. При этом представляется естественным, исходя из проблематики нашей работы, что наиболее важное значение для этимологизации приобретают типологические и культурно-исторические критерии. Меньше внимания уделяется формальному (мы воспроизводим данные этимологических источников) и ареальному аспектам по причине ограничения привлекаемых к исследованию фактов преимущественно восточнославянским языковым материалом, а также отсутствия гарантии полного отражения изучаемого материала диалектными лексикографическими источниками.

Изложенная проблематика обусловила применение следующих методов: доминирующее положение занимают традиционные методы: описательно-аналитический, этимологический, исторический. Описание механизма развития переносного значения, выявление направленности мотивации значения, сопоставление семантических объемов прямого и переносного значений потребовали использования дифференциального метода, или метода компонентного анализа. Его дополняют частные методы: системного анализа, полевого анализа, идентификации, интегральный метод.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКИ НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРИВИЗНЕ

3.1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМ С ИСХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ’КРИВОЙ, ИЗОГНУТЫЙ’

Большинство вторичных номинаций, описанных в этой главе, представляют собой результат универсальной закономерной семантической трансформации от конкретного к абстрактному. Одним из доминирующих признаков при рассматриваемых семантических переносах является образ кривизны, изогнутости. Однако степень соотнесенности вторичных номинаций с этим образом различна. Поэтому в каждом из разделов работы сначала анализируется семантическая структура лексем, сохраняющих внутреннюю форму, а затем семантическая структура лексем, подвергшихся демотивации.

3.1.1. Лексемы со значением ’болеть; умирать’

Указанное переносное значение могло сформироваться вследствие реализации семантической модели ’болеть; умирать’ ← ’гнуть, кривить’. Таким образом развилось значение рус. диал. *ломиться* ’болеть’ (СРНГ 17, 120), рус.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ломить в безличном употреблении ’о болезненном состоянии, ломоте в костях’ (Уш. П, 88; СРЯ П, 199), диал. (волог., перм., тул.) безл. *ломить* ’о боли в какой-либо части тела’ (СРНГ 17, 120), рус. разг. *ломать* ’вызывать болезненное ощущение ломоты’ (СРЯ П, 198). Первичная семантика глаголов выявляется в рус. *ломить* ’гнуть с такой силой, которая может сломить предмет’, *ломиться* ’гнуться от сильного напора, давления с опасностью переломиться’ (Уш. П, 88; ЭССЯ 16, 16-19), *ломать, ломить* ’гнуть’ (Д П, 264).

Та же сема изогнутости реализуется в семантической структуре следующих вторичных номинаций: рус. диал. (перм., сиб.) *дыгать* ’быть чуть живу’ ← ’гнуться’ (Д I, 506); орл. *закадрычиваться, закадрычиться* ’захиреть, заболеть’, калуж. ’умереть’ ← калуж., кур., орл. ’завернуться, загнуться’ (СРНГ 10, 116); диал. безл. *скалябить* ’скрутить, появиться сильной боли’ – ср. пск., твер. *скалябать* ’изогнуть, скалечить’ (СРСГ 11, 180); укр. *скандзюбитися* ’околеть’ ← ’скорчиться’ (Гринч. IV, 131).

Архесема изогнутости более или менее очевидна в семантически производных, генетически соотносимых лексемах, различающихся ступенями праславянского корневого вокализма (*gъb-/*gub-/*gyb- < и.-е. gheub(h) – ’сгибать, гнуть’) (Козлова 1984, 73-75): рус. прост. *загнуться* ’умереть’ ← ’сгибаясь, завернуться или изогнуться в сторону, вверх или вниз’ (СРЯ I, 509), бел. *загнуцца* ’умереть’ (СБГ 2, 201) – ср. бел. *загнуцца* ’загнуться’: *Добра загнуўся гэты вяз* (Бяльк. 174), – в словообразовательной структуре которых, затемненной вследствие фонетических причин, только этимологически можно выявить корень *-gъb-, отражающий ступень редукции корневого вокализма. Аналогичность развития значений свойственна также реализациям праславянского корня *-gyb- на ступени удлинения редукции, например: бел. *загінаць* ’погибать’ ← ’загибать’, ’заворачивать назад’ (Нос. 164), *сгібаць* ’погибать’ (Нос. 576), *згібаць* ’погибать, говоря о гибели моральной’ ← ’сгибать’ (Нос. 201), рус. *сгибать, сгибнуть* ’погибать, погибнуть’ (ср. *сгибать* ’гнуть, сводить концы дугой, перегибать, складывать переломом, отклонять гибкую вещь от прежнего направления’ (Д IV, 163), диал. *згибнуть* ’согнуть’ (СРНГ 11, 227)), бел. диал. *згібнуць* ’погибнуть, умереть’ (Янкова 135) (ср. *згібнуць* ’согнуть (дугу)’ (СБГ 2, 292). Помимо случаев прямой соотнесенности с образом кривизны, изогнутости, среди лексем с данным этимологическим корнем можно выявить такие, метафоричность которых не осознается носителями современного языкового сознания, например: рус. *гибнуть*, диал. *гинуть* (Р 79), *гибеть* ’болеть, чахнуть’ (ЯОС 73); бел. диал. *гінуць* ’гинуть’ (СБГ 1, 445), *гібець* ’околевать, пропадать’ (СБГ 1, 441) при наличии бел. диал. *гібацца* ’гнуться’, *гібаць* ’гнуть’ (Там же), рус. лит. и диал. *погибать, погибнуть* ’умереть, прекратить существование трагически, преждевременно’ (СРЯ Ш, 166; Д Ш, 154), бел. *пагібаць* ’гинуть’, ’вымирать’ (СБГ 3, 289) (ср. *пагібацца* ’погнуться’ (Там же), отглагольное прилаг. *пагібаны* ’изогнутый’ (Сцяшк. 323)); рус. *загибнуть, загинуть* ’погибнуть’, диал. (пск., твер.) *загибеть* ’захворать тяжело; загибнуть’ (ср. *загибать, загинать, загнуть* ’гнуть, сгибать, заворачивать край, скрючивать, заламывать’ (Д I, 867)); рус. уст. и прост. *сгибнуть* ’погибнуть’ (СРЯ IV, 60), прост. *сгинуть* ’умереть, погибнуть’

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

(СРЯ IV, 61); диал. (новг., урал.) *изгибать, изгибнуть* ’погибнуть, гибнуть’ (СРНГ 12, 116), волог., вят., перм. *изгинуть* ’погибнуть, сгинуть’ (Там же 117); рус. *губить* ’приводить к гибели, к смерти; убивать’ (СРЯ 1, 355; ЭССЯ 7, 166), диал. *загубиться* ’заболеть’ (СРНГ 10, 33).

Аналогичным путем происходило формирование вторичной семантики генетически соотносимых глаголов: рус. диал. (пск., твер.) *кочурить* ’сводить судорогами, передергивать, корчить (о болезни)’ (СРНГ 15, 135-136), калуж., олон., сиб., смол. *качуриться* ’находиться при смерти, умирать’ (СРНГ 15, 136; Добр. 354), бел. *качурыцца* ’умирать в корчах’ (Б.-Н. 145), рус. диал. (пенз.) *закочериться* ’заболеть; умереть’, оренб., приурал., урал. *закочуриться* ’тяжело заболеть; умереть, окочуриться’ (СРНГ 10, 159), *окочуриться* ’умереть, издохнуть’ (Д П, 667; Добр. 354), *скочуриться* ’умереть’ (Добр. 354) (ср. рус. диал. (новг., череп.) *закочуривать* ’заворачивать, поворачивать повозкою’ (Д 1, 590), сев.-двин. *закочерить* ’загнуть, перегнуть’, новг. *закочаривать* ’менять направление, заворачивать куда-либо’: *Закочуривай налево* (СРНГ 10, 159), влад., костром. *кочера* ’кривая елка’, влад. ’обрубок суковатого дерева’, ’пень с кривыми корнями, вырытый из земли; коряга’ (СРНГ 15, 126).

Только путем этимологического анализа можно доказать вторичный характер семантики бел. диал. *скрэгаць* ’болеть, быть чуть живу, еле-еле держаться’ (НС 55), восходящего к праслав. *(s)kręgati ’сгибаться’, являющемуся продолжением *(s)ker- ’сгибать, вращать’ (Петлева 1989, 68-69).

Можно предположить, что генетической метафорой является также бел. диал. глагол *клякнуць* ’сгинуть, утратиться’ (СБГ 2, 487), который авторами ЭСБМ сравнивается с рус. *клякнуть*, укр. *клякнути* ’замерзнуть, задубеть; засохнуть’ и лит. *klekti* ’густеть, замерзать’. При этом авторы ЭСБМ справедливо замечают, что «соотношение восточнославянских и литовских форм неясное» (ЭСБМ 5, 77). Однако характер такого соотнесения проясняется при рассмотрении бел. диал. глагола в кругу этимологически родственных языковых единиц, восходящих к праслав. *klęk- (ЭССЯ 10, 31), в семантической структуре которых отчетливо прослеживается сема кривизны, изогнутости, например: др.-рус. *клячити* ’нагибаться’, ’хромать’ (Срезн. 1, 1238), рус. *клякать* ’становиться на колени’ (Фасм. П, 259), бел. *клякаць* ’падать на колени’ (Нос. 238), диал. *кляк* ’сук’ (СБГ 2, 486), ’корень’ (ДСБ 98), ’изогнутая ветвь или корень’ (ТС 2, 199) и др. Учитывая характер производных и наличие регулярной модели ’болеть; умирать’ ← ’гнуть, кривить’, можно предположить, что формирование вторичной семантики стало возможно на основе идеи кривизны, изогнутости. Что же касается значений ’замерзнуть, задубеть; засохнуть’ рус. и укр. соответствий и бел. диал. *клякнуць* ’утратиться’, то их наличие не противоречит общему образу утраты, потери, смерти. Ср., к примеру, аналогичные сопутствующие значения лексем с общепризнанной этимологией: бел. диал. *гнуцца* ’сгибаться’, ’мертветь’ (СБГ 1, 458), рус. диал. *гибеть* ’портиться, пропадать’ (Ман. 39), бел. *гібець* ’гибеть, пропадать’ и *гібаць* ’гнуть’ (БРС 1, 320), диал. *гіблець* ’зябнуть’ (СБГ 1, 442), бел. *згубіць* ’потерять’ (ТСБМ 2, 455), диал. ’потерять, загубить’ (СБГ 2, 296) и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Образ кривизны, изогнутости отразился в истории семантического развития не только глагольной лексики, но и ряда адъективов, напрмер: рус. диал. *кривой* ’больной’ (Добр. 359); укр. *хисткий* ’слабого здоровья’ ← ’гибкий’, ’колеблющийся, шаткий’ (Гринч. IV, 398); рус. *хилый* ’слабый, болезненный, немощный’ (СРЯ IV, 597), бел. диал. *хілы* ’слабый, бессильный’ (ТС 5, 238) (ср. бел. *хілы* ’гнущийся’ (Б.-Н. 335), ’гибкий, гнущийся’ (Нос. 678), диал. *хілы* ’согнутый, склоненный’ (ТС 5, 238)), *похілы* ’слабый, болезненный’ ← ’согнутый’ (ТС 4, 203) и т.п.[1]

Только в результате этимологического анализа может быть восстановлен производный характер семантики праслав. *хуґъ(jь), реализовавшегося в рус. диал. (волог.) *хирый* ’хворый, хилый’ (Доп. К Оп. 290), бел. *хіры* ’постоянно больной, хилый’ (Нос. 678), связанного чередованием гласных с *xvorъ (ЭССЯ 8, 158-159). В свою очередь, продолжениями праслав. * xvorъ(jь) стали рус. прост. *хворый* ’больной, болезненный’ (СРЯ IV, 596), диал. *хворой* ’больной’ (ДС 582), пск., твер. *хорый* (Доп. к Оп. 294), бел. *хворы* ’больной’ (ТСБМ 5, 2, 190), укр. *хворий* ’больной’ (Гринч. IV, 394), *хорий* ’больной’ (Гринч. IV, 410)[2].

Исходя из того, что болезнь, хворь сгибает человека, А.А.Потебня объяснил происхождение *xvorъ из *swar- ’колебаться’ и сделал «тонкое наблюдение о народном поэтическом представлении печали, слабости, болезни в образе дерева или былины, склоняемых ветром» (ЭССЯ 8, 131-132). Характерны в связи с этим устойчивые сравнения *загнуўся як быліна* (Высл. 322), *сагнуўся як быліна* (Бел. прык. 425; Высл. 380). Показателен также контекст в словарной статье к бел. диал. прилагательному *нахіліный*: *Нахіліный к зямле дуб меў пічальный выглід* (Бяльк. 282).

Действительно, семы ’гнуть’ и ’колебать’ часто оказываются сопутствующими и в равной степени способствующими развитию производных негативных сем – ср., например, рус. *сгибать*, др.-рус. *гыбатися* ’шевелиться’, гыбати ’погибать’ (Срезн. 1, 618); укр. *хисткий* ’гибкий’, ’колеблющийся’, ’слабого здоровья’ (Гринч. IV, 398); бел. диал. *хібкі* ’гнущийся’ (ТС 5, 238), *хибать* ’качать, колебать’ (Д IV, 547) укр. *хибкий* ’неустойчивый, шаткий, колеблющийся’, ’слабый’ (Гринч. IV, 396), *схибити* ’уклониться в сторону’ → ’не удаться, выйти неудачным’ (Гринч. IV, 235); бел. *ківіляцца* ’качаться, шататься’ (ТС 2, 190), рус. диал. (новг.) *ковылять* ’гнуть’ сгибать, перегибать, наклонять’ (Д П, 129; СРНГ 14, 37-38) и зап., южн. *ковылять* ’жить кое-как, с трудом’ (Там же). Это положение подтверждается примером другого рода: смежность подобных представлений легла в основу мифологемы *Осина* и комплекса связанных с ней негативных ассоциаций. Способность осинового листа дрожать, колебаться даже при отсутствии ветра приписывалась воздействию на это дерево нечистой силы. Ср. в связи с этим семантику устойчивого сравнения *дрожать как осиновый лист* – о том, кто трясется, дрожит от холода, страха, волнения и т.п. (подробнее см. Коваль 1994, 34-35).

---

[1] О происхождении *xylъ < *ksū-l-, сближаемого с *xudъ < *ksou-d- см. Мельничук 1968, 214-215.

[2] В.В.Мартынов предложил такие параллели к слав. лексической группе: др.-иран. xˇara ’рана; ранение’, др.-в.-нем. sweran ’болеть, нарывать, гноиться, пухнуть’, swero ’нарыв’, ср.-нидерл. sweren ’болеть, гноиться, нарывать’, кимр. chwar-ren ’опухоль, нарыв’. См. Мартынов 1968, 138.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Таким образом, семантический переход ’гнуть, кривить’ → ’болеть; умирать’ можно квалифицировать как регулярный и достаточно распространенный в русском и белорусском языках. Показательно, что взаимосвязь представлений о кривизне, изогнутости и болезни, смерти нашла отражение не только в семантике вторичных номинаций, но и ряде пословиц, поговорок, например: *Уходила, умучила, согнула да скрючила* (о болезни). *В крюк свело, согнуло, скорчило. Эх, друг, согнуло тебя в крюк! То же тело, да клубком свертело* (Посл. 316). В этом отношении примечательны бел. проклятия, например: *Гнеш, каб цябе сагнула ў тры пагібел* (Высл. 204)! *Каб цябе звіло да скруціла! Каб цябе звярцела* (Там же 223)! *Каб яго сагнула ў сук! Каб яго скорчыла! Каб яго скруціла, зламала ды ў сук сагнула* (Там же 228)!

Можно полагать, что место соответствующих представлений в системе бинарных признаков модели мира обусловило развитие негативной семантики у лексем с исходным значением ’кривить, гнуть’. Характерно, что первые члены оппозиционного ряда *прямой-кривой* реализует модель с противоположным семантическим наполнением, например: рус. диал. *выпрямиться* ’поправиться’ (о зрении) (Добр. 103); др.-рус., рус.-ц.-слав. *исправити*(*ся*) ’сделать прямым, выпрямить’ (СРЯ XI-XVII вв. 6, 288-289), откуда затем рус. диал. *исправиться* ’выздороветь, перестать болеть’ (СРГНО 205), ср. также *направиться* ’выздороветь, поправиться’ (СРСГ 11, 13), арх. *Он прав, правехонек, правехонешек* ’он здоров’ (Д Ш, 377). Такие же основания семантического переноса можно отметить для рус. диал. *сдыбать* ’встать с постели, выздороветь’ (СРСГ 11, 175), *одыбариться* ’очнуться, прийти в себя’ (Там же 44) – ср. рус. диал. *дыбить* ’вздымать стойком’, *дыбиться* ’становиться дыбом, на дыбы’ (Д 1, 506) и др.

Переносная семантика славянских лексем не может рассматриваться в отрыве от широко распространенного обряда скорченного погребения, отражающего идею реинкарнации. По мысли Б.А.Рыбакова, «скорченные погребения имитировали позу эмбриона в материнском чреве; скорченность достигалась искусственным связыванием трупа. Родичи готовили умершего ко второму рождению на земле, к перевоплощению его в одно из живых существ» (Рыбаков 1987, 73; см. также Рыбаков 1981, 268).

3.1.2. Лексемы, выражающие поведенческие характеристики человека

Представления о физическом действии сгибания, скручивания, ломания явились основой для развития переносных значений, связанных с морально-этическими отношениями людей. Как правило, все эти значения негативно маркированные. Аналогичную вторичную семантику формируют также лексемы с исходными значениями вязания, витья, плетения и т.п. Причину этого явления следует видеть в том, что «празначения» первичных основ и корней… правильнее было бы определять не как собственно лексические значения, а в лучшем случае как некие смысловые сферы (и притом очень широкого порядка), в которых обычно функционируют производные от этих корней и основ слова» (Звегинцев 1957, 321). Если вести речь о комплексе ассоциаций, связанных с такой смысловой сферой кривизны, изогнутости, то вполне логично, что

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ассоциации на основе более сложных, специальных действий вязания, плетения, витья будут если не тождественны, то сходны с возникающими на базе первичных, более примитивных действий сгибания, верчения и т.п.

Рассмотрим наиболее частотные семантические модели.

3.1.2.1. Лексемы со значением ’подчинять своей воле’

Переносная семантика, возникшая в результате реализации модели ’подчинять своей воле, угнетать, неволить’ ← ’гнуть, кривить’, свойственна ряду восточнославянских глаголов с достаточно ясной внутренней формой. В их числе отметим рус. *гнуть* ’подчинять своей воле’ (СРЯ 1, 322), *гнуть кого в дугу, в крюк* ’обижать, теснить, неволить, покорять силою’ (Д I, 362) (аналогичны значения рус. фразеологизмов: *согнуть кого в дугу* (*три дуги, три погибели*) (Посл. 108), *согнуть кого в бараний рог* (Там же 120); поговорок: *сокрутил в крюк; смотал его клубком, да и связал узлом* (Там же 188)), укр. *гнутися* ’покоряться’ ← ’гнуться, сгибаться’ (Гринч. 1, 295).

По этой же модели образовано бел. *гнібіць* ’притеснять, угнетать, уничижать’ – ср. *гнібіцца* ’гнуться, корчиться’ (Нос. 114).

Аналогичны семантические истоки рус. диал. (смол.) *корчиться* ’о невольном и неприятном подчинении’ ← *корчить*(*ся*) ’сгибать(ся)’ (Добр. 348), а также иван. *закобенить* ’взять под арест, посадить в тюрьму, засудить’ (ср. влад. *закобенить* ’сильно согнуть, заломить’) (СРНГ 10, 137), диал. *скобенивать, скобенить* ’угнетать’ ← ’согнуть в дугу, в скобу’ (Д IV, 200).

Образ кривизны, изогнутости очевиден в семантической структуре др.-рус., рус.-п.-слав. *ломити* (кого) ’мучить, уродовать’ ← ’изгибать(ся), выгибать(ся)’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 279-280), сюда же укр. диал. *заламлювати* (кого) ’взять верх над кем’ (Гринч. П, 57).

Тот же образ лежит в основе укр. *хилитися* ’быть покорным кому, быть по чьей властью’ ← ’клониться, наклоняться, склоняться’ (Гринч. IV, 397), *підхиляти*, *підхилити* ’покорять, покорить, подчинять, подчинить’ ← ’склонять, склонить под что-либо’, *підхилитися*, *підхилятися* ’покориться, покоряться’ ← ’склониться, склоняться под что’ (Гринч. Ш, 184), *похилий* ’покорный’ ← ’склонившийся, наклоненный, наклонный’ (Гринч. Ш, 386).

Следы подобных представлений обнаруживаются в семантике рус. диал. (алт.) *кляпить* ’угнетать, доводить до бедственного состояния’ (СРНГ 13, 332) – ср. сев.-двин. *клепить* ’клонить’, волог., вят. *клепиться* ’клониться, гнуться (о дереве)’ (СРНГ 13, 281; ЭССЯ 10, 34); *кляпина* ’покляпое дерево, коряга, кривое, наклонное’ (Д II, 124), *кляплая береза* ’покляпая или пониклая пнем’ (Там же), *кляплый* ’согнутый’ (Фасм. II, 260); *покляпый* ’наклонный, пригнутый книзу, крюковатый’ (Д Ш, 242).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

3.1.2.2. Лексемы со значением ’вести беспорядочную жизнь; пьянствовать’

Названные вторичные номинации со свойственной им явной отрицательной оценочностью образуются по двум семантическим моделям. Первая модель ’наклонять рюмку = опрокидывать’ → ’пить спиртное’ представляет достаточно редкий для нашего материала случай метонимического переноса. Существование подобной модели отражается в переносной семантике укр. *хилити* (горілку, чарку) ’выпивать’ ← ’клонить, наклонять, склонять’ (Гринч. IV, 397), *вихиляти*, *вихилити* ’выпивать, выпить’ – ср. *вихилятися*, *вихилитися* ’выгибаться, выгнуться’ (Гринч. I, 196).

Вторая модель ’гнуть, крутить’ → ’пьянствовать’ основана на метафорическом переносе. Иногда данная семантическая трансформация могла характеризоваться наличием промежуточного звена ’вести себя неподобающим образом, недостойно’, восстановление которого не всегда представляется возможным. Как и другие группы вторичных номинаций, лексемы со значением ’пьянствовать’ неоднородны по степени соотнесенности с образом кривизны. Важно при этом отметить, что семантически прозрачные лексемы этого типа сравнительно немногочисленны. Внутренняя форма, например, без труда выявляется в рус. диал. (ряз.) *закачурить* ’запьянствовать’ (СРНГ 10, 122) – ср. пск., твер. *качурить* ’гнуть, коробить, корчить’ (Д П, 100).

Большинство же синонимичных лексем утратило образный характер и может квалифицироваться лишь в качестве генетических метафор. К их числу принадлежит рус. *кутить* ’проводить время в кутежах’ (СРЯ П, 156), *кутить* ’пьянствовать, кружиться; отчаянно проказить, пить, буянить’ (Д П, 227), глагольное продолжение *kut- < и.-е. *keu-t/*kou-t-, производного с суффиксом *-t- ’согнутое, крюк’ (ЭССЯ 13, 139-140) (ср. укр. производное с тем же корнем *кутач* ’кочерга’ (Гринч. П, 332)). Подобное этимологическое решение находим в работе Л.В.Куркиной, которая приводит интересное словесное соответствие kutiti se ’нагибаться, наклоняться, прятаться, сидеть на корточках’ (Куркина 1973, 75).

Рассматривая историю семантики рус. *кутить*, В.В.Виноградов отмечал, что данный глагол проник в русский литературный язык XVIII века из северорусских говоров, где имел два основных значения: ’пьянствовать’ и ’о погоде – бушевать, заметать снегом, обдавать дождевой пылью, крутиться’ (Виноградов 1968, 116; см. также Мерк. 78). «В русском литературном языке XVIII века глагол *кутить* применялся не только к обозначению действий ветреной, бурной, вьюжной погоды, но и служил образной характеристикой поведения вздорного человека – буяна, бунтовщика, сплетника, интригана и спорщика» (Виноградов 1968, 112). Переносное значение *кутить* наиболее ярко «выступало в поговорочном выражении *кутит и мутит*, которое употреблялось и по отношению к метели, и по отношению к вздорным и буйным людям» (Там же 113). В 30-40-е годы XIX века в литературном языке окончательно укрепляется переносное значение глагола *кутить* ’выходя из привычных рамок быта, жить

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

безрасчетно, очертя голову, мотать денежные средства и предаваться разгулу’ (Там же 118).

Близок к подобному пониманию соотношения прямого и переносного значений был А.Г.Преображенский, который, несмотря на определение данной лексемы как слова неизвестного происхождения, подчеркивал генетическое единство диалектного значения ’кружить, крутить (о ветре)’ и литературного ’пьянствовать, буянить’ (Преобр. I, 421-422).

Таким образом, возникший на основе образа кривизны глагол *кутить* прошел довольно сложный путь семантического развития: ’крутить, кружить’ → ’вести беспорядочную жизнь, «выходя из привычных рамок быта»’ → ’пьянствовать’. Закономерность подобных преобразований подтверждается укр. глаголом *закрутити*, обладающим ясной внутренней формой: *закрутити* ’закутить’ ← ’закрутить, завертеть’ (Гринч. П, 55).

Взаимосвязь сем ’гнуть’, ’делать что-либо неприличное’, ’пьянствовать’ с актуализацией дополнительной семы ’болеть’ наблюдается в семном составе рус. диал. (нижегор.) производного безличного глагола с корнем *kъl- *калябить* ’испытывать чувство физического страдания (обычно о пьяном человеке, которого тошнит и т.д.) (СРНГ 13, 11) – ср. пск., твер. *скалябать* ’изогнуть’ (СРСГ 11, 180). Несмотря на то что данный глагол не зафиксирован этимологическими источниками, первоначальную сему корня можно восстановить на основании производной семантики данного глагольного образования и соотносительного имени, в целом совпадающей с вторичными значениями других исследуемых лексем, например: диал. глагол *калябить* помимо названного имеет следующие значения: яросл. ’ломать’, нижегор. ’страдать’, яросл. *калябиться,* моск. *колябиться* ’кривляться, ломаться’, тверск. ’упрямиться, заставляя просить себя о чем-либо; кочевряжиться’, калуж. ’хныкать, кукситься (о ребенке, которому нездоровится)’; ср. также соотносительные имена: олон. *калябя*, симб. *коляба* ’калека’, моск. *коляба* ’кривляка’ (СРНГ 15).

Учет закономерности формирования вторичной семантики ’пьянствовать’ на основе ’гнуть’ дает возможность дополнительной аргументации этимологического толкования ряда лексем с затемненной внутренней формой. Так, рус. прост. *клюкнуть* ’выпить вина, напиться до опьянения’ (СРЯ П, 61), *клюкать* ’хлебать через край, упиваться, пить’, *клюкнуться, клюнуться* ’упасть носом, говорится о пьяном’ (Д П, 122), бел. *клюкаць* ’пить хмельное’, ’шататься в пьяном виде’ (Нос. 238), *уклюкацца* ’упиться, часто потягивая хмельное’ (Нос. 655), рус. *клюка* ’пьяница’ (Преобр. I, 320) традиционно считаются звукоподражательными (Преобр. I, 320; Фасм. П, 257), связанными с klukati/glukati ’булькать’ (Славский 1, 287) (ЭСБМ 5, 73). Таким образом, названные восточнославянские лексемы оказываются омонимичными рефлексами и.-е. *(s)kleu-, например: рус. *клюка* ’палка с загнутым концом, употребляемая для опоры при ходьбе’ (СРЯ П, 61), диал. *клюка* ’кочерга’, ’изгиб реки’, ’о горбатом человеке’, ’о согнувшемся от старости человеке’ (СРНГ 13, 319-320), бел. *клюка* ’кочерга’ (ЭСБМ 5, 72), рус. диал. (яросл.) *клюкаться* ’двигаться, сгибаться (о руках)’ (СРНГ 13, 320) и др., сохраняющим первоначальное значение корня ’крюк; крючковатая палка’ (Преобр. I, 319-320; Фасм. II, 257; ЭСБМ 5, 72). Учитывая

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

типологию семантических преобразований, можно, наверное, предположить, если и не этимологическое единство *клюкать* ’пить хмельные напитки; пьянствовать’ и *клюкать* ’сгибать’, то возможность контаминации звукоподражательного *клюкать* ’булькать’ и *клюкать* ’сгибать’, а не *клюкаць/глюкаць* и *кляваць* ’пить небольшими порциями’, как это представлено в ЭСБМ (ЭСБМ 5, 73).

Что касается последней лексемы (*клевать* ’пить небольшими порциями’), то она, на наш взгляд, заслуживает самостоятельного рассмотрения: во-первых, очевиден вторичный характер семантики данной лексемы; во-вторых, необходимо сослаться на убедительное обоснование генетического единства *kl’uka ’крюк’ и *klьvati ’хватать носом, клювом’ авторами ЭССЯ (ЭССЯ 10, 57), которое не поддерживается ЭСБМ (ЭСБМ 5, 72). Думается, что основания для семантического сближения в этом случае все же есть. Общей семой *kl’uka ’крюк’ и *klьvati ’хватать носом, клювом’ могла бы быть сема ’цепляться’, сопутствующая, как известно, семе кривизны (Трубачев 1959, 139).

Сема кривизны прослеживается в производных с различным фонетическим обликом корня, например: рус. диал. *клюкаться* ’двигаться, сгибаться (о руках)’ (СРНГ 13, 320) и диал. «*Куда клюешься*?» (от *клеваться*) ’куда идешь сгорбившись, шаткой походкой?’ (Д П, 115); рус. разг. *клевать, клевать носом* ’то опускать, то поднимать голову (о дремлющих сидя или стоя)’ (СРЯ П, 56), бел. *кляваць носам* (ЭСБМ 5, 75) и бел. *клюкаць* ’дремать, уткнувши нос во что-нибудь’ (Нос. 236).

В таком случае в семантической структуре *кляваць* ’пить небольшими порциями’ получили развитие семы, обусловленные внутренней формой слова, – ’небольшой по объему’ и ’пьянствовать’, причем последняя, как правило, доминирует, что нашло отражение в семантике рус. *клюнуть* ’выпить лишку’(Д П, 702), бел. *клюнуць* ’выпить водки, вина, напиться до опьянения’ (ТСБМ П, 702), диал. *клюнуть* ’выпить’ (МДСГ IV, 236), бел. *клёў* ’о состоянии опьянения’ (Нос. 236).

По нашему мнению, этимологической метафорой, связанной с образом кривизны, являются рус. *куликать* ’пьянствовать’ (Д П, 216), *прокуликать* ’пропить’ (Д Ш, 491), *кулик* ’пьяница’ (Д П, 216), которые так же, как и *клюкать*, считаются звукоподражательными («от бульканья») (Преобр. I, 409-410). М.Фасмер, кроме того, допускает родство с *клюкнуть*, непосредственно возводя *куликать* ’пьянствовать’ и *кулик* ’шествие ряженых’ (Фасм. П, 411). Последнему семантически близки рус. диал. (новг.) *кулик* ’окрутник, ряженый’ (Преобр. I, 410), новг. ’парень, пришедший на посиделки с завешенным лицом, окрутник’ (Д П, 216). Это слово традиционно определяют как неясное (Преобр. I, 410), хотя и допускают наличие связи с названием птицы *кулик*: рус. *кулик* ’небольшая болотная птица семейства ржанковых, с длинными ногами и длинным носом’ (СРЯ П, 147), ’общее название голенастой болотной дичи, от самого рослого горбоносого степного кулика до зуйка или поплавка, желтобровки и куличка-воробья…’ (Д П, 216; СРНГ 16, 65), бел. *кулік* ’то же’ (ТСБМ 2, 752), диал. ’то же’ (СБГ 2, 565; МДСГ IV, 266), ’луговая птица’ (Сцяшк. 249).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Наименование птицы также считается звукоподражательным (Преобр. I, 410; Фасм. П, 410-411; ЭСБМ 5, 154).

Таким образом, речь в данном случае идет о трех омонимах: *кулик* ’птица’, *кулик* ’ряженый’ и *кулик* ’пьяница’. Попытаемся все же выявить способы номинации этих единиц.

Прежде всего, представляется правильным возведение первых двух лексем к одному корню *ku-l-, имевшему значение кривизны, а также сжимания и хромоты (см. *kuliti, *kul’avъ), предпринятое авторами ЭССЯ (ЭССЯ 13, 96-97). Тогда идея кривизны оказывается доминирующей при номинации этих лексем, вопреки мнению А.С.Мельничука, считавшего, что *кулик* получил свое название как голенастая птица, а праслав. корень *kul- употреблялся для обозначения кости (ноги) (Мельничук 1968, 235). Действительно, корень *kul- использовался для обозначения ноги, однако способ мотивации здесь был иной: не от названия кости, а от понятия ’кривой’, которое последовательно прослеживается в производных с корнем *kul-. Например, рассматриваемые А.С.Мельничуком лексемы типа *кульгаць* ’хромать’, *кульгавы* ’хромой’ и соотносительные с ними (по М.Фасмеру, «возм., звукоподражание») (Фасм. П, 412) родственны, согласно мнению Ф.Славского, *kulati и отражают результат экспрессивной глагольной суффиксации на –ьg, как в *дергать* (Славский 3, 349) (ЭСБМ 5, 155). Тогда рус. диал. (смол., твер.) *кульгать* ’хромать, ковылять’, диал. *кульга* ’хромой’ (ДП, 216), бел. *кульгаць* ’идти, припадая на одну ногу’ (ТСБМ 2, 753; ТС 2, 249), укр. *кульгати* ’хромать’, чеш. kulgati, слвц. kulhat’, др.-польск. kulgac' в том же значении (Фасм. П, 412) этимологически связаны с укр. *куліти* ’хромать’, *укуліти, закуліти* ’парализовать, скрючить, согнуть’, бел. *куляць* ’низко наклонять, переворачивать, нагибать’ (ТСБМ 2, 755; Нос. 259; СБГ 2, 569), словен. kûlj ’криворогий’, kúljav ’искалеченный’, польск. kulic' ’стягивать, искривлять’, kulawy ’хромой’, kulec' ’прихрамывать, хромать’ (Фасм. П, 413). Предполагается родство с *колдыка* ’хромой, колченогий’, *колдыкать* ’хромать’ (Преобр. I, 411), отражающими идею искривления (Преобр. I, 333); а также с греч. χυλλός ’скрюченный, согнутый, хромой, изувеченный’, χυλλαίνω ’искривляю, парализую’, др.-инд. kunitas ’стянутый’, kūtás ’с обломанными рогами’ (Бернекер, Младенов) (Фасм. П, 413). Закономерность такого сближения подтверждается семантическими аналогами, последовательно реализующими образ кривизны для наименования хромого, хромоты, например: рус. диал. *кривой* ’хромой’ (Д П, 193), пск., твер. *кривляк, кривляка* ’хромой’ (Д П, 194), *кривылять* ’ковылять’ (СРДГ I, 255), бел. диал. *крывы* ’кривоногий, хромой’ ← ’кривой, неровный’ (СБГ 2, 540), укр. *скривіты* ’сделаться хромым’ (Гринч. IV, 143). Таким образом, можно полагать, что корень *kul- способен выражать идею кривизны. Если это предположение верно, тогда птица *кулик* получила свое название не по признаку длинной ноги, а по наличию длинного изогнутого носа (см. у В.И.Даля описание кулика как *горбоносого* (Д П, 216)) (ср. бел. диал. *клюка* ’нос’ (ЖС 143), где изогнутость выступает как мотивирующий признак номинации). Дополнительным аргументом в пользу такого предположения могут служить синонимичные наименования кулика, обладающие, на наш взгляд, ясной внутренней формой, например: рус. диал. *кривец*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

’кулик’ (Мерк. 68), бел. диал. *крывок* ’кулик’ (МДСГ IV) с таким этимологическим комментарием в ЭСБМ: «Возможно, так назван по «кривым прыжкам» (ЭСБМ 5, 128); *ключок* ’кулик’ (МДСГ IV, 236), которое, впрочем, авторы ЭСБМ считают восходящим к *ключ* ’стая птиц (гусей, журавлей и под.), которые летят клином’ (ТСБМ 2, 702), не исключая, однако, возможности обратной деривации *ключ* < *ключок* < *клічок* от *клікаць* и суффикса -*ок*-, характерного для Nomina agentis (по модели *хадок* от *хадзіць*) (ЭСБМ 5, 74). Идею кривизны можно выявить и в структуре рус. диал. (ряз.) *кляпыш* ’болотный кулик’ (Д П, 124), не отраженного этимологическими словарями. Другое значение лексемы *кляпыш* ’завертка, закрутка, кляп’ (Там же) позволяет сблизить его с, к сожалению, не имеющими надежной этимологии *кляп* (Фасм. П, 250; Преобр. I, 321; ЭССЯ 10, 34; ЭСБМ 5, 78), рус. *кляпина* ’кривое, наклоненное дерево, коряга’, *кляплая береза* ’покляпая или пониклая’, *кляпоносый* ’у кого нос покляпый, клюковатый, крючковатый’ (Д П, 124), бел. диал. *кляпаносы* ’горбоносый’ (Бяльк. 228); *пакляплы, пакляпшы* ’наклоненный, кривой’ (СБГ 3, 341).

Итак, на основании изложенного, как представляется, можно сделать вывод о решающей роли образа кривизны, изогнутости в номинации болотной птицы *кулик*.

Что же касается взаимоотношения значений *кулик* ’птица’ и *кулик* ’ряженый’, то в литературе существуют следующие версии: А.Брюкнер, к примеру, на основании значения польск. kulik ’поезд ряженых на масленице, которые ходят от дома к дому якобы в поисках птицы’ устанавливал факт его производности от названия птицы. Авторы ЭССЯ используют в качестве исходных «лексику и обряд ряженых с их масками и преувеличенными атрибутами внешности – горбы, рога, носы» (ЭССЯ 13, 96-97). Между тем не исключено и параллельное развитие упомянутых выше значений на основе единого корня, где в основу наименования ряженого положен другой мотивационный признак, производный от ’кривой’, – ’отличный от общепринятого представления о норме; отклоняющийся от обычного поведения’ → ’ряженый’.

Далее путь семантического развития мог выглядеть двояко: либо ’ряженый’ → ’пьяный’ (Э.Бернекер, Р.Ф.Брандт) (Фасм. II, 411); либо оба значения являются параллельными производными на основе общего ’отличный от общепринятого поведения’ в соответствии с существующей в языке закономерностью – ср., например, развитие семантики рус. *кутить* и др.

Возможен также несколько иной взгляд на историю параллельно возникших на основе единого корня значений ’ряженый’ и ’птица’. Может быть, номинация ряженого – кулик – объясняется тем, что сам процесс наряжения, одевания связан с идеей ’крутить = обертывать’, сформировавшейся на основе исходной ’сгибать’, тем более что одежда в данном случае использовалась необычная. В этом отношении показательны толкование диал. наименования *кулик* ’парень, пришедший на посиделки с завешенным лицом, окрутник’ (Д II, 216), и внутренняя форма рус. диал. (сев.) *окрутник* ’наряженный, переряженный, маскированный, окрутившийся о святках, святочник’ (ДII, 669), и семантика однокоренных лексем.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Учет регулярности формирования семы ’пьянствовать’ на основе ’кривить, гнуть’ позволяет, на наш взгляд, уточнить этимологию лексемы *корчма*: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кърчьма, кръчьма, корьчьма, корчма* ’крепкий напиток’, ’постоялый двор с помещением, где продавались хмельные напитки’ (Срезн. I, 1413; СРЯ XI-XVII вв. 7, 350), рус. *корчма* ’постоялый двор, трактир в дореволюционной России (главным образом на Украине, в Белоруссии и Польше)’ (СРЯ II, 109), зап., южн. ’кабак, питейный дом, но не откупной, а вольной продажи; заезжий и постоялый двор, где держат напитки’ (ДII, 171), бел. *карчма* ’шинок’, ’постоялый двор’ (ТСБМ 2, 650; Нос. 230), *корчма* ’питейный и вообще заезжий дом’ (Нос. 247), диал. *карчма* (СБГ 2, 426), – продолжающей праслав. *kъrčьma, восходящее к глаголу *kъrčiti. Этот глагол в качестве одного из основных имел значение ’корчевать, выворачивать пни, корни’, что дало основание для толкования генетического значения производного *kъrčьma как ’хозяйство на раскорчеванном месте’ (И.В.Ягич) (Фасм. II, 342).

А.Г.Преображенский, считая данную лексему неясной, приводит в дополнение к упомянутой версии название города *Корчева*. *Корчма*, следовательно, могла бы означать ’двор на корчемном месте, т.е. на корчевье’ (Преобр. I, 364). Близко данному этимологическое решение А.А.Потебни: «Слово *корь*… значит ’корень, родина, наследственное имущество, деревня, выселок’. С *корь* в значении деревни (или и одной избы?) ср. слово *корчма*… ’шинок, постоялый двор’. Слово это, очевидно, от *корч* ’корень, пень, ствол’… Каждый большой дом был для путника корчмою… можно думать, что слово *корчма* предполагает значение: оседлость богатого человека, сидящего на «корю»» (Потебня 1989, 456).

Однако многие этимологи считают эту версию семантически неприемлемой, поскольку остается необъясненным переход ’раскорчеванное место’ → ’трактир’. Согласно версии Ф.Миклошича, А.Брюкнера, допустима связь с *корчага*, вследствие чего семантическое развитие лексемы *корчма* представляется следующим образом: ’кружка’ → ’вино’ → ’трактир’ (Преобр. I, 363; Фасм. II, 342); а также, возможно, *кабак* ’вид тыквы’ → ’сосуд для питья, приготовленный из тыквы’ → ’питейное заведение’ при наличии параллели во франц. auberge ’трактир, харчевня’ и aubergine ’баклажан’ (Откупщиков 1973, 184).

Известна также попытка объяснить *kъrčьma из *kъrkati ’жадно есть, пить’, для чего исследуемая лексема сравнивается с болг. *кръкам* ’шумно есть, пить’, словен. krkati ’жужжать, ворчать’, чеш. krkati ’отрыгивать’ (Ст. Младенов) (Фасм. II, 342; ЭСБМ 4, 285).

По мнению авторов ЭССЯ, для образования слова *kъrčьma было, по-видимому, использовано не «стандартное» значение глагола *kъrčiti, а его «фигуральное употребление…, причем необязательно в значении ’угощать (спиртным)’, как в единичном примере сербохорв. krčiti…, а в промежуточном – ’откупоривать’ (аналогия ’корчевания’ и ’откупоривания’ могла возникнуть в низовой крестьянской речи, что вполне отвечает статусу корчмы как прежде всего *сельского* шинка, трактира» (ЭССЯ 13, 211-212).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Вместе с тем анализ закономерностей формирования семантики лексем со значением ’пьянствовать’ позволяет, на наш взгляд, предположить иной путь семантического развития рассматриваемой лексемы. Если исходить из того, что *kъrčьma является производным от *kъrčiti, то производящей базой, вероятнее всего, послужило основное и первичное значение ’гнуть, перегибать’, возможно, с промежуточным ’вести себя недостойно’ (ср. рус. *корчить* ’гнуть’ (Д II, 170), диал. *корчиться* ’двигаться, сгибаться’ (о руках, ногах) (СРНГ 15, 33), укр. *корчити* ’гнуть’, ’кривить’, ’корчевать’ (Гринч. II, 289), *закорчавити* ’покривиться’ (Гринч. II, 53). Закономерность семантического перехода ’гнуть’ → ’пьянствовать’ подтверждается наличием семы, имеющей отношение к пьянству, в семном составе однокоренных лексем (ср., например, сербохорв. krčiti ’угощать спиртным’ (ЭССЯ 13, 211-212)); а также историей формирования вторичной семантики у глаголов, обладающих сходными семантическими структурами.

Очевидно, данной семантической трансформации было свойственно промежуточное звено ’гнуть, крутить’ > ’вести себя недостойно’ > ’пьянствовать’, подобно глаголам *кутить*, рус. *вертежничать, вертижничать* ’без памяти кружиться в свете, предаваться суетным потехам’ и ’кутить, мотать’ (Д I, 182). Восстановление этого промежуточного звена допустимо на основе разговорных, негативно окрашенных выражений типа *корчить из себя кого-либо* (дурака, чудака, вельможу, святошу и т.д.) ’прикидываться кем-либо, стараться казаться кем-либо’ (СРЯ II, 109), актуализирующих сему ’вести себя неподобающим образом, недостойно’.

С учетом рассмотренного материала представляется сомнительным отнесение к числу заимствованных старорусского наименования питейного дома *кружало* (СРЯ II, 137), которое связывают с н.-нем. krug, ндрл. kroeg ’шинок’. Krug ’трактир’ возводят к krug ’кружка’, потому что «на вывесках рисовали кружку или даже вывешивали настоящую кружку» (Преобр. I, 394). Считая объяснение происхождения обоих слов неудовлетворительным, А.Г.Преображенский упоминает о народной этимологии *кружало*, ссылаясь на словарь В.И.Даля, где данная лексема толкуется как ’питейный дом, кабак, где народ кружит’ (Д II, 201-202). Однако внешне случайное совпадение, опирающееся на чисто фонетическое сходство, имеет, на наш взгляд, гораздо более глубокие корни. В частности, заслуживает более внимательного отношения вторичная семантика глагола *кружить*. Так, можно предположить, что восходящий к праслав. корню *krQg-/*kręg- ’гнуть, сгибать; вертеть’ (ЭССЯ 13, 38-39; Варбот 1972, 71-74) глагол *кружить* помимо основного значения ’делать круг; вращать, вертеть’ (Д II, 201) обладает способностью формировать переносную семантику ’пьянствовать, кутить’ в соответствии с описываемой семантической моделью. Действительно, подобные значения реализуются в следующем контексте: *Парень опять кружит* ’загулял, пьянствует, вихрится’ (Там же). Аналогичные семы выявляются также в отглагольных именах: *кружень, кружила* ’кто кружит, гуляет, пьет; кутила’, диал. *кружила, кружала* ’пьянюшка или кутила; гуляка’ (Д II, 201-202). Итак, толкование В.И.Далем лексемы *кружало* как ’питейный дом, где народ кружит’ базируется на вто-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ричной семантике мотивирующего глагола и представляется вполне правдоподобным. Характерно, что в ряде соотносительных лексем сохраняется исходное значение изогнутости, верчения, например: рус. *кружало*, бел. *кружала* ’в строительном деле: деревянная или металлическая дуга, на которой возводят свод, арку’ (СРЯ II, 137; ТСБМ 2, 731), бел. диал. *кружала* ’гончарный станок’, ’приспособление на льду для катания по кругу’ (МС 32) и др.

3.1.2.3. Лексемы со значением ’лгать; хитрить’

Как свидетельствует собранный материал, переносные значения ’лгать, обманывать; хитрить’ регулярно формируются у лексем с исходной семантикой ’гнуть, кривить; вертеть’. Причем большинство лексем сохраняет устойчивую связь с образным «празначением». Характерно, что метафорическое значение может возникать первоначально на базе адъектива, а затем переноситься на соотносительную глагольную и другие производные основы. Так, например, появилось переносное значение у именной основы *krivъ, отразившейся в др.-рус., рус.-ц.-слав. *кривъ* ’ложный, лживый’ (Срезн. I, 1322), ’несправедливый, неправедный, ложный’ (СРЯ XI-XVII вв. 6, 54), рус. уст. *кривой* ’несправедливый, неправедный, ложный’ ← ’не прямолинейный, изогнутый’ (СРЯ II, 129), ст.-бел. *кривъ* ’лживый’ ← ’неправильный’ ← ’непрямой, изогнутый’ (Булахаў 1973, 101), укр. *кривий* ’ложный’ (Гринч. II, 303), а далее закрепилось в семантике многочисленных производных с данным корнем: рус. диал. (арх., влад., новорос.) *кривить* ’обманывать, нарушать обещания, лгать’ (СРНГ 15, 242), ряз. ’говорить неправду’ ← ’искривлять, делать, поступать неправильно’ (ЭССЯ 12, 163-164); др.-рус., рус.-ц.-слав. *кривьда* ’кривда, ложь, несправедливость’ (Срезн. I, 1322), рус. народно-поэт. *кривда* ’неправда, ложь’ (СРЯ I, 128) (ср. *кривда* ’большая рыболовная снасть, сделанная из долевых прутьев’ (СРГП 132)); рус. диал. (пск., твер.) *кривлять* ’говорить ложь, неправду’ – ср. ’идти или ехать, сбиваясь с прямого пути то в одну, то в другую сторону’ (СРНГ 15, 244), а также бел. *крыўляць* ’кривить, изгибать’ (ЭСБМ 5, 135); рус. диал. *криватость* ’лукавство’ (Добр. 359); влад. *кривич* ’лукавый человек’ (Д II, 194); урал. *кривуля* ’лгун, болтун’ (СРГСУ II, 63); укр. *криво* ’ложно’ – ср. *кривовірний* ’ложно верующий, не правоверный’, *кривоприсяга* ’ложная клятва, ложная присяга’ (Гринч. II, 304) и др.

Набор аналогичных сем характерен и для праслав. *lQka, реализовавшегося в др.-рус., рус.-ц.-слав. лека% л.ка ’хитрость, лукавство, обман’ (Срезн. II, 50-51), ’лукавство, ложь, хитрость’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 296; ЭССЯ 16, 141-142) ← ’кривизна, изгиб’ (Срезн. I, 50); рус. церк. *лука* ’лукавство, кривизна души’ ← ’изгиб, кривизна, излучина’ (Д II, 272). Современные русский и белорусский языки сохраняют первичную семантику лексемы *лука* ’изгиб, кривизна чего-либо’, ’дугообразный поворот реки, а также мыс, огибаемый рекой’, ’изгиб переднего и заднего края седла’ (СРЯ II, 203), бел. *лука* ’изгиб реки или озера и луг возле них в форме дуги’, ’мыс, огибаемый озером или рекой’ (ТСБМ 3, 62) – ср. также рус. диал. *лука* ’игра вроде хоровода’ (Р 151). Вторичная же номинация вытесняется дериватом от *lQka в переносных значениях > *lQkavъ >

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

*lQkavьstvo, образованным по регулярной продуктивной модели, основным значением которого и стало вторичное ’хитрость, обман’, осложненное дополнительными сопутствующими семами ’коварство’, ’злоба’, ’лесть’ и т.п.: др.-рус., рус.-ц.-слав. лукавьство ’зло, злоба, коварство’ (Срезн. II, 52; СРЯ XI-XVII вв. 8, 299-300), рус.-ц.-слав. лукавьствиqt ’злоба, зло, коварство’ (Срезн. II, 52), рус. *лукавство* ’хитрость, коварство’ (СРЯ II, 203), *лукавость, лукавство* ’коварство, ухищренья, злонамеренное двуличие, обман’ (Д II, 272). Многочисленные производные сохраняют вторичную семантику производящей базы, постепенно вытесняя исходную. Например, в древнерусский период семантическая структура прилаг. лукавыи% л.кавыи характеризовалась и исходными, и вторичными лексико-семантическими вариантами, как-то: ’извилистый’ и ’ложный, лживый’, ’дурной, злой, коварный’, ’неприязненный’ – ср. образованное от него наречие лукаво ’извилисто’, ’лживо’ (Срезн. II, 51; СРЯ XI-XVII вв. 8, 300-301). В то же время в русском литературном языке и говорах закрепилась вторичная семантика: рус. *лукавый* ’ťсклонный к козням, интригам; хитрый, коварный’ (СРЯ II, 204), диал. *лукавый* ’хитрый, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, двуличный, злонамеренный’ (Д II, 272; СРНГ 17, 188; СГП 258; СРГСУ II, 105), новг. *лукавый* ’льстивый’ (СРНГ 17, 188), аналогично бел. диал. *лукаву* ’льстивый, хитрый’ (ТС 3, 47). Соотносительный с адъективом глагол *лукавить* < *lQkaviti (ЭССЯ 16, 143) в современном русском языке реализует исключительно вторичные семы – ’хитрить, притворяться, имея какой-либо умысел’ (СРЯ II, 203). Диалектная семантика также преимущественно вторична (урал. *лукавиться* ’хитрить, лгать’ (СРГСУ II, 105), арх., камч., кемер., свердл. ’хитрить, лукавить’ (СРНГ 17, 187-188), новг. *лукавить* ’льстить’ (СРНГ 17, 177) – семантически близко к ним бел. диал. *аблукавіць* ’обмануть, обжулить, обхитрить’ (Бяльк. 26)). В.И.Далем фиксируется (помимо вторичного) генетическое значение данного глагола: *лукавить* ’ходить криво, луками, изгибами’ → ’хитрить, действовать лживо, притворно, коварно, скрытно и злоумышленно; кривиться душою, идти скрытными поисками’, *лукавиться* ’изгибаться’ (Д II, 272).

Наличие многочисленных дериватов от основы прилагательного лукавыи% л.кавыи и преимущественное их употребление в переносном значении дало основание А.С.Львову предположить, что первоначально для оценки характера человека было использовано данное прилагательное. «При этом не исключено, что употребление существительного л.ка в значении ’хитрость, кознь’ развивалось под влиянием этих же значений формы л.кавыи» (Львов 1975, 46).

Внутренняя форма легко обнаруживается для лексем, не утративших архесему, например: рус. разг. *вилять* ’уклоняться от прямого ответа; лукавить’ ← ’извиваться, делать крутые повороты, изгибы (о дороге, реке и т.п.)’, ’двигаться по извилистой линии’, ’двигать, колебать из стороны в сторону (хвостом, задом, бедрами)’ (СРЯ I, 175), бел. *віляць* ’уклоняться от прямого ответа, хитрить, обманывать’ (БРС I, 232), ’употреблять извороты, хитрить’ (Нос. 57) ← ’двигаться по извилистой линии’, ’махать, колебать, поворачивая’ (СБГ I, 311); *віліць* ’кривить душою’ ← ’сворачивать с прямого пути’, ’поворачивать в

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сторону’ (Нос. 57). Е.Ф.Карский (Карский 1962, 394) считает последнее заимствованием из литовского или латышского языков, хотя семантический переход ’гнуть, кривить’ → ’хитрить, обманывать’ регулярно прослеживается на славянской почве, подтверждением чего являются данная лексема и многочисленные производные с тем же корнем: диал. *вилять, виливать, вильнуть*, перм. *вилавить* ’хитрить, лукавить, увертываться, кривить душою’ ← ’уклоняться от прямого пути, кидаться из стороны в сторону’, *вилявый, вилавый*, арх. *виловой* ’лукавый, хитрый, уклончивый’ ← ’извилистый’ (Д I, 204; АОС 4, 96-97), *вилёўка* ’изворотливая, лгунья’ (Р 65); пск., смол. *извилина* ’хитрый, лукавый человек’ (СРНГ 12, 107), но лит. *извилина* ’небольшое искривление, закругленный поворот, изгиб’ (СРЯ I, 638); пск., твер. *извиляться* ’хитрить, лукавить; уклоняться от прямого ответа’ и амур., горноалт., тобол. ’извиваться, образовывать извилины’ (СРНГ 12, 107) – ср. укр. *виляти* ’уклоняться от работы’ (Гринч. I, 169) и *гнутися* ’увиливать, не желать сделать’ (Гринч. I, 295). Поэтому вполне правдоподобным представляется этимологическое решение Р.Ф.Брандта, С.Младенова, квалифицирующих *вилять* (а следовательно, и *вилить*) как суффиксальный дериват от *вилый* ’извилистый, скрученный’, производного с суффиксом *-л-* от *вить* (Преобр. I, 84; Фасм. I, 315) – ср. в связи с этим значение бел. диал. *віліць* ’виться, ползти (о гадюке)’ (СБГ I, 310); рус. диал. *вилюга* ’извилистая черта’ (ЯОС 20).

Дополнительным аргументом в пользу указанного решения может служить семантическая структура имеющего надежную этимологию однокоренного *вихать* и его производных. Глагол *вихать* представляет собой дериват с экспрессивным суффиксом *-х-* от *вить* (Преобр. I, 86; Фасм. I, 323; ЭСБМ 2, 167). Именно происхождением обусловлен семемный состав базового глагола и его производных, для которых характерен полный набор вторичных сем в соответствии со всеми рассмотренными нами моделями, например: рус. *вихать* ’ставить накось, изменять положение’, диал. (тул.) *вихлеватый* ’искривленный, криворослый’, *вихлять* ’вилять, избегать чего, кривить душой’, ’ходить вперевалку, как бы прихрамывая на обе ноги’ (Д I, 208), бел. *віхаць* ’вихлять’ (Нос. 59), *абвіхнуцца* ’обмануться’, ’ошибиться’ (Бяльк. 18), рус. *свихнуть, свихивать* ’погубить, уничтожить; лишить места, звания’ и ’вилять, уклоняться, увертываться’ (Д IV, 151), *свихнуться* ’закутить’ (Д I, 208).

Среди отчетливо мотивированных семантических переходов назовем др.-рус., рус.-ц.-слав. ломити ’исхитриться’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 279-280);

рус. диал. (арх., твер.) *кутить* ’распространять сплетни, клевету’ (СРНГ 16, 169), ’сплетничать’ (Виноградов 1968, 113);

рус. *крутить* ’хитрить; избегать прямого ответа с помощью каких-либо уловок’ (СРЯ II, 139), бел. *круціць* ’обманывать’ подается как омоним к *крутить* ’приводить в круговое движение’ (ТСБМ 2, 735), *круціць* ’плутовать, мотать’, ’хитрить, делать лукавые извороты’ (Нос. 255), диал. *круціць* ’утаивать, обманывать’ ← ’свивать’ (Бяльк. 234), *круціць* ’лгать’ (Янкова 167), рус. диал. *крутить* ’интриговать’, *крутнуть* ’сплутовать’ и ’поворотить’ (Добр. 362), *накрутить* ’насплетничать’ (Добр. 445). Вторичная сема плутовства, обмана свойственна большому числу производных от *крутить*, напри-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мер: рус. диал. *крутель, крутик* ’лгун, плут’ (Добр. 362), бел. *круцель* ’обманщик, хитрец’ (ТСБМ 2, 734), ’обманщик, плут, мот’ и ’перевязка из лозы или прутьев для укрепления чего-либо’ (Нос. 255), диал. ’обманщик’ и ’перевясло’ (Бяльк. 234; Сцяшк. 243), ’обманщик’ и ’скрученный дубец, ветка’, ’перевясло’, ’скруток лозы’, ’скруток льноволокна’ (СБГ 2, 534), а также укр. *викрутень* ’извилина’, ’плутня’, ’изворотливый человек’ (Гринч. I, 165) и мн.др.

К числу лексем с затемненной внутренней формой, метафоричность которых носителями современного языкового сознания не ощущается, а семемный состав включает лишь вторичные по своему происхождению семы ’ложь, обман’, ’хитрость’ и производные от них, относится рус. *лгать*, продолжающее праслав. *lъgati, связанное с и.-е. *leug- ’гнуть’ (ЭССЯ 9, 182-183). Исходная семантика индоевропейского корня прослеживается только в структуре итератива с удлинением корневого вокализма *lygati, рефлексами которого являются не только рус. *лыгать* ’лгать’ (Д II, 241), бел. *лыгаць* ’лгать’ (Сцяшк. 269; СБГ 2, 694), но и *лыгаць* ’обкручивать вокруг чего-нибудь’, ’плести’, разведенные СБГ на омонимичные позиции (СБГ 2, 694). Ср. также бел. диал. *налыгаць* ’обмануть’ (ср. *налыгач* ’ремень для попарного связывания волов при вспахивании’ (СБГ 3, 159)), *злыгаць* ’солгать’ ← ’связать вместе (о волах)’ (СБГ 2, 312).

Только в результате этимологического анализа выявляется вторичный характер семантики рус. *лудить* ’обманывать, мошенничать’ (Д II, 271), бел. *лудзіць* ’обманывать’ (ЭСБМ 6, 44). Следы исходного значения в русском и белорусском языках, по-видимому, не сохранились, что объясняется исключительно производной семантикой праслав. *luditi ’привлекая, обманывать’, ’вводить в заблуждение’, ’искушать’, ’привлекать’ (Славский 5, 291-296) (ЭСБМ 6, 44). Первичная семантика индоевропейского корня обнаруживается на фоне неславянских рефлексов, например: ан.-с. lūtan ’склоняться’ (Преобр. I, 475), ст.-исл. lutr ’гнутый’ и др. (ЭСБМ 6, 45).

3.1.2.4. Лексемы со значением ’упрямый, упрямиться’ и соотносительные с ними

Регулярность возникновения семы ’упрямый, упрямиться’ на основе представления о кривизне подтверждается рядом вторичных лексем с четким мотивирующим признаком: рус. диал. (пск., твер.) *извиляться* ’ломаться, кобениться’ – ср. амур., горно-алт., тобол. ’извиваться, образовывать извилины’ (СРНГ 12, 107); куйбыш. *извихляться* ’«кривляясь и ломаясь, вконец расшататься»’, перм., урал. ’кокетничать, кривляться’ – ср. печ. ’изгибаться’ (СРНГ 12, 108);

укр. *уверий* ’упрямый (о человеке)’ ← ’кривой (о дереве)’, *увера* ’упрямый человек’ (Гринч. IV, 309);

рус. диал. (вят.) *изгибала, изгибало* ’ломака, кривляка, тот, кто ломанием, кривлянием привлекает к себе внимание’, свердл. *изгибина* ’кривляка; зазнайка’, перм. *изгибулина*, перм., урал. *изгибуля* ’кривляка, ломака’ – ср. перм.,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

свердл. ’изгиб, кривизна’ (СРНГ 12, 117); диал. *погнуться* ’поломаться, поупрямиться’ (СРСГ 11, 85); арх, волог., вят., новг., сев.-двин., перм. *изгиляться* ’кривляться, ломаться, дурачиться’ (СРНГ 12, 117) (ср. влад. *изгильнуться* ’извернуться, увильнуть’), олон. *изгиленыш,* горьк. *изгилялка* ’кривляка, ломака, фигляр’ (СРНГ 12, 116);

тер. *калябиться* ’упрямиться, заставляя просить себя о чем-либо; кочевряжиться’, яросл. ’кривляться, ломаться’ – ср. яросл. *калябить* ’ломать’; моск. *коляба* ’кривляка’ (СРНГ 13, 10);

ворон., кур. *закандрычиваться, закандрычиться* ’упрямиться, не соглашаться с кем-либо’ (СРНГ 10, 116), бел. диал. *закандрычыцца* ’заупрямиться’ (ММГ 1, 63) – ср. рус. диал. (калуж., кур., орл.) ’завертываться, загибаться’ (СРНГ 10, 116);

рус. *кобениться* ’чиниться, заставлять себя просить; важничать, чваниться; упрямиться’ ← ’выгибаться, кривляться, ломаться, корчиться’ (Д II, 126), *кобениться* ’упрямиться, не соглашаться на просьбы’ ← ’корчиться, делать гримасы’ (КСЭС 1984, 3, 60), костром. *кобениться* ’выражать неудовольствие, плача, противиться чему-либо (о детях)’, арх., волог., кур., влад., костром., нижегор., новг., моск., пск., тул., твер., перм., свердл., ср.-урал. ’важничать, гордиться’ ← влад., волог., астрах., костром., олон., перм., твер., сиб. с пометой «просторечное» ’гнуться, изгибаться, выгибаться’ (СРНГ 13, 357), брян. *кабеницца* ’ломаться’ (Р 126), нижегор. *кобенячиться* ’упрямиться, не соглашаться на что-либо, заставляя себя упрашивать’ и астрах., симб. ’кривляться, ломаться’ (СРНГ 13, 358), перм. *искобениться* ’заважничать’, влад., волог., твер. ’превзойти меру в кривлянии, ломании’ ← влад. ’неприязненно или высокомерно покоситься на кого-либо, состроив гримасу’, волог., перм., твер. ’изогнуться, принять необычную позу, манерничая’, свердл. ’скрючиться, сгорбиться (от старости или болезни)’, урал. ’измучиться от неудобного положения, скорчиться’, волог., перм., сиб., урал. ’изогнуться, искривиться’ – ср. также твер. *искобенить* ’скорчить гримасу’, влад. ’изогнуть’: волог. Эк тебя божья-то милость искобенила – говорят ломающемуся, кривляющемуся человеку (СРНГ 12, 216); пск., твер. *кобень* ’о том, кто упрямиться, не соглашается на что-либо, заставляя себя упрашивать’ (СРНГ 13, 357), влад. *кобеня* ’то же’ ← влад., костром., перм., ср.-урал. ’кривляка, ломака’ (СРНГ 13, 357), диал. *кобеня* ’кто кобенится, ломается, противится чему-либо’ – ср. *кобеня* ’крюк стенной для подвески чего-либо’ (Д II, 126); влад. *кобенный* ’имеющий привычку упрямиться, не соглашаться на что-либо, заставлять упрашивать себя’ (СРНГ 13, 357), ср.-урал., тул. *кобенистый* ’упрямый, своенравный’ (СРНГ 13, 356-357).

Характеризуя семантическую эволюцию рус. *кобениться* ’корчиться, гримасничать’, О.Н.Трубачев предполагает, что *кобениться* образовано от существительного *кобение*, хорошо известного из памятников, особенно древнерусских церковных проповедей и заповедей, изображающих в самых неприглядных красках религиозное исступление волхвов, которые во время прорицаний кривлялись, впадали в экстаз: «*кобение, вертимое*, плясание. Отсюда,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

очевидно, экспрессивное слово *кобениться* получило свой отпечаток уничижительности» (Трубачев 1959, 138).

Рассматриваемая семантическая модель лежит в основе переносных значений рус. диал. *карежить* ’изображать из себя что-либо’ ← ’корчить, гнуть’ (Добр. 313), бел. диал. *карожыць* ’корчить из себя’ (Бяльк. 222) – ср. бел. диал. *карожыць* ’крутить, ломать’ (Юрч. НВС 270), *карожыцца* ’капризничать’, ’делать судорожные движения’ (ЭСБМ 4, 275);

бел. диал. *покручвацца* ’вертеться, кокетничать; выставлять себя напоказ’ (ТС 4, 136) – ср. бел. диал. *выкаблучвацца* ’выкручиваться, выставляться’ (МДСГ III, 222) – ср. *выкаблучыцца* ’согнуться, скрутиться в дугу’ (Сцяшк. 95), а также синонимичное *выкругливаться* ’рисоваться, вести себя жеманно’ (Ман. 34);

рус. прост. *кочевряжиться* ’упрямиться, ломаться’ (СРЯ II, 117), диал. *кочевряжиться* ’ломаться; зазнаваться’ (Д II, 180), *качаўражыцца* ’кочевряжиться’ (Р 135);

укр. *коцюбитися* ’артачиться’ – ср. *коцюба* ’кочерга’ (Гринч. II, 295), бел. диал. *кацуба* ’кочерга’ (Сцяшк. 225), ’кий с загнутой ручкой’ (СБГ 2, 442), *кацюба* ’кочерга’ (СБГ 2, 442);

рус. прост. *ломаться* ’проявлять самодурство, куражиться’ ← ’упрямиться, не соглашаться на что-либо, не имея на то основательных причин’ ← ’кривляться, паясничать’ (СРЯ II, 199), бел. диал. *ломацца* ’манерничать, кривляться’ (ТС 3, 41), *выламвацца* ’выставляться, вести себя неестественно’ (ТС 1, 164), рус. диал. *ломотный* ’кривляка’ (СРДГ 11, 119), рус. прост. *ломливый* ’склонный ломаться, упрямый и спесивый’ (СРЯ II, 199), ’человек чванный, спесивый, кто важничает собою, заставляет ухаживать за собою, кланяться, упрашивать; упрямый, требующий околичностей’ (Д II, 265), рус. разг. *ломака* ’тот, кто ломается, кривляется, жеманничает’ (СРЯ II, 198), ’спесивец, кто ломается, заставляет себя упрашивать’ (Д II, 265), волог. *залом* ’гордый человек’, ряз. ’несговорчивый, упрямый человек’ (СРНГ 10, 219);

рус. *карячиться* ’ломаться, упрямиться, не соглашаться, заставлять упрашивать себя’ – ср. ’расставлять свои ноги широко’, *карячить* ’корячить, разводить, расставлять ноги’ и ’гнуть, ломать, изгибая’ (Д II, 91); *корячиться* ’ломаться в прямом и переносном значениях’ – ср. *корячить* ’ломать, гнуть силою, разводить, распирать’ (Д II, 161); диал. *корачить себя* ’настраивать себя против кого-нибудь, проявлять упрямство’, *корачиться* ’настраивать себя против кого-нибудь, упрямиться; капризничать, не сдерживая данное слово’ – ср. рус. диал. *карачить, корачить* ’искривлять, гнуть, ломая’ (СРНГ 14, 310-311), *карачиться* ’ходить согнувшись, скрючившись’ (СРНГ 13, 75); ст.-рус. *каряка, коряка* ’упрямый, несговорчивый человек’, ’человек, имеющий привычку широко расставлять ноги’, ’тот, кто ходит на четвереньках’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 85), *коряка, коряга* ’упрямый, упорный, несговорчивый человек’ – ср. *коряка* ’раздвоенная лесина, рассоха, развилина’ (Д II, 161), *коряка* ’кривое суковатое дерево’ (СРНГ 15, 42); тамб., тул. *каряча, карача* ’упрямец, несговорчивый человек’ (Д II, 91) – ср. *коряча* ’сучок’ (СРНГ 16, 43) (анализ продолжений праслав. *(s)korakъ, *(s)koraka см. Козлова 1985, 265-272);

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

рус. диал. (перм.) *корепаться* ’ломаться, упрямиться; говорится более о ребенке, который недоспал или не разгулялся после сна’ – ср. волог., сиб. *корепать* ’вертеть, ломать, коверкать’ (Д II, 171);

рус. диал. (камч.) *лукавый* ’упрямый, скрытый’ (СРНГ 17, 188); пск. *залякаться* ’гордиться, кичиться’ ← ’загибать голову назад’, ’кривляться во время ходьбы, задирать голову, кпризничать (о детях)’ (СРНГ 10, 228) – ср. бел. диал. *крывасць* ’каприз’ (Юрч. СНС 163).

Уже простое перечисление вторичных значений свидетельствует о том, что перенос наименования по модели ’гнуть, кривить’ → ’упрямиться’ проходит через промежуточную ступень ’кривляться, гримасничать’. Это дало основание создателям «Краткого словообразовательно-этимологического словаря русской полисемии и однокорневой омонимии» определить путь семантического развития следующим образом: «От обозначения пантомимических и мимических действий, в частности актерского характера, к обозначению действия несогласия, чванливости» (КСЭС 1984, 3, 60). Думается, что в данном случае на основе исходного ’гнуть, кривить’ в результате метафорического переноса возникает значение ’кривляться’, а далее, обусловленные взглядами на ненатуральное, неестественное, а следовательно, негативное поведение, формирующимися под влиянием представлений о кривизне, изогнутости, в результате метонимического переноса развиваются диффузные значения, требующие последующей детализации. По этой причине среди переносных значений приведенных выше лексем сосуществуют ’кокетничать’, ’капризничать’, ’куражиться’, ’спесивиться’, ’упрямиться’, ’гордиться’. Особенно часто значение ’упрямый, несговорчивый’ осложняется такими дополнительными смыслами, как ’гордый, кичливый’ и т.п. Помимо вышеназванных лексико-семантических вариантов, принадлежащих одной лексеме, по данной модели образованы вторичные значения рус. диал. (арх.) *заламливать* ’высокомерно вести себя, зазнаваться’ (СРНГ 10, 192-193), новг., пск., твер. *заламливаться* ’гордиться, зазнаваться, спесивиться’ (СРНГ 10, 193);

волог. *кичижиться* ’кичиться, чваниться, гордиться’ ← волог. ’ломаться, изгибаться; избочениваться’ (СРНГ 13, 246), сарат. *кичига* ’кичливый, пустой человек’ (СРНГ 13, 245-246) – ср. др.-рус., рус.-ц.-слав. *кичиги* ’название крюкового знака’ (Срезн. I, 1211), рус. диал. (арх.) *кичига* ’клюка, кочерга’ (СРНГ 13, 245-246), *кичиговатый* ’выгнутый, дугообразный, выпуклый’ (Д II, 112). Вероятно, этот же корень обнаруживается в рус. *кичиться* ’выставлять свое превосходство перед другими, держаться высокомерно’ (СРЯ II, 52), *кичить* ’внушать кому-либо чрезмерно высокое понятие о достоинствах его, надмевать, подавать кому-либо повод гордиться, зазнаваться’: Ум кичит человека, любовь смиряет; *кичиться* ’гордиться; ставить себя, заслуги, достоинства свои выше должного’ (Д II, 112);

волог., свердл., челяб. *загниголовый* ’гордый, спесивый’ (СРНГ 10, 12).

К числу лексем, полностью утративших в современном русском языке мотивирующий признак, однако, по нашему мнению, обладающих переносной семантикой, принадлежат рус. *упрямый* ’неуступчивый, стремящийся поступить по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыс-

репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

лу’ (СРЯ IV, 509), ’ослушный, своевольный, несговорчивый, норовистый, своенравный, неуступчивый, не принимающий ни советов, ни приказаний, а делающий все по-своему, стропотный, строптивый’ (Д IV, 506) и соотносительные с ним: *упрямить* ’делать упрямым’, *упрямиться* ’быть упрямым’ (Д IV, 506), ’проявлять упрямство, быть упрямым’ (СРЯ IV, 509). Фр.Миклошич, Н.В.Горяев предполагают сближение с *переть, упорный*, которое М.Фасмер считает неприемлемым и вслед за И.Зубатым, А.Брюкнером возводит *упрямый* к *прямой*, квалифицируя данную лексему как лексико-семантическое производное с первоначальным значением ’прямой, открытый’ на основании сближения с ц.-слав. прÛмъ ’прямой’, чеш. upřimný ’любезный, откровенный’, слвц. uprimny ’то же’, польск. uprzejmy ’учтивый’ (Фасм. IV, 165).

Между тем, как нам кажется, морфемный состав рассматриваемого слова допускает иную этимологическую интерпретацию. Можно полагать, что в словообразовательной структуре рус. *упрямый*, подвергшейся процессу опрощения, исторически вычленяется префикс *у-* со значением отрицания (ср. *убогий, урод, упырь, усолонь* ’тень – место, лишенное солнца’ (Д IV, 395)) и корень *прям-* (праслав. форма является опорной: *prǫm- или *prěm- (Фасм. III, 395)) ’прямой’. Таким образом, словообразовательная структура русского слова *упрямый* позволяет реконструировать его первичное значение как ’непрямой’, то есть ’кривой’, на основе которого в соответствии с существующей в языке закономерностью сформировалось современное значение.

Синонимическое образование *строптивый* ’упрямый, своевольный, любящий действовать наперекор кому-, чему-либо (о человеке)’ (СРЯ IV, 291) также метафорично по своей природе. В данном случае семантический перенос был осуществлен на основе все той же идеи кривизны в лексеме *strъpъtъ, ставшей его производящей базой, доказательством чего можно считать зафиксированное В.И.Далем с пометой «церковное» *стропота* ’упорство, строптивость, сопротивность’ ← ’кривизна, крутое уклоненье от прямизны’ (Д IV, 342) (см. также Фасм. III, 782) и соотносительный др.-рус., рус.-ц.-слав. глагол *стрьпъщати* ’ходить кривым путем’ (Срезн. III, 563). Характерно, что от праслав. *strъpъtъ с гипотетическим значением кривизны было образовано четыре вариантные формы прилагательных: *strъpъtьnъjь, *strъpъtъkъjь, *strъpъtьlivъjь, *strъpъtivъjь (Меркулова 1972, 191). Очевидно, что уже для древнерусского периода характерно забвение первоначального значения. Только *стрьпътьныи* связывается с исходной семой ’кривой’ (см. его значения: ’неровный, трудный’, ’трудный, затруднительный’, ’кривой’, ’лукавый’, ’строгий’, ’неблагоприятный’ (Срезн. III, 563)); остальные же прилагательные манифестируют исключительно вторичные семы, причем архисемой оказывается ’лукавый’: *стрьпътивыи* ’лукавый, коварный’ (Срезн. III, 562), *стрьпътьливыи* ’лукавый, лживый’, *стрьпътькыи* ’неровный, трудный’ (Срезн. III, 563). Впоследствии данные прилагательные вышли из употребления в белорусском и украинском языках. В русском литературном языке прилагательное *строптивый* функционирует в новом значении, «зато в говорах (только в псковских и смежных с ними осташковских!) сохранились все древнерусские формы:

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

стропотный, стропоткий, стропотливый ’строптивый, неуступчивый’, *стропотень* ’человек вздорный, неуживчивый’» (Меркулова 1972, 192).

Этимологический анализ помогает также обосновать вторичную природу семантики рус. диал. (костром.) *клятой* ’упрямый, упорный, своенравный, неподатливый, несговорчивый’, а также в значении субстантива (нижегор.) ’упрямец, упрямица’ (СРНГ 13, 335), казан. *клятиться* ’упрямиться, упорствовать; блажить’ (СРНГ 13, 336; Д II, 124). С формальной стороны *klęt- находится в ряду связанных «продолжений корня *klen-, апофонически связанного с *kloniti» (ЭССЯ 10, 37-39). Именно эта связь и подтверждает вторичный характер семантики данного слова.

3.1.2.5. Лексемы со значением ’ленивый, лениться’

Переносные значения, развившиеся в результате реализации семантической модели ’гнуть, кривить’ → ’лениться, ленивый’, подтверждают наше предположение о диффузном характере негативной вторичной семантики, подвергшейся впоследствии детализации. Вторичная сема ’лень’ прослеживается в структуре уже описанных выше глаголов и имен. Например, таким образом сформированы вторичные значения у рус. диал. (влад., перм., урал.) *изгиляться* ’лениться, повесничать’ ← ’кривляться, ломаться’ (СРНГ 12, 117); яросл. *кобениться* ’лениться’ (СРНГ 13, 357); калуж., перм. *лукавить* ’лениться’ (СРНГ 17, 187), камч., моск., оренб. *лукавый* ’ленивый’ (СРНГ 17, 188; СРГП 258); ветк. *ляка* ’ленивый человек’ – ср. рус.-ц.-слав. *лгщи* ’сгибать’ (Срезн. II, 99).

Семантическое развитие ’лениться’ ← ’отклоняться от прямого пути’ ← ’гнуть’ характерно для бел. *агінацца* ’отлынивать, слоняться’ ← ’увиливать, уклоняться’ (БРС I, 60), а также *віляцца* ’уклоняться от работы’ (Нос. 57), ср. родственные *вихлявый* ’ленивый’, ’с нетвердой походкой, раскачивающийся во время ходьбы’ (Ман. 27), рус. *вихляй* ’лентяй’ (Д I, 208).

Семы изогнутости, кривизны были свойственны производящей базе рус. диал. (перм., свердл.) *клять* ’о ленивом человеке’ (СРНГ 13, 336); бел. диал. *ломака* ’ленивый человек’ (ТС 3, 41), *ламака* ’лодырь’ (Сцяшк. 256), *зломак* (ММГ I, 71).

Производный характер семантики бел. диал. *какора* ’лодырь’ (МДСГ IV, 195) выявляется при сопоставлении с рус. *кокора* ’дерево с корнем клюкою’ (Д II, 134), ’дерево (обычно хвойное) с изогнутым корнем’, ’бревно с кривым загнутым концом, которое используется при постройке дома’ (СРНГ 14, 93-94; СРДГ I, 234), бел. диал. *какора* ’изогнутое дубовое полено, которое соединяет в лодке дно с боковой частью’, ’шалаш из загнутых и связанных парами веток’ (НС 225).

Вероятно, первичная семантика изогнутости определила переносное значение бел. *карпаць* ’медленно, лениво работать’, отглаг. *карпач* ’ленивый, медлительный работник’ – ср. ’рогатина, которою сбрасывают навоз с телеги’ (Нос. 230) (Анализ этих и однокоренных лексем см. Казлова 1989, 131-149).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

3.1.2.6. Лексемы со значением ’скупой; скупиться’

Модель ’кривой, гнутый’ → ’скупой’ также относится к числу регулярных. Указанную семантическую трансформацию можно проследить на следующих примерах: бел. *крук* ’чрезмерно скупой человек’ (Нос. 254), *крюк* ’сутяга’, ’живодер, взяточник’ – ср. *крюк* ’палка с загнутым концом’ (Нос. 256); диал. *каракуль* ’богатый человек’ (НЛ 93) – ср. рус. диал. *каракуль* ’сук’, *каракулька* ’суковатое, кривое дерево’ (СРНГ 13, 71); бел. диал. *сук* ’скупой человек’ (Сц. 155) при общеизвестном *сук* (Козлова 1985а, 49);

рус. диал. (пск., твер., осташ.) *кокора* ’о скупом, жадном человеке’ (СРНГ 14, 94); рус. (новг., перм.) *карачун* ’скряга’ – ср. бел. диал. *карачун* ’кривоногий человек’ (ТС 2, 183), *карачун* и *корачун* ’сгорбленный, сутулый, кривоногий человек’, ’корч, нечто кривое’, ’березовый веник’, ’старый веник’ (ДСБ 88-89), ’кривое и суковатое дерево’ (НЛ 77), ’чрезмерно искривленный’ (НЛ 125);

рус. диал. (пск.) *веретеник* ’скупец, скряга’ – ср. *веретень* ’длина нивы, поля или расстояние на пашне между точками поворота сохи’, *веретенить* ’вертеть’, *веретенный* ’относящийся к веретену, на него похожий’ (Д I, 180);

рус. диал. (моск.) *клятой* ’скупой’, калуж. в значении субстантива ’скряга, скупец’ (СРНГ 13, 336), смол. *клят* ’скряга’ (СРНГ 13, 335), вят., твер., яросл. *клять* ’скупой человек, скряга’, новг., казан., смол., тамб. *клятура* ’скряга’ (СРНГ 13, 336; Д II, 124), зап., смол. *клятиться* ’скупиться, скряжничать’ (СРНГ 13, 336; Д II, 124).

Общим первичным признаком кривизны, изогнутости объединяются переносные значения рус. диал. (колым.) *куликать* ’подбирать, копить’ (Фасм. II, 411); бел. *карадзіцца* ’представляться бедным; скаредничать’ и ’корчиться, ежиться, боясь боли’ (Нос. 229) – ср. бел. диал. *карадзіцца* ’кривляться, притворяться’ (Янкова 152).

Именно признак ’нечто согнутое, с неровностью, сгибом’, по мнению Р.М.Козловой, определил полисемантизм таких единиц, как рус. диал. *корпеть* ’скупо жить’, *корпека* ’скупец’ (СРНГ 14, 37), *скарпетка* ’скупая женіина’ (Добр. 832), бел. *шкарпетка* ’гордая женщина’ (Добр. 1002), обычно возводимых к итал. scarpa, scarpetta ’башмачок’. Восточнославянские единицы при такой интерпретации в этимологической литературе рассматриваются в качестве заимствований через польский язык (Фасм. IV, 447). При этом, как считает Р.М.Козлова, не принимаются во внимание ни отражение слова в славянской ономастике, ни широкое использование других однокоренных лексем для названий обуви и одежды, ни семантические показания исследуемых единиц, ни фонетическая вариантность основы и др. Автор делает вывод о том, что фонетический облик и семантика восточнославянских образований свидетельствуют об отсутствии отношений непосредственной выводимости между ними и польскими единицами; в соответствии с этим восточнославянские образования являются самостоятельными, имеющими, как и польские, единый источник – праслав. *kъrpeta/*skъrpeta < и.-е. *(s)ker- ’гнуть, кривить; вертеть’ (Казлова 1989, 146).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Из приведенного материала видно, что большинство лексем, реализовавших рассматриваемую модель, утратило свой образный характер и первичные ассоциации. По этой причине исследование семантики в большинстве случаев требует выявления генетических связей.

Так, бел. диал. *скрага, скірга* ’скупой человек’ (ТС 5, 39), по нашему мнению, связано с *kъrga, которое продолжают рус. диал. (астрах., волог.) *карга* ’искривленное дерево’, волог., забайк. *карга* ’то же’, краснодар. *карга* ’суковатый пень’ (СРНГ 13, 82-83), *карга* ’кривулина, каракуля, коряга, кривое дерево; коряга на дне реки’ (Д II, 91). Этимологически праслав. *kъrga является экспрессивным преобразованием *kъrkъ (ЭССЯ 13, 214). Современному русскому литературному языку известно груб., прост. *карга* ’бранное название старухи’ с пометой (вслед за М.Фасмером) «от тюркск. *карга* ’ворона’» (Фасм. II, 196) (СРЯ II, 33). Действительно, в говорах зафиксированы употребления лексемы *карга* в значениях ’ворона’, ’старуха’ (СРНГ 13, 82-83), *корга* ’то же’ (Р 139), см. также бел. *карга* ’старуха’ (ТСБМ 2, 640), груб. *корга* ’старуха’: Согнулася, як *корга* (Нос. 246; ЗНС 125). Однако, как отмечается авторами ЭССЯ, не исключена возможность вторичного сближения на русской почве (ЭССЯ 13, 214).

Очевидно, что рус. диал. (кур.) *кукоба* ’скопидом, скопидомка’ (СРНГ 16, 38; Д II, 213) и родственные *кукобница* ’любящая копить’ (Ман. 102), *кукобить* ’копить, готовить приданое’ (Ман. 102), бел. *кукобіць* ’накапливать’: Грошы ўсе сабе кукобіць і кукобіць (СБГ 2, 561) – восходят к корню *kuk- (ЭССЯ 13, 90-91), который, в свою очередь, продолжает и.-е. *keu-k-, *kou-k- ’изгибать, искривлять; загнутое’ (ЭССЯ 13, 86-87). Ср. производные с этим корнем, воплощающие идею кривизны: *кукиш*, бел. *кука* ’кукиш, фига’ (Бяльк. 236; Нос. 258), рус. *кука* ’кулак’ (Д II 213). Характерно, что если соответствующее свойство проявляется менее интенсивно, то лексема теряет негативную маркированность, например: рус. диал. (кур.) *кукоба* ’бережливый хозяин, бережливая хозяйка’ (СРНГ 16, 38; Д II, 213), *кукоб* ’бережливый хозяин’ (Эл. 173), *кукобить* ’нянчить, растить, воспитывать’ (Р 143), ’хозяйничать’ (СРДГ I, 264), ’быть хорошей хозяйкой; содержать дом в чистоте и порядке’, *кукобница* ’хорошая хозяйка’ (Ман. 102), бел. *кукобіць* ’воспитывать, нянчить, лелеять’ (Нос. 258), диал. *кукобіць* ’нянчить’ (Бяльк. 236), укр. *кукібник, кукібниця* ’рачительный, заботливый человек’ (Гринч. II, 320).

В словарях современного русского литературного языка *кулак* ’стяжатель’ и *кулак* ’кисть руки с согнутыми и прижатыми к ладони пальцами’ (СРЯ II, 147) квалифицируются как омонимы. Бел. *кулак* ’кисть руки с пригнутыми к ладони пальцами’ и *кулак* ’богатый крестьянин-собственник’ (ТСБМ 2, 751) определяются как заимствования из русского, причем в ЭСБМ указывается, что внутренняя форма русского слова надежно не выявлена (СБМ 5, 152), Между тем на фоне анализируемого нами материала становится очевидно, что оба омонима связаны отношениями семантической производности и реализуют рассматриваемую модель ’скупой’ ← ’гнутый’, в связи с чем интересна интуитивная интерпретация Н.В.Гоголя в «Мертвых душах»: «Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь!» (Петлева 1972, 208).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Семантический параллелизм свойствен рус. диал. (пск., твер.) *колыга* ’скряга’ (ср. волог. *колыга* ’закрутка в веревке, сгиб с перевоем, особенно в новой, крутой либо в мокрой веревке’) (Д II, 144) и *комыга* ’скряга, скупец’ (ср. *комлыга* ’ком, колыга на пашне’) (Д II, 149).

Вторичное значение ’скупой’ рус. диал. (пск., твер., осташк.) *колтыг, колтыга, колтышник, колтовня* (СРНГ 14, 197), бел. *колтыга* (Нос. 242), не имеющих общепринятой этимологии, дает возможность высказаться в поддержку их связи с глаголом *колтать* (ЭСБМ 4, 198), основными значениями которого являются ’хромать’, ’двигать’, ’разговаривать’ (Фасм. II, 297), ’качать, колебать, колыхать, шатать’ (Д II, 143). Между тем данный глагол определяется как звукоподражательный (Фасм. II, 297). Однако при учете вторичного характера семантики ’колебать, качать, шатать’, складывающейся на базе ’гнуть’, наиболее приемлемым представляется отвергнутое М.Фасмером предположение Г.А.Ильинского о родстве с *колдун* (историю семантики лексемы *колдун* см. ниже).

Вероятно, исторически тот же корень можно выделить в составе рус. диал. *сколдыра* ’скряга, крохобор’ и соотносительных глаголов (волог., вят.) *сколдырить, скалдырничать, сколдырничать* ’крохоборничать, копить и приберегать от скупости’ (Д IV, 201), поскольку все существующие этимологии признаются недостоверными (Фасм. III, 631).

И.П.Петлева вслед за А.А.Потебней считает, что семантическая модель ’кривой, гнутый’ → ’скупой’ имеет промежуточное звено ’сжатый, сжимающий’ и основывается на представлении о «твердости, неуступчивости, черствости, прижимистости скупых, у которых и «снега зимой не выпросишь»» (Петлева 1972, 207). Действительно, нельзя не согласиться с этим положением при иллюстрации его примерами типа *кремень* ’самый твердый и жесткий из простых камней’, ’о человеке – крепкого нрава, твердый, стойкий; безжалостный; скупой’ (Там же), где доминирует сема ’твердый’, или *тугой человек* ’прижимистый, скуповатый, осмотрительный в расходах’ ← ’крепкий, упорный, стойкий, твердо упругий, неподатливый’ (Д IV, 440). Представляется спорным, однако, факт осуществления семантического перехода на основе представления о твердости в структуре диал. (твер.) лексемы *корень* ’скряга, суровый, неуступчивый’ (ср. также *корневой* (пск., твер.) ’скупой’) (Доп. к Оп. 88-89). Предположение И.П.Петлевой о том, что мотивирующим признаком, обусловившим развитие переносного значения, стало представление о корне как о подземной части растения, твердо или крепко вросшего в землю (Петлева 1972, 207), вызывает сомнения из-за наличия в тех же твер. говорах значения лексемы *корень* ’клюка или кочерга’ (Д II, 162), подтверждающей возможность реализации типичной семантической модели ’кривой, гнутый’ → ’скупой’ и обеспечивающей семе ’кривой’ доминирующую функцию. С течением времени под влиянием общеупотребительного значения *корень* ’подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве и получает воду с растворенными в ней минеральными веществами’ (СРЯ II, 103) произошло забвение внутренней формы, вследствие чего изменилось восприятие основного мотивирующего признака. В связи с этим интересна мысль А.А.Потебни, высказанная

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

им, правда, относительно других лексем, входящих в лексико-семантическую группу ’скупой’: «Скупость сознавалась в образе камня, кости, пня, предметов, туго связанных, сжатого вообще и чего-то твердого. Такой взгляд на нравственное качество человека, а вместе – и такая память внутренней формы возможны только до тех пор, пока мы обращаем внимание на одну сторону скупости, именно на отношения скупого к другим, на его неподатливость, пока не видим, что эта неподатливость может вовсе не быть скупостью. Чем успешнее идет то обобщение и углубление, к которому мысль направлена словом, и чем более содержания накопляется в слове, тем менее нужна первоначальная точка отправления мыслей (внутренняя форма), так что если дойдем до понятия о скупости как о преувеличенном и ненормальном стремлении предпочитать возможность наслаждения благами жизни действительному наслаждению, то необходимо наглядное значение… слов… затеряется в толпе других признаков, более для нас важных и, на наш взгляд, более согласных с действительностью» (Потебня 1990, 41).

Утрата мотивирующего признака, обусловившего возникновение вторичной номинации, характерна для рус. *скряга* ’чрезвычайно скупой человек’ (СРЯ IV, 124; Д IV, 211), не имеющего, по мнению М.Фасмера, надежной этимологии (Фасм. III, 659). Представляется убедительным заключение Р.Бернара, согласно которому рус. *скряга* восходит к *(s)kręg- < и.-е. *(s)kreng-, *(s)krengh- - назализованной основе, производной от и.-е. корня *(s)ker- ’вращать, сгибать’, «причем значение ’скупой’ толкуется как производное от значения ’согнутый, сжатый’» (Варбот 1972, 70-71), что подтверждается многочисленными семантическими параллелями. Ж.Ж.Варбот поддерживает данное этимологическое решение и иллюстрирует структуру соответствующего праславянского гнезда дополнительным восточнославянским языковым материалом (Там же 70-74), среди которого приводятся лексемы с четко выраженной семой кривизны, например: полесск. *крэж* ’коряга, корявое дерево’, *крижоваты* ’корявый, скрученный, изогнутый’ (Там же 72).

Видимо, эта же модель обеспечила появление генетически вторичного, однако утратившего все признаки метафоричности русского слова *скупой* ’чрезмерно, до жадности бережливый, всячески избегающий расходов, трат (о человеке)’ (СРЯ IV, 126). Указанное «праславянское слово общеславянского распространения» (Петлева 1972, 216) не имеет общепринятой этимологии. По этой причине сошлемся на наиболее приемлемую, на наш взгляд, гипотезу, автором которой является Е.Цупина. Суть ее сводится к сближению *skQp- с лит. kumpas ’кривой’, kumpti, kumpstú ’изгибаться’, kampas ’угол’, греч. χαμπή ’изгиб’, χάμπτω ’гну, искривляю’, гот. hamfs ’искалеченный’ (Фасм. III, 662).

Обзор наиболее распространенных семантических моделей, образующих наименования разнообразных действий, свойств, состояний, связанных с морально-этическими отношениями людей, на основе представлений о кривизне, изогнутости, позволяет констатировать, прежде всего, свойственную вторичным номинациям негативную маркированность и присущий ряду лексем параллелизм семантических структур: образованные от разных корней, имеющих

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

общую сему ’кривое, гнутое’, эти производные дают синонимичные вторичные значения. Именно диффузность вторичной семантики, имеющей отрицательную оценочность, обеспечивает возможность ее разнонаправленных реализаций, скрепленных общностью отрицательной семы.

Обращает на себя внимание также отражение в семантике одной лексемы характерного для народного мышления сближения пороков физических и нравственных. Иллюстрацией тому служит семантическая структура прилагательного *krivъ: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кривъ* ’кривой, изогнутый’, ’лишившийся одного глаза’, ’виновный’, ’несправедливый, неправедный, ложный’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 54; Срезн. I, 1321-1322), рус. *кривой* ’изогнутый’, ’поврежденный или вытекший (о глазе)’, разг. ’одноглазый, слепой на один глаз’, устар. ’несправедливый, неправильный, ложный’ (СРЯ II, 129), диал. *кривой* ’непрямолинейный, идущий не по прямой черте’, ’одноглазый, слепой на один глаз’, ’хромой, колченогий’ (Д II, 193-194; СРНГ 15, 245-246; МСС 117, 140), ’ненормальный’, ’больной’, ’обидчивый’ (Добр. 359); ст.-бел. *кривыи* ’кривой’, ’виноватый’, ’неправильный’ (Ск. I, 285), бел. *крывы* ’кривой’ (ТСБМ 2, 738), диал. *крывы* ’кривой’, ’хромой; кривоногий’ (СБГ 2, 540), ’недовольный, злобный’ (Сц. 83), ’завистливый’ (ММГ 2, 66), *крыву* ’кривой’, ’хромой’, ’безногий’, ’злой’, ’завистливый’ (ТС 2, 241); укр. *кривий* ’кривой, искривленный’, ’хромой’, ’ложный, неправый’ (Гринч. II, 303) (ЭССЯ 12, 171-174).

Рус. диал. *клюка* помимо исходного предметного значения имеет вторичные: волог., краснояр. ’горбатый человек’, зап. ’согнувшийся от старости человек’ (СРНГ 13, 319-320) и ’непрямой, придирчивый человек’ (Д II, 122); рус. диал. (вят., казан.) *каракуля* ’кривое дерево’, яросл. ’о невысоком человеке с кривыми ногами’, вят. ’о непостоянном человеке’ (СРНГ 13, 71-72).

Свидетельства присущего народному мышлению сближения физических и нравственных изъянов на основе единого образа кривизны сохранились не только на лексико-семантическом уровне. Следы подобного свойства обнаруживаются, к примеру, в гаданиях. Так, в гадании на поленьях кривое полено предсказывает «урода или с какими-нибудь физическими недостатками» (Русский народ 19), а при гадании на кольце, хлебе и крючке, если вытянется крючок, то жених будет бедняком. Интерпретация этой связи такова: «Бедный *крюк* в смысле того, что бедняк всегда горбится от труда и перед всеми изгибается» (Там же 21). Примечательно, что подобные ассоциации лежат в основе переносных значений рус. прост. *ломать* ’работать трудно и много на кого-либо’ (СРЯ II, 198); *гнуть горб* (спину, хребет) ’выполнять тяжелую работу, заниматься тяжелым трудом’ и *гнуть шею* (спину, хребет) ’кланяться, выражать покорность, заискивать’ (СРЯ I, 322), *горбатить* ’быть в ломовой работе’ (Д I, 378), *гибеть* ’работать, не разгибая спины’ (Д I, 350) и ’находиться в неприятном положении, состоянии; плохо жить’, ’заниматься трудом, не приносящим удовлетворения’ (Ман. 39), *загибеть, загибнуть* ’прийти в состояние крайней усталости, физического или нравственного истощения’ (Ман. 68) и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

3.1.3. АБСТРАКТНАЯ ЛЕКСИКА, СЛОЖИВШАЯСЯ НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРИВИЗНЕ, ИЗОГНУТОСТИ

Собранный материал свидетельствует о том, что на основе комплекса представлений, связанных с кривизной, изогнутостью, сформировался ряд абстрактных понятий, характеризующих психический мир человека. Несмотря на то что семантически эти понятия довольно разнородны, различаются также по степени соотнесенности с исходным конкретно-предметным значением, в их семантическом развитии обнаруживается интересная закономерность: лексемы, в семемном составе которых проявляется (или проявлялась) сема ’кривой, гнутый’, обладают способностью передавать ограниченное число тематически закрепленных, семантически близких, негативно маркированных отвлеченных понятий. Основные из них условно разделены нами на несколько групп: смерть, несчастье и сопряженные эмоциональные состояния; грех и соотносительные понятия; ложь, хитрость. Охарактеризуем каждую из них.

3.1.3.1. Лексемы, обозначающие ’смерть; несчастье’ и сопряженные эмоциональные состояния

Представления о кривизне, изогнутости проявляют тесную связь с народным понятием о смерти, несчастье, бедствии, горе. Не случайно смерть представляется в виде *косаря* (Гринч. 2, 290) или вооружена косой. Если учесть, что *коса* – ’длинный *кривой* нож’ (Д II, 172), то основа этого мифологического образа очевидна. Показателен в этом отношении и постоянный эпитет персонифицированного эвфемического наименования смерти – *курносая, курноска*, например: Курносая со двора потурила. Турнула курноска со двора (Посл. 252). О связи кривого с бедой, несчастьем свидетельствует также следующие пословицы: Счастье пучит, беда крючит (Посл. 115). Бедность в клюку гнет (Там же 73). Бедность гнет, а счастье (богатство) дмет (Там же 70).

Отражением подобных представлений являются многочисленные производные с корнем *gyb-/*gub-: др.-рус., рус.-ц.-слав. *гыбе"Û)ль* ’потеря, погибель’(Срезн. I, 618), рус. *гибель* ’полное разрушение, прекращение существования (при катастрофе, бедствии, намеренном уничтожении и т.п.) (СРЯ I, 307), диал. ’пропажа, потеря, утрата, уничтожение, разрушение, конец, смерть’, ’беда, бедствие, напасть, злополучие, упадок’ (Д I, 349-350; Добр. 125; ДС 109), бел. *гібель* (БРС I, 320), диал. ’смерть’, ’несчастье’ (СБГ I, 441); рус. *погибель* ’гибель, уничтоженье, пропажа, истребленье; смерть; крайняя опасность, беда, напасть или пагуба’, диал. *погин* (Д III, 154), бел. *погібель* ’смерть’, *погіна* ’гибель, горе’ (Нос. 435), *загіна* ’гибель, страдание’ (ср. *загінка* ’загибка’), *загіненне* ’гибель, мучение’ (ср. *загінанне* ’загибание’) (Нос. 164), *згіна*, *згіненне* ’погибель’ (Нос. 201), диал. *згінота* ’погибель, уничтожение’ (Сцяшк. 190), *згібель*, *згібяль* ’погибель’ (СБГ 2, 292), укр. *загиб*, *загиба*, *загибок*, *загибель*, *загин* ’погибель’ (Гринч. II, 27), бел. *згуба* ’погибель’ (Нос. 203; СБГ 2, 296), укр. *згуба* ’гибель’, ’потеря’ (Гринч. II, 141), др.-рус., рус.-ц.-слав. *пагуба* ’гибель’, ’зло’, ’несчастье’, ’убыток’, ’погибель, смерть’, ’мор’,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

’отрава’, ’мрак, тьма’ (Срезн. II, 857), рус. уст. и высок. *пагуба* ’гибель, сильный вред’ (СРЯ III, 9), диал. ’гибель’, ’вред, убыток’, ’мор, чума’, ’беда’ (Д III, 6; Добр. 571) и т.д.

Интересными диалектными синонимами данной группы являются бел. диал. *пералома* ’смерть, погибель’ (Юрч. НС 197), *пераломіца* ’несчастье’ (СБГ 3, 494); *клямка* ’гибель, конец, безнадежное дело’ (Бяльк. 228) – ср. *клямка* ’приспособление, с помощью которого открывают и закрывают двери’ (ТСБМ 2, 703) и *кляма* ’дрот, согнутый в виде буквы П для укрепления расколотой деревянной посуды’ (СБМ 5, 77).

Близкие значения манифестирует рус. *карачун* ’конец, смерть, гибель’ (Д II, 91), диал. (арх., волог., костром., новг., перм., сиб., тул.) ’внезапная неожиданная смерть’ (СРНГ 13, 79; Р 132), *корочун* ’предсмертные корчи’, ’смерть’ (Добр. 347), бел. *корочун* ’нечаянная, в молодых летах, преждевременная смерть’, ’корчи’ (Нос. 247), *карачун* ’внезапная смерть’ (Высл. 464; Юрч. 34). В белорусских говорах *карачун* может проявлять конкретно-предметную семантику с отчетливым мотивом ’кривой’ – ’кривоногий человек’ (ТС 2, 183), ’корч, нечто кривое’, ’сгорбленный; сутулый, кривоногий человек’, ’березовый веник’, ’старый ободранный веник’ (ДСБ 88-89), ’чрезмерно искривленный’ (НЛ 125), ’кривое и суковатое дерево’ (НЛ 77). Кроме того, лексема *карачун* известна как термин новогоднесвяточной обрядности: др.-рус. *корочунъ* ’пост перед Рождеством’ (Срезн. I, 1291), рус. диал. *карачун* ’предрождественский пост, «филипповки»’, орл. ‘святочный обряд, коляда’ (СРНГ 13, 79), ’солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день’ (Д II, 91).

Попытка этимологизации рус. *карачун* была предпринята еще Н.М.Карамзиным, объяснявшим название поста “коротостью дней зимних” (Срезн. I, 1291). Той же версии придерживался Ф.Миклошич, определявший первоначальное значение слова как ’тризна, поминки’ (Преобр. I, 361). Однако «произведение из *короткий* фонетически невозможно, так как все славянские языки имеют č» (Фасм. II, 336). Можно согласиться с мнением А.Г.Преображенского о возникновении значения ’корчи’ из контаминации с *kъrčiti (Преобр. I, 361). Что же касается других значений, то наиболее распространенной в этимологической литературе является мысль о родстве *korčunъ с *korkъ ’нога’ или * korčiti (ЭССЯ 11, 56-58), против которой, однако, возражают авторы ЭСБМ (5, 266), возводя *korčunъ в мифологическом значении к алб. kërkun ’пень’ и аргументируя подобный выбор ритуалом сожжения пня во время зимнего солнцеворота. Таким образом, *korčunъ оказывается термином палеалбанского происхождения (ЭСБМ 5, 266).

Как нам представляется, наиболее логичным (на фоне рассматриваемого нами материала и выявления существующих в языке семантических закономерностей) выглядит возведение вторичных значений *korčunъ к идее кривизны, изогнутости. В этой связи возможно несколько этимологических интерпретаций. Одна из них предложена Р.М.Козловой, квалифицирующей исходное значение *korčunъ как ’кривой, изогнутый предмет’ (Козлова 1985а, 49). Действительно, трансформация ’нечто кривое’ – ’смерть’ подтверждается типоло-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

гией семантических связей; однако на основе указанного признака получают семантическое истолкование и лексемы с обрядовым значением, куда помимо названных Р.М.Козлова включает болг. диал. *крачун* ’народный праздник летнего и зимнего круговорота солнца; рождественский день’, слвц. Kračun ’рождество’ и др., закономерно продолжающие праслав. *korčunъ (Там же 50). Содержание этих единиц объясняется автором, исходя из распространенного у южных славян и соседних с ними народов (молдаван, румын, албанцев) рождественского обряда сжигания ствола дерева. «Этот ствол дерева, как правило, с многочисленными сучьями… и называли крачуном. Именно слово *крачун* в его генетическом значении, ныне забытом южнославянскими языками, могло послужить обозначением и обряда, и праздника, к которому приурочивали сжигание ствола дерева» (Там же). Мнение Р.М.Козловой подкрепляется как сохранением значения ’кривое, суковатое дерево’ на полесской территории, так и типичностью использования для передачи понятий ’ствол дерева’, ’пень’ лексем с исходным значением кривизны, например: рус. *кряж дерева* ’бревно, колода, чурбан’ (Д II, 208) из *kręg- (Варбот 1972, 71-74), пск., твер. *крючье* ’выкорчеванные деревья’ (Д II, 208), *кочера* ’пень’ (Д II, 180), бел. *корч* ’пень с корнями’ (СБГ 2, 505) и др.

В основе другого этимологического решения лежит идея поворота, верчения, круговорота, смены – дней, лет, времени вообще (ср. *vertmen). В этом отношении показательны значения рус. *карачун* ’солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день’, болг. диал. *крачун* ’народный праздник летнего и зимнего круговорота солнца’. Примечательно, что Спиридоньев день в народе иначе назывался *поворотом, поворотником, солоноворотом*. Считалось, что в этот день Солнце поворачивает на лето (Афанасьев 1982, 444). Это представление могло метонимически распространиться и на предрождественское время – пост.

Относительно связи вторичных значений слова *карачун* ’смерть’ и ’термин зимней календарной обрядности’ интересно предложение Н.Н.Велецкой о необходимости специального анализа этих названий в связи с ритуалом проводов «на тот свет» (Велецкая 1978, 113-114). Вполне вероятно, что рус. *карачун* ’смерть’ является рудиментом древнейшего славянского ритуала проводов на «тот свет», тогда становится очевидной причина явной темпоральной закрепленности, поскольку день зимнего (летнего) солнцеворота был сопряжен с особой сакральностью.

Только в результате этимологического анализа могут быть соотнесены понятия ’кривизна’ и ’зло’. Действительно, первоосновой лексемы *зло, злой* была все та же идея кривизны, изогнутости (ср. влад., калуж. *кривость* ’зло’ (СРНГ 15, 247)): праслав. *zъlo восходит к и.-е.- g’huel- ’сгибаться (в том числе духовно)’ (Преобр. I, 256; Фасм. 2, 99; ЭСБМ 3, 335-336; Абаев 1968, 252; Булахаў 1973, 87-89) и представляет собой субстантивированную форму среднего рода краткого прилагательного *zъlъ в отвлеченном значении.

По всей видимости, сначала переносная семантика отличалась диффузностью и была определима в самом общем виде как ’нечто плохое’, о чем свидетельствует разветвленная впоследствии семантическая структура восточно-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

славянских реализаций праслав. *zъl-, наличие отвлеченных значений, в высшей степени обобщенных, а также место, занимаемое соответствующим понятием в картине мира. Значения существительного *зло* подтверждает эту мысль: др.-рус., рус.-ц.-слав. *зъло% зло* ’malum’, ’беда’, ’грех’ (Срезн. I, 1000), рус. *зло* ’все дурное, плохое, вредное; противопол. добро’, ’беда, несчастье’, прост. ’злое чувство, гнев, досада (часто в выражениях: со зла, зло взяло, зло разбирает и т.п.)’ (СРЯ I, 611-612), *зло* ’худое, лихое, худо, лихо’ с комментарием: Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится к истине, а противоположное – ко лжи; второе – к добру (благу) и к худу, ко *злу* (Д I, 683), субстантивированная форма *злая* ’злая часть, година; зло, лихо, беда, несчастье’ (Д I, 684), бел. *зло* ’все плохое’ (СБГ 2, 311) и т.п.

Этимологическая метафора др.-рус., рус.-ц.-слав. *бÛда* ’бедствие, опасность’, ’нужда, принуждение’ (Срезн. I, 214; СДЯ I, 355-358), рус. *беда* ’несчастье, бедствие, горе, невзгода’ (СРЯ I, 67), бел. *беда, біда* ’несчастье, недоля, лихо’, ’забота, беспокойство’, ’печаль’, ’проклятие’ (ГСБМ I, 216-218), диал. *бяда* ’горе, несчастье’, ’горе, беда’, ’забота’, ’интерес, дело’ (СБГ I, 267; Бяльк. 99) и т.п. также основана на образе кривизны, что подтверждается архетипом данной лексемы: и.-е. *bhed(h)- ’гнуть’ (Маковский 1989, 38).

Русским народным говорам известно синонимичное образование (волог.) *кибитка* ’беда, неприятность’ (СРНГ 13, 194), которое, на наш взгляд, генетически соотносится с такими лексемами, как рус. *кибить* ’лука, дуга; выгнутое на пару дерево для лука (оружие)’, влад. *кибита* ’большой полуобруч, служащий воротами, входом в рыболовную снасть шах’, ’гнутый лучок, например, для беседки’ (Д II, 106), иркут. *кибиток* ’веник’ (СРНГ 13, 194).

Укр. диал. *глоба* ’несчастье’, ’забота’, ’штраф’ (КДС 184) имеет в украинском литературном языке значения ’хлопоты; забота; обуза; неприятности’ (Гринч. I, 290). В русском языке оно обладает исключительно конкретной семантикой: пск. *глоба* ’перекладина, лежащий на чем шест, жердь, особ. на скирде’, новг. *глобка* ’кладка, мостки’, ’тропа, тропинка в лесу’, южн. ’стежка’ (Д I, 356). По мнению В.А.Меркуловой *globъ, *globa «словообразовательно производны от реконструируемого глагола *glebti ’долбить’ (Меркулова 1985, 68-69).

ЭССЯ приводит большое число продолжений праслав. *globa с разнообразной семантикой (ЭССЯ 6, 131-133), восходящих к первоначальному активному глагольному значению типа ’рыть, грести, с силой нажимать’, откуда затем возникли производные ’тропа’, ’жердь, которой прижимают’ и переносные значения ’кара, штраф’, ’печаль, забота’. «Эти названия штрафа состоят в тесном семантическом родстве с продолжениями праслав. *globa в других славянских языках. Не отделяя значение ’денежная пеня, штраф, убыток’ (болг., макед., сербохорв., укр.) от значения ’стоимость’ (н.-луж.) и ’забота, несчастье’ (укр.), ’злость’ (ст.-польск.), мы можем через обозначение примитивных форм физического наказания и угнетения возвести их к значению ’палка, орудие наказания’, хорошо представленному в русском значении ’жердь, перекладина’, укр. ’железный клин’. Родство значений ’палка’ → ’наказание, кара’ не нуждается в доказательствах». Авторы ЭССЯ обращают также внима-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ние на «близость форм (и соответствующих значений) *globa, *globъ… к формам с корневым *globъ», параллелизм которых укладывается в отношение l : r (ЭССЯ 6, 131-133).

На наш взгляд, пути семантического развития, предложенные авторами ЭССЯ, нуждаются в уточнении. В словаре фиксируется, однако не учитывается при семантической реконструкции значение укр. *глоба* ’согнутое от природы дерево’. Именно образ гнутости мог быть доминирующим не только в формировании укр. абстрактных вторичных номинаций ’несчастье’, ’неприятность’, ’забота’ и т.п. по регулярной семантической модели, но и при образовании рус. диал. ’стежка, тропинка в лесу’, которое, скорее всего, также было метафорой, основанной на сходстве по признаку ’извилистый’. Дополнительным, хотя и косвенным аргументом в пользу первичности семантики ’нечто кривое, гнутое’ для лексемы *глоба* можно считать, во-первых, установление факта этимологического родства с функционирующими в русском языке поздними заимствованными производными с лат. корнем glŏbo-, отразившимся в лат. glŏbo ’округлять, делать шаровидным’, перен. ’собирать в кучу, в толпу’ (ср. укр. *зглобити* ’сплотить’ (Гринч. II, 138), а также семантику бел. диал. *ключ* ’толпа (людей)’, *ключом* ’вместе, совместно, взявшись друг за друга’ (Янкова 160)), glŏbōsus ’шаровидный, круглый’, glŏbus ’шар’ (ЛРС 287).

Во-вторых, лат. glŏbus ’шар, ком’ оказывается родственным лат. glomus ’клубок’ и далее – праслав. *klQbъ ’шар, клубок ниток’ (Трубачев 1966, 108), чьи рефлексы в русском и белорусском языках последовательно манифестируют семантику изогнутости, например: др.-рус. *клубъ* ’шар, клубок’ (Срезн. I, 1226), рус. *клуб* ’большой клубок’, ’масса чего-либо летящего, поднимающегося, имеющая шарообразную форму’ (СРЯ II, 60), *клуб дерева* ’сучья, ветви и листья’ (Д II, 120), бел. *клуб* ’летучая шарообразная масса пыли, дыма, пара; клубок’ (ТСБМ 2, 701). Показательны в этом отношении бел. дериваты *усклубіцца* ’согнуться’ (ММГ 2, 117), *склубіцца* ’сгорбиться’ (Янкова 328).

В-третьих, первичная, на наш взгляд, сема гнутости проявляется в семантике производных с корнем *глоб-*, например: бел. *суглоб* ’горбатый человек’, *суглобіна* ’высокий согнутый человек’ (Бяльк. 425), *кусуглобы* ’косоглазый’ (ЭСБМ 5, 173). Сюда же относится пск. *глобот* ’частая сеть, которую привязывали жениху к поясу от дурного глаза’ (ЭССЯ 6, 134), поскольку основными в семемном составе данного образования являются семы вязания, плетения, исторически относящиеся к числу производных по отношению к семе ’кривой, гнутый’, - ср. аналогично рус. *кружево* ’узорчатое сетчатое изделие для украшения белья, платья’, перен. ’что-либо узорчатое или сетчатое, напоминающее своим видом такое изделие’ (СРЯ II, 137), производное от корня *krQg- (Меркулова 1974, 207).

Закономерность такого сближения подтверждается обнаруживаемой аналогией в эволюции семантики восточнославянских продолжений праслав. *(s)kręg- ’сгибать’ и отглагольного, связанного отношениями чередования *krQgъ (Петлева 1989, 68-69), например: рус. *круг* ’окружность, сомкнутая кривая черта, всюду равно удаленная от средоточия’, астрах. ’обруч с сетью для ловли мальги, рыбки в наживу’, *кружало* ’в строительном деле – деревян-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ная или металлическая дуга, на которой возводят свод, арку и т.п.', 'дуга' из притесанных дощечек, которые ставятся и покрываются палубою для выкладки по ним каменных сводов' (Д II, 201), *кружить* 'двигаться извилистым путем, часто меняя направление, блуждая, плутая в поисках чего-либо' с оттенком значения 'делать многочисленные повороты, изгибы (о дороге, тропинке)' (СРЯ II, 137), что делает более правдоподобным наше предположение об истоках формирования вторичной семантики у рус. диал. *глоба* 'стежка, тропинка в лесу'.

Что же касается рус. диал. значения 'шест, жердь', то его наличие в семантической структуре продолжений праслав. *globa вовсе не противоречит исходному 'гнутый', доказательством чего можно считать факт сосуществования значений 'предмет изогнутой формы' и 'жердь' в пределах одной лексемы с отчетливой внутренней формой. Так, например, рус. диал. *клюка* 'крюк, крючок с прямым загибом', 'палка этого вида; трость', 'костыль', вост. 'кочерга, употребляемая также на заводах', 'копань или жердь, вырубленная с сучком, с корнем, для поддержки желоба под стрехою крестьянской тесовой кровли или для пригнету соломенной' (Д II, 122); диал. *клюка* 'дорожная палка, посох', 'кочерга', перен. *клюка*, влад. *клюха* 'убыток, тягость' (СРНГ 13, 319-320); рус. диал. (кур.) *ключина* 'клюковатая жердь на кровлю для пригнета соломы' (Д II, 122), укр. *ключина* 'жердь' (Гринч. II, 255); рус. *ключ* 'клюка, крюк', арх. 'колышек в борту лодки, шняки для укрепы весла' (*уключина* 'два колка или вырезка в борту для весла'), горный термин 'ключ рудничной крепи', 'брус, сжимающий и укрепляющий стойки' (Д II, 122), бел. *ключы* 'скрепленные парами накрест короткие жерди, которыми прижимают солому или кострицу' (СБГ 2, 485); рус. *крюк* 'клюка, закорюка, крутой, обратный загиб', арх. 'клюка, кочерга', диал. 'тонкое бревно, продолбленное в одном конце, где втыкают клин; их привязывают к стропилам, чтобы класть нижние поперечные бревна' (Д II, 207-208) и др.

Очевидно, во всех перечисленных случаях сема 'жердь' явилась в результате расширения первичной 'клюка'. Характерно, что в говорах отражены различные этапы этой семантической эволюции: *ключина* 'клюковатая жердь' (четкая реализация мотивирующего признака 'изогнутое') → *ключина* 'жердь вообще' (утрата указанного мотивирующего признака, затемнение внутренней формы, актуализация иной семы – 'жердь'). Весьма вероятно, что аналогичным был путь усложнения семантической структуры продолжений праслав. *globa дополнительными значениями 'шест, жердь', 'кладки моста' и т.п., откуда затем представляется правомерным развитие обозначений «примитивных форм физического наказания и угнетения» (ЭССЯ 6, 131-133).

Семантический параллелизм свойствен рус. диал. *кука* 'горе, печаль' (СРГМ, К-Л, 98), бел. диал. *як кука* 'в растерянности' (ТС 2, 248), восходящим к корню *kuk- < и.-е. *keu-k-, *kouk-k- 'изгибать, искривлять; загнутое'. По мнению авторов ЭССЯ, славянский материал «сохранил очень четко старое значение 'крюк, крюкообразный'. Ср. далее, родственные и апофонически разнообразные *kvaka, *kyka, *kъk-» (ЭССЯ 13, 86-87) (продолжения со знач. кривизны, отражающие семантический сдвиг 'крюк' → 'бугор, холм' см.: Кур-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

кина 1979, 44-46). Ряд многочисленных производных с этим корнем, выражающих идею кривизны, можно дополнить бел. диал. *кука* ’старый танец, похожий на хоровод’ (ТС 2, 248) – ср. семантически параллельные рус. *круг* ’хоровод’ (Д II, 200), диал. *кочерга* ’название весеннего хоровода’ (Добр. 354), *корогод* ’хоровод’ (СРНГ 14, 358), бел. *карагод* (Козлова 1986, 92).

Возможно, с этим же корнем связано рус. *скука* ’состояние душевного томления, уныния, тоски от безделия или отсутствия интереса к окружающему’ с оттенком значения ’уныние, тоска, парящие где-либо, вызываемые чем-либо’ (СРЯ IV, 125), *скука* ’тягостное чувство от косного, праздного, недеятельного состояния души’, ’тоска, грусть’, ’досада, неудовольствие, докука’ (Д IV, 212), укр. *скука* ’скука’ (Гринч. IV, 146); рус. уст. и прост. *докука* ’просьба’, ’забота, беспокойство’ (СРЯ II, 421), диал. *докука* ’беспокойство, забота’ (Ман. 55), бел. *дакука* ’беспокойство со стороны посетителей или просителей’ (Нос. 139), диал. *дакука* ’забота’, ’скука, тоска, печаль’ (СБГ 2, 216), ’докука, назойливость’ (Бяльк. 147).

Предположительно, внутренняя форма данной лексемы проявляется в следующих выражениях: *Молись до пупа, Бог любит докуку* ’кланяйся больше, ниже’; *быть* (*ходить*) *в докуке* ’хлопотать, кланяться, просить’ (Д I, 459), ср. *докучать* ’надоедать, просить неотступно, кланяться; приставать, кучиться кому’ (Д I, 459), беспрефиксальное (вост., сев.) *кучить* ’просить неотступно, униженно, кланяться’, а также сохраняющие первичную семантику изогнутости *закучился* ’закланялся’, *накучился* ’накланялся’ (Д II, 229).

Возможность объединения *кука* ’горе, печаль’, *скука, докука* в составе одного генетического гнезда отражена этимологическими словарями, однако истоки семантики этих лексем традиционно выводятся из звукоподражательного *кука, кукать* ’издавать однообразный звук, надоедать’ – ср. *кукушка, кур* (Преобр. I, 406; Фасм. II, 403, 404-405, 231).

В древнерусском языке слово *скорбь* представлено исключительно вторичными значениями: др.-рус., рус.-ц.-слав. *скърбь*% *скръбь*% *скорбь*% *скъръбь*% *съкърбь* ’боль, страдание’, ’болезнь, недуг’, ’несчастье, беда’, ’досаждение’, ’горе, печаль’, ’забота’ (Срезн. III, 401). Словари современного русского литературного языка отмечают только два вторичных значения: ’глубокая печаль, горесть’ и устар. ’болезнь’ (СРЯ IV, 116), тождественных диалектным: *скорбь* ’печаль, грусть, тоска, горе, кручина’, ’боль и болезнь телесная’ (Д IV, 204). Эти же значения отражены белорусскими и украинскими лексикографическими источниками, например: бел. *скорб* ’печаль’ (ТС 5, 46), укр. производное *скорбота* ’скорбь, печаль’ (Гринч. IV, 140). Показательно, что аналогичная лексема в южнорусских говорах обозначает физическую немощь, болезнь: *скорбота* ’скорбь, более телесная’ (Д IV, 204). Весьма вероятно формирование значения ’печаль, грусть, тоска’, т.е. обозначения боли душевной, на основе названия боли физической. В связи с этим характерным является пример использования лексемы *скорбь* в значении ’боль’ в заговоре «от зубной скорби» (Русский народ 365). Очевидно, что значение ’печаль, тоска, грусть’ квалифицируется как вторичное по отношению к значению ’болезнь, недуг, телесная немочь’. Впрочем нельзя полностью исключить и наличие диффузной

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

семантики ’боль, страдание’ ↔ ’несчастье, беда’. В любом случае независимо от дальнейших направлений семантического развития проявляется вторичный характер данных значений, их семантическая близость, обусловленная общностью исходной семантики и, кроме того, закономерностью регулярного семантического переноса

’боль’

’кривой, гнутый’ ↗ ↕

’беда, несчастье’.

Несмотря на отсутствие явного мотивирующего признака в лексеме *скорбь*, утрата которого вызвана становлением отвлеченной семантики, исходное «дообразное» значение становится очевидным при анализе значений генетически родственных (Преобр. II, 307) глаголов, отражающих разные стадии формирования семантики, типа *скорбнуть* ’морщиться от засухи, ежиться, коробиться’, ’черстветь’, ’вянуть, сохнуть, присыхать’, откуда возникло вторичное значение ’болеть’, служащее для передачи и физического, и душевного состояния (Д IV, 204). По-видимому, однокоренным является и бел. диал. *скорбежыцца* ’скрутиться’ (ТС 5, 46). Предположительно, эта группа находится в родстве с производными глагола *коробить* (Преобр. II, 307; Фасм. II, 651), например: рус. прост. *скоробить* ’согнуть, скорчить, скрючить (от болезни, увечья)’ (СРЯ IV, 117), *скоробливать, скоробить* ’коробить или гнуть, вертеть и гнуть жаром и от сырости’, *скоробливаться, скоробиться* ’поддаться коробящей силе’ (Д IV, 204).

Вероятно, образ кривизны можно выявить в синонимичном рус. диал. *скомль, скомля* ’страдания, телесная боль или душевная скорбь’, ’боль, тяжкая или долгая болезнь’, ’скорбь, грусть, тоска’ (Д IV, 202-203), для которого допускается звукоподражательное происхождение (Преобр. II, 304). Вероятнее всего, семантический сдвиг осуществился в структуре глагола, ставшего производящей базой существительного *скомль, скомля*. Соотносительные глаголы со вторичной семантикой хорошо известны русским говорам, например: сев. *скомить, скомнуть* ’болеть, ныть, щемить, ломить’, ’жаловаться, тосковать болью, страдать, хворать’ (Д IV, 202) (ср. с ясной внутренней формой *скомить* ’мять комом, сделать комок’ (Там же 203)), вост. *скомлеть*, твер. *скомлять* ’скомить, скорбеть, болеть’, ’болеть сердцем, тосковать, скорбеть, грустить или тужить’, влад., ряз. *скомлить, скомлеть* ’плакаться всему свету, прикидываться бедным, несчастным, жаловаться всем на судьбу’ (Д IV, 202).

Список метафорических по своей природе лексем с семантикой ’горе, печаль, тоска’ может быть дополнен продолжениями праслав. *krQčina: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кручина* ’желчь’, ’печаль, горе’, ’немилость, гнев’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 90-91), ’мерзость’, ’падучая болезнь’, ’неприятность’ (Срезн. I, 1337), рус. народно-поэт. *кручина* ’грусть, печаль, тоска’ (СРЯ II, 140), диал. *кручина*, твер. *кручень* ’грусть, печаль, горе, длительное душевное страдание’, ’забота, дума’ (Д II, 204; СРНГ 15, 335), бел. *кручына* ’грусть, печаль’ (Бяльк. 234), – восходящими к корню *krQk-, связанному чередованием с праслав. *kręk- (ср. рус. южн. *кряч* ’кляп, завертка, закрутка’, *крячить* ’привертывать, закручивать крячем’ (Д II, 208), *кряч* ’палка, употребляемая для скручивания на

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

возах клажи’ (СРНГ 15, 372), укр. *кряч* ’жердь, которой поворачивают бревно’ (ЭССЯ 12, 141-142)), родственным праслав. *kręgъ, *krQgъ (ЭССЯ 13, 21-22). В реализациях указанных корней и более далеких сравнениях (например, др.-инд. krúncati ’извиваться’ (Там же) ясно прослеживается идея, их объединяющая, – ’кривой, изогнутый’.

Вероятно, именно образ изогнутости, кривизны вызвал семантический переход, в результате которого сформировалось значение ’болезнь’, по-видимому лишенное общей абстрактной семантики и передававшее наименования конкретных заболеваний, в первую очередь, внутренних органов. Так, по мнению В.В.Колесова, «слово *кручина* обозначает болезнь желчного пузыря, поскольку *кручина* также и ’желчь’. Поэтому в древности *кручиной* называли всякую болезнь в области живота и считали, что такая болезнь зависит от пищи, а «теплота кручинная» – от человеческого настроения: в гневе, например, желчь разгорается» (Колесов 1986, 97).

Можно предположить, что под *кручиной* понимали всякое внешнее проявление внутренней боли, в связи с чем представляется интересным толкование Памвы Берынды в «Лексиконе славенороссском» (Кутейнский мон. 1653): «Кручина# на^д^менье% раждеже^и^е(пухлина??? воспаленье от вродов% от гною% образне над тость% пыха» (Срезн. I, 1337).

С течением времени на основе представлений о действительно существующей связи физической боли и нравственных мучений произошел семантический сдвиг, обусловивший понимание соответствующей лексемы как «внутреннего болезненного переживания» (Колесов 1986, 99), относящегося к сфере морали, и формирование ряда соотносимых частных значений: ’горе, печаль, тоска’, ’забота, неприятность’. По свидетельству В.В.Колесова, *кручина* ’печаль’ впервые встречается в московских летописях под 1587 годом (Там же 100-101), позднее данное значение стало основным в семантической структуре слова.

Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня, отмечая для лексемы *кручина* ’горе, беда’, видели в ней метафору с тем же образом, однако связанную отношениями словопроизводства с *крутить* ’вязать, крутить’, обосновывая свою точку зрения существованием волог. *сукрутина* ’круто свитая нитка’ → ’печаль тоска, особенно от недостатков’ (Буслаев 1861, 167; Потебня 1989, 361). Эти же значения зафиксированы В.И.Далем: волог. *сукрутина* ’кручина, горе, печаль’ и ’круто свитая, ссученная нить, круто спущенная веревка’, вост., сев. ’скрутившееся место нитки, веревки’ (Д IV, 358) – ср. также укр. *скрута, скрут* ’стесненное, затруднительное, тяжелое положение, состояние, со множеством хлопот, дела’ и *скрут* ’продолговатый клубок, смотанный из выплетенной для приготовления шляп соломенной ленты’ (Гринч. IV, 145), бел. диал. *сукрут* ’узел на нитке’ (ДСБ 222).

Категорически возражает против формирования семантики слова *кручина* на основе образа изогнутости В.А.Меркулова, считая единственным признаком, объединяющим все значения, ’гореть’ (*kręk-/*krQk- ’гореть’), поскольку «в основе наименований печали и горя лежат две семантические модели: ’го-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

реть’ → ’горе’ (ср. *печь – печаль…, гореть – горе*) и ’давить, угнетать’ → ’горе’ (ср. *tęgti - *tQga)» (Меркулова 1983, 62).

Приведенный материал, по нашему мнению, свидетельствует в пользу возможности развития вторичного значения ’горе’ на базе лексем с исходным ’гнуть’. Что же касается последней модели ’давить, угнетать’ → ’горе’, то ее первый компонент вполне совместим с элементом ’гнуть, кривить’, что наблюдалось нами в семантической структуре *globa, а также ряда лексем, объединяемых общей семантикой ’скупой’. Поэтому такое наименование модели для объяснения семантической эволюции *tQga кажется спорным.

В древнерусский период слово *туга% т.га* имело разветвленную семантическую структуру: ’угнетение, тягость, гнет’, ’мучение, страдание’, ’уныние, тоска’, ’печаль, горе’, ’беда, несчастье’, ’изнеможение’, ’бедствие’, ’наваждение’ (Срезн. III, 1031-1032). Русским языком (литературным) слово утрачено, сохраняется только в западных и южных говорах: *туга* ’печаль, скорбь, тоска, грусть, горе, кручина’ (Д IV, 440), *туга* ’печаль, тяжелая скорбь’ (Р 263); в бел. лит. языке и говорах: *туга* ’грусть, тоска, печаль’ (ТСБМ 5, 544; Нос. 643; Бяльк. 447; ТС 5, 162). Близкие значения отмечены у однокоренных производных: бел. диал. *прытуга* ’горе, беда’ (Янкова 290), ’туга’ (Бяльк. 354-355), *прітуга, туга* ’тоскливое настроение’ (Бяльк. 346), *отуга* ’тесные, тяжелые обстоятельства, стеснение’ (Нос. 381), *потуга* ’туга, печаль’ (ТС 4, 199), укр. *притуга* ’затруднительное, тяжелое положение, горе, беда’ (Гринч. III, 447). Таким образом, в процессе семантической эволюции наблюдается сужение комплекса представлений, порождаемых лексемой *туга*. По своему происхождению все перечисленные значения вторичны, образованы по распространенной, описываемой нами семантической модели, в обоснование чего приведем однокоренные лексемы с корнем *tQg-, отражающие исходную семантику, например: рус. *тугой* ’сильно натянутый или стянутый; крепко, плотно плетенный, скрученный’ (СРЯ IV, 423), бел. *затужываць* ’туго, крепко завязывать’ (Нос. 189), а также этимологически родственные образования с корнем *tęg- (Буслаев 1861, 167; Потебня 1989, 361): др.-рус. *тzга* ’скоба дверная’ (Срезн. III, 1097), др.-рус., рус.-ц.-слав. *тzгота* ’тяжесть’, ’труд’, ’тягость’, ’трудное положение’, но и ’неприятность’, ’беда, несчастье’, ’притеснение’ (Срезн. III, 1098-1099), рус. диал. (ворон.) *тяголь* ’сутуга, проволока’ (Д IV, 454), *тяжелка* ’петля, веревка, на которой ведут узника’ (Там же 455), бел. диал. *нацягваць* ’навивать’, ’плести’ (СБГ 3, 194) и др. (О происхождении зап.-укр. *туга* ’радуга’ см. Толстой 1976, 25-26).

3.1.3.2. Лексемы со значением ’грех’

На основе представлений о кривизне, изогнутости сформировалась отвлеченная лексика со значением ’грех’. Разумеется, абстрактная семантика сформировалась постепенно: вероятнее всего, ее появлению предшествовало существование более конкретных, непосредственно мотивированных значений. По нашему мнению, таким промежуточным звеном могло быть значение ’ошибка, промах’, то есть ’искажение, искривление, отклонение от прямой

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

линии’, ассоциирующейся в сознании человека с безупречностью, истинностью, добродетелью, – ассоциации, вызываемые кривизной, противоположны. Поэтому такой путь семантического развития кажется логически закономерным, подтверждением чего является история семантического развития лексемы *грех*: др.-рус., рус.-ц.-слав. *грÛхъ* ’ошибка, грех’, ’наказание’ (Срезн. I, 604), рус. *грех* ’у верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний’, ’предосудительный поступок, ошибка, недостаток’, разг. в функции предиката ’предосудительно, нехорошо, грешно’ (СРЯ I, 346), *грех* ’поступок, противный закону Божию; вина перед Господом’, ’вина или проступок’, ’ошибка, погрешность’, ’беда, несчастье, бедствие’, ’распутство’ (Д I, 402-403), диал. *грех* ’ссора, раздор’, ’спор’, пск. ’о ком-, чем-либо приносящем неприятность, напасть (при выражении досады)’ (СРНГ 7, 135), ’грех’, ’несчастный случай, беда (главным образом пожар)’ (ДС 126), укр. *гріх* ’грех’, ’вина’, (Гринч. I, 328), диал. *грєх* ’пропуск при ходьбе’ (ЭССЯ 7, 114), бел. *грэх* ’нарушение религиозных канонов’, ’отрицательная черта в характере, поведении’, ’нарушение принятых норм, неэтичный поступок’ (СБГ I, 494; Бяльк. 139; ЭСБМ 3, 110).

Поскольку лексема *грех* является генетической метафорой, мотивационные отношения могут быть выяснены только в результате этимологического исследования. В соответствии с наиболее распрстраненной этимологической версией праслав. *grěxъ квалифицируется как девербатив от *grě(ja)ti, что не противоречит, по мнению авторов ЭССЯ, основным аргументам в пользу данного решения: формальному сближению и возможности подобного семантического перехода. С точки зрения формы эта позиция обосновывается внешним сходством имен *grěxъ, *spěxъ, *směxъ «вплоть до примеров нарочитого параллелизма вроде русского *и смех и грех*», а также тем обстоятельством, что «производящие глаголы для *směxъ и *spěxъ точно известны – *smějati, *spěti (ЭССЯ 7, 115-116). Таким образом, *grěxъ считается производным с суффиксом -х- от глагола *grě(ja)ti. Характеризуя мотивационные отношения между производящей базой и дериватом, этимологи ссылаются на семантическую аналогию с др.-инд. tàpas ’жара’, ’боль’ от tàpati ’распаляться’ или слав. *pečalь от *pekti (ЭССЯ 7, 115-116). При таком подходе *грех* представляет собой метафорический девербатив, в семемном составе которого актуализируются семы жжения, горения, а семантический объем христианского термина обусловлен представлением о жжении совести или о неотвратимости наказания за совершенные проступки в виде горения, например, в геенне огненной, месте вечных мучений душ умерших грешников. В связи с этим представлением закономерно толкование В.И.Далем вторичных значений лексемы *грех* ’беда, напасть, несчастный случай, бедствие’ как формы наказания «за грехи наши» (Д I, 402).

Между тем представляется сомнительным факт исконности закрепления комплекса христианских представлений о грехе за праславянской (а значит дохристианской) лексемой, поэтому, думается, правы авторы ЭССЯ, утверждая, что мы имеем дело с подстановкой христианского значения на место первобытного, тем более что достоверно нигде не засвидетельствованы лексемы с промежуточными значениями, имеющими отношение к семам огня. Кро-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ме того, *грех* является не наименованием чувства, а названием результата действия, поступка. Все это дало основание составителям ЭССЯ обратиться к другой этимологической гипотезе, представляющейся и нам наиболее убедительной. Речь идет об этимологии Казимира Буги, согласно которой восходит к основе со значением кривизны *groi-so (ЭССЯ 7, 114-116; Цейтлин 1980, 64) (ср. лат. grèizs ’кривой’ (ЭСБМ 3, 110)). В таком случае праслав. *grěxъ можно считать девербативом от утраченного глагола со значением ’кривить, отступать от прямой, правильной линии’. Тогда вполне объяснима семантика др.-рус. *грÛхъ* ’ошибка’ и *грÛхомъ* ’по ошибке, нечаянно’ (Срезн. I, 604), а также производных, не обнаруживающих зависимости от христианской семантики: др.-рус., рус.-ц.-слав. *грÛшити* ’не попасть, ошибиться, пропустить’ → ’грешить’ (Срезн. I, 604), рус. *грешить* ’ошибаться’, *грешиться* ’ошибиться, дать промах, пропустить’ (Д I, 402), бел. *грэх* ’огрех, ошибка’ (Бяльк. 140), рус. *огрех* ’пропущенное или плохо обработанное место в поле при пахоте, посеве, уборке’, прост. ’недоделка, упущение, погрешность’ (СРЯ II, 589), бел. *агрэх* ’то же’ (СБГ I, 50), укр. *огріх* ’пропущенное место при пахании поля’ (Гринч. III, 37).

Закономерность существования подобной модели можно проиллюстрировать историей синонимичной полесской лексемы *коза* ’огрех при полевых работах (обычно жатве, косьбе, пахоте, сновании)’ (см. Старостенко 1983, 90-91).

Допустимость появления значения ’ошибка’, опирающегося на образ кривизны, можно подтвердить также эволюцией лексемы *хиба*, известной белорусскому и украинскому языкам в значении ’ошибка, промах’, ’недостаток’, откуда затем укр. *хибы* ’неправильность, недостаток, порок’ (Гринч. IV, 396). Первичные семы ’гнутый, кривой’ и, как правило, сопутствующие ’дрожащий, колеблющийся’ проявляются в рус. *хиба* ’кто или что колеблется, болтается’, *хибать* ’качать, колебать’ (Д IV, 547), бел. диал. *хібкі* ’гибкий’, *хібовы* ’кривой’ (ТС 5, 238), укр. *хибкий* ’неустойчивый, шаткий, колеблющийся’, *хибнути* ’покачнуть, наклонить’, ’наклониться’ (Гринч. IV, 396).

Таким образом, комплекс христианских представлений, ассоциирующихся с лексемой *грех*, сформировался на основе промежуточной конкретной семантики ’ошибка, упущение по неосторожности, нечаянности’, первоэлемент которого связан с понятием ’кривой’. Не исключено, что становление отношений обусловленности было предопределено той ролью, которая отводилась *огреху* на пашне в системе древнейшей (дохристианской) земледельческой обрядности и сопутствующих мифологических воззрений. Например, кажется вполне естественным формирование христианского взгляда на грех как неотвратимо наказуемый проступок на базе древнего поверья, в соответствии с которым «огрех на пашне не к добру» (Д II, 648).

Что же касается других вторичных значений продолжений общеславянского *grěxъ ’беда, несчастье, бедствие, напасть’, ’вина’, то их возникновение обусловлено отнюдь не христианским пониманием греха, а функционирующими в языке семантическими моделями, представляющими собой результат осознания связей, существующих между явлениями объективной действительности. Закономерность появления вторичных номинаций ’беда и т.п.’ на основе

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

образа кривизны отражена выше; относительно переносного значения ’вина’ можно заключить, что оно регулярно развивается в словах с исходной семой ’кривой’, например: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кривыи* ’виновный’ (Срезн. I, 1322), ст.-укр. *кривъ* ’виноватый’ (ЭССЯ 12, 171-174), ст.-бел. *кривыи* ’виноватый’ (Ск. I, 285); рус. диал. (пск.) *гуриться* ’виниться’ (Д I, 408; СРНГ 7, 238) (ср. сербохорв. *гўрити* ’сгибать, горбить, корчить’, *гўрити се* ’съеживаться’) (ЭССЯ 7, 177)).

Возможно, что и базовая лексема *вина* для передачи соответствующего понятия претерпела аналогичные семантические изменения. Праслав. *vina имеет следующие продолжения: др.-рус., рус.-ц.-слав. *вина* ’вина, грех, виновность’, ’обвинение’, ’извинение’, ’проступок’ (Срезн. I, 258; СДЯ I, 424-428), рус. *вина* ’проступок, преступление’ (СРЯ I, 176), диал. *вина* ’ошибка’, ’причина’ (АОС 4, 101), бел. *віна* ’плохой поступок, провинность’ (БРС I, 232; ТСБМ I, 490). Праслав. *vina < и.-е. *uei-n-, где n – формант, присоединяющийся к основе, родственной лит. vaina ’ошибка’, лат. vaina ’вина’ и т.д., а также рус. *воин, война* (Преобр. I, 84; Фасм. I, 316; ЭСБМ 2, 143), причем этимологическими источниками не уточняется семантика и.-е. основы. По нашему мнению, можно предположить отвергаемое А.Г.Преображенским (I, 84) родство с *вить*, которое подтверждается как регулярностью формирования значения ’вина’ на основе образа кривизны, так и первичной семантикой однокоренных глаголов, например: бел. *вінуць* ’свертывать, сгибать’ (Нос. 58), *свінуць* ’вертеть, сгибая’ (Нос. 575), *увінаць* ’увивать, увертывать’, *увінацца* ’увертываться’, ’увиваться около кого’ (Нос. 649).

Таким образом, можно предположить зарождение значения ’вина’ как самостоятельного, а не производного от ’грех’. Впрочем, взаимозаменяемость лексем *вина* ’грех’ и *грех* ’вина’ с актуализацией семы ’проступок’, по-видимому, говорит в пользу формирования на основе идеи кривизны некоего диффузного представления, подвергшегося детализации в связи с христианской терминологизацией, наполнением религиозным содержанием.

Представление о том, что «Бог дал путь, черт крюк» (Посл. 150), а следовательно, всякое отклонение от прямого пути, его искажение приводит к потере ориентации и физической, и нравственной, нарушению моральных норм, отражено в абстреме *разврат* ’половая распущенность, беспутная половая жизнь’, ’испорченность общественных нравов, моральное разложение’ с оттенком значения ’то, что является дурным с точки зрения морали’, разг. ’избалованность, привычка к излишествам’ (СРЯ III, 596). Несмотря на отсутствие данного старославянского отвербатива в словарях древнерусского периода, истоки его семантики прослеживаются в структуре соотносительных глаголов и глагольных форм, которым свойственны значения вращения, искажения, порчи как в прямом, так и переносном смыслах, например: *развращенныи* ’непрямой’, ’пагубный’, *развращатисz* ’вращаться’, *развратити* ’разрушить’, ’отклонить, удалить’, ’испортить’ и др. (Срезн. III, 25-26).

3.1.3.3. Лексемы со значением ’ложь; хитрость, лукавство’

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Архесема кривизны обнаруживается в ряде наименований лжи, лукавства, хитрости. К этой группе принадлежат следующие отвлеченные существительные: праслав. *lQka, реализовавшееся в др.-рус., рус.-ц.-слав. *лука% л.ка* ’хитрость, лукавство; обман’ ← ’кривизна, изгиб’, ’залив, берег залива, берег излучины реки’ (Срезн. II, 50-51), рус. церк. *лука* ’лукавство, кривизна души’ ← ’изгиб, кривизна, излучина’ (Д II, 272);

рус. церк. *стропота* ’лживость, кривда’ ← ’кривизна, крутое уклоненье от прямизны’ (Д IV, 342);

рус. диал. (влад., калуж.) *кривость* ’лукавство’ (СРНГ 15, 247), *кривавость* ’лукавство’ (Добр. 359) и др.

Полностью утратило внутреннюю форму отглагольное образование *ложь*: др.-рус., рус.-ц.-слав. *лъжа% лжа* ’ложь, обман’, ’несогласие’ (Срезн. II, 60-61), рус. *ложь* ’неправда, намеренное искажение истины; обман’ с оттенком значения ’выдумка, вымысел’ (СРЯ II, 241), связанное с *leug- ’кривить, гнуть’ (ЭССЯ 9, 182-183).

Значительные трудности вызывает история семантического развития слова *клевета* ’ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение таких слухов’ (СРЯ II, 56) (ср. др.-рус., рус.-ц.-слав. *клевета* ’обвинение, обличение, донос’, ’ложное обвинение, наговор, навет, клевета’, ’брань, поношение, порицание, хула’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 156; Срезн. I, 1215)). По мнению А.С.Львова, слова *клевета, клеветать, оклеветать* отсутствовали в восточнославянской речи, поскольку в памятниках древнерусской письменности они «преимущественно встречаются либо в церковных книгах, либо в книжных оборотах речи» (Львов 1975, 52).

Из большого числа существующих этимологических решений (обзор см. Фасм. II, 245; индоевропейские соответствия корня см. Варбот 1962, 58-70) приведем версию Р.Ф.Брандта, Х.Педерсена, Э.Бернекера, сближавших *клевету* с *клевать, клюю*. Данная гипотеза не вызывала возражений с точки зрения фонетики и структуры, но была неприемлема, по мнению Ф.Миклошича, А.Г.Преображенского, семантически (Преобр. I, 313). Между тем основанием для семантического сближения рефлексов единого корня *kleu- может, на наш взгляд, служить общая идея крючка, зацепки. Обращает на себя внимание факт образования от того же корня *kleu- слова *kluka (ЭССЯ 10, 14-17), чьи продолжения проявляют семантический параллелизм: др.-рус., рус.-ц.-слав. *клюка* ’хитрость, лукавство, обман’, ’клюка, костыль’, ’кочерга’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 181-182); рус. лит. и бел. *клюка* сохраняет исходное значение ’палка с загнутым концом, употребляемая для опоры при ходьбе’ (СРЯ II, 61; ЭСБМ 5, 72); в то же время рус. диал. производные с тем же корнем манифестируют и вторичные семы, например: влад. *клюшки* ’сплетни, кляузы’ (СРНГ 13, 328), *коклюха, коклюшка* ’сплетни’ (Д II, 134).

3.1.4. Наименования мифологических существ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Отражение в народном сознании представления об особых существах, способных вызывать негативные состояния, «идущих кривыми дорогами» (Афанасьев 1982, 325), явилось причиной формирования в результате метонимического переноса наименований мифологических персонажей. Собственно говоря, если рассматривать природу возникновения таких номинаций, то, по-видимому, современная квалификация семантического сдвига ’негативное явление, свойство, качество’ → ’существо, способное вызывать соответствующее явление или обладающее соответствующим свойством, качеством’ не будет точна. Скорее всего, эволюция подобных номинаций сводилась к метафорическому развитию на основе образа кривизны нерасчлененного, диффузного понятия, совмещающего в себе и название отрицательного явления, свойства, качества, и наименование персонифицированной силы, существа, способного доставлять человеку разнообразные несчастья.

Так, очевидно, по этой причине «в отвлеченном виде *зло* олицетворяется духом тьмы» (Д I, 683). Сосуществование данных значений характерно также для следующих лексем, например: рус. калуж., симб. *карачун* ’злой дух, черт, демон’ (СРНГ 13, 79; Д II, 91), бел. *корочун* ’злой дух, сокращающий жизнь’ (Нос. 247) (ср. рус. прост. *карачун пришел кому* ’о внезапной смерти’ (СРЯ II, 32), бел. *Корочун его возьми* (Нос. 247), *а каб ужо на цябе карачун прышоў* (Юрч. 34; Высл. 200)) и рус. диал., бел. *карачун* ’внезапная, неожиданная смерть’ (СРНГ 13, 79; Нос. 247);

рус. диал. *ляка* ’пугало, страшилище’ (Д II, 286), бел. диал. *лякы* ’по древним поверьям, воплощение злой, нечистой силы’ (СБГ 2, 715) и *ляк* ’испуг, страх, страсти, боязнь’ (Д II, 286; СРНГ 17, 212; Янкова 185; СБГ 2, 714; ДСБ 128) на основе единого ’гнуть’ (ЭССЯ 15, 59-61) – ср. др.-рус., рус.-ц.-слав. *лгщи* ’сгибать’ (Срезн. II, 100), рус. стар. *лякий* ’горбатый, сутулый, согнутый, сгорбленный’ (Д II, 286);

др.-рус. субстантивированное *лукавыи* ’дьявол’ ← ’ложный, лживый’, ’подложный’, ’дурной, злой, коварный’, ’неприязненный’ ← ’извилистый’ (Срезн. II, 51), рус. прост. *лукавый* ’дьявол’ (ЭСБМ 6, 50), производное с тем же корнем рус. *луканька* ’лукавый, соблазнитель, бес’ (Д II, 272);

рус. диал. (ряз.) *кука* ’леший, живущий в бане’ (СРНГ 16, 30), полесск. *кука* ’нечто страшное, обитающее в темноте, чем пугают детей’ (ЛП 44), лит. kaûkas ’домовой, дух, карлик, гном’ (ЭССЯ 13, 86-87) и рус. диал. *кука* ’горе, печаль’ (СРГМ К-Л, 98); однокоренное производное (влад.) *кукан* ’мифическое существо, обитающее в лужах, болотах’ (СРНГ 16, 31) и *кукан* ’привязь, неволя’: Он попался на кукан ’в руки жены’ (Д II, 213) – ср. проявление исходной семы во влад. *кукан* ’петля’ (СРНГ 16, 31).

Вероятно, этот же корень можно выявить в столь долгое время не поддающейся этимологическому анализу праслав. лексеме *kykymora, реализовавшейся в рус. *кикимора* ’по суеверным представлениям – нечистая сила в женском образе’ (СРЯ II, 48), диал. (ряз., сарат.) ’чучело, пугало’ (СРНГ 13, 205), ’род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам с веретеном, прялками, коробами и вьюшкою’, сиб.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лесная кикимора ’лешачиха, лопаста’ (Д II, 107; СРНГ 13, 205; Кул. 36); вят., твер. *кикиморка* ’мифическое существо, кикимора’ (СРНГ 13, 205), *кикиморы* ’младенцы, умершие некрещеными’ (Зеленин 1916, 25), бел. *кікіморы* ’человекоподобные существа, нечистики женского пола’ (ЭСБМ 5, 31). Практически все исследователи усматривают здесь сложное слово со вторым компонентом *mora, имеющим прочную связь с индоевропейской мифологией, тогда как первый компонент традиционно считается затемненным («возможно, по мотивам табу, что в названии сверхъестественной силы не удивляет») (ЭССЯ 13, 261-262). Однако, следуя ходу наших рассуждений, естественным кажется предположение, что в основе первой части данного слова лежит корень *kyk-, генетически соотносящийся с *kuk- (см. *кука, кукиш*) (ЭССЯ 13, 261-262; Э.Бернекер) (Фасм. II, 231-232), с первоначальным значением ’кривой, изогнутый’, в доказательство чего можно включить и закономерность фонетических преобразований, и типологию семантической эволюции ’кривой’ → ’сверхъестественная сила’ или ’относящийся к сверхъестественной силе’. Кроме того, аргументами в пользу излагаемой версии могут стать свидетельства мифологического характера, например: «Непропорциональность форм, кривизна отдельных органов, косоглазие, немота, заикание, скудная память и ум – вот неизбежные недостатки бывшей кикиморы, которая с возрастом совершенно забывает о своей давней жизни’ (Никифоровский Н.Я. // Міфы бацькаўшчыны 1994, 40). Большинство из перечисленных признаков в описании кикиморы имеет самое непосредственное отношение к первоэлементу ’кривой’. Даже немота кикиморы подтверждает эту мысль, поскольку это качество обозначено лексемой, восходящей к корню *nem- ’гнуть’, и первоначальная семантика связана с обозначением религиозного действа, в частности религиозного экстаза, и может быть сформулирована таким образом: ’завороженный, в экстазе, безъязыкий’ → ’немой от экстаза’ (Маковский 1989, 134). Что же касается таких признаков, как кривизна отдельных органов, непропорциональность форм, косоглазие, то их первооснова очевидна. Вместе с тем необходимо отметить, что мотивы асимметрии среди демонических персонажей относятся к числу наиболее распространенных. Хромотой отличались дьявол в христианской демонологии; античный Гефест, если верить Гомеру, родился слабым, некрасивым и хромым (Мифологический словарь 1985, 46); «хромы и кривы, одноглазы, одноруки и одноноги бывают хтонические духи в фольклоре сибирских и центральноазиатских народов» (Неклюдов 1979, 136). Отклонение от нормы (по формуле n-1) свойственно также внешнему виду одноглазого Лиха, которое описывается в сказке как «высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая, встреча с которой приводит к потере одной из парных частей тела или даже к смерти» (Иванов, Топоров 1965, 86).

Вероятно, тем же признаком кривизны мотивировано диал. название *варлеока* ’сказочное существо, кривой’ (Добр. 52) – ср. *варлеокий* ’кривой’ (Там же), *верлиока* ’сказочное одноглазое существо; борода космачком, зубы торчком’ – ср. *верлиокий* ’косой, поворачивающий во все стороны глазами’ (Добр. 59) (Этимология родственных *верлавокі* ’косоглазый, одноглазый, поворачивающий во все стороны глазами’ (Нос. 49), укр. *уверий* ’кривой, упрямый’ из

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

*vir-/*vьr- ’поворачиваться, сгибаться, искажаться’ → ’смотреть косо, недоброжелательно’ предложена Л.В.Куркиной) (Куркина 1972, 100-102).

Таким образом, «хромота и кривизна остаются устойчивыми признаками целого класса персонажей – вплоть до поздних литературных форм. Стоит вспомнить трафаретный облик одноглазого пирата и стивенсоновских морских разбойников – от слепого Пью до одноногого Джона Сильвера – или притворную слепоту кота Базилио и хромоту лисы Алисы…» (Неклюдов 1979, 136). На этом фоне становится понятной причина закрепленности эпитета *крывы* за лексемой *черт* (Высл. 256), а также сущность суеверного предостережения: Рыжага і крывога бойся, як пса злога; косага да рыжага лепш абыходзь (Прык. 2, 210).

Причины такой популярности мотивов неполноты формы, кривизны и асимметрии объясняются по-разному. Так, у А.Н.Афанасьева находим: «Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией, то полет ее фантазия стала сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромоногого человека или животного (Афанасьев 1982, 324). Под влиянием указанных воззрений и языка бог разящих молний переходит в хромоногого демона, и доныне у разных народов продолжают давать этот эпитет дьяволу» (Там же 325).

А.Е.Богданович приводит «предание, что черти когда-то воевали с ангелами, были побеждены ими и сброшены с неба на землю… Мелкие черти во время падения отделались сравнительно дешево – получили легкие ушибы…; а крупные, как более тяжелые, поломали ноги, понабивали горбы. Так и остались они навсегда хромыми и горбатыми» (Богданович 1895, 129).

С.Ю.Неклюдов связывает указанный мотив с мифологической ситуацией пересечения рубежа: «Асимметрия есть попадание как в хтоническую зону, так и в пограничную область между жизнью и смертью… Особое значение кривизны среди прочих мотивов хтонической асимметрии, возможно, косвенно связано с повышенным значением зрительного аспекта… Этим, в частности, объясняется особая популярность образа циклопа в фольклоре разных народов» (Неклюдов 1979, 139). Часто представляются слепыми также пророки и провидцы (Тиресий), освободители народа (Самсон), праотцы (Яков, Исаак), вещие поэты (Гомер) (Пропп 1986, 75). По мысли В.Я.Проппа, понятие слепоты «могло бы привести к переносу отношения мира живых в мир мертвых: живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» (Там же 72), то есть слепота предполагает наличие особого зрения, свойственного существам, связанным с сакральным миром.

Приведенные здесь интерпретации мифологического мотива, по нашему мнению, представляют собой частные проявления закономерностей более общего порядка, прямо соотносящиеся с рядом архаичных представлений мифологического сознания, на которые указывают вышеназванные авторы. Так, уже упоминавшаяся нами вторичность искривлений нравственных по отношению к уродствам физическим носит регулярный и распространенный характер, причем наименования разных физических пороков могут быть представлены в виде лексико-семантических вариантов одной лексемы, например: рус. *кривой* ’одноглазый, слепой на один глаз’, ’хромой, колченогий’, ’перекошенный (о

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лице)’ (Д II, 193), бел. *крывы* ’хромой, безногий, кривоногий’, ’косой’ (Нос. 253; ТС 2, 241; СБГ 2, 540), укр. *кривий* ’хромой’, ’косой (о взгляде)’ (Гринч. I, 303), рус. *кривуля* ’кривой глазом’, ’кривобокий’, ’кривоногий’ (Д II, 144). Кроме того, перечень физических изъянов с элементом *крив-*, создающих внешнее представление о непропорциональности и асимметрии, можно продолжить за счет, например, *кривобедрый, кривобокий, кривобородый, кривобровый, кривобрюхий, кривоглазый, кривогорбый, кривогубый, кривозубый, криволапый, кривоногий, кривоносый, кривопалый, кривоплечий, кривопузый, криворотый, кривоскулый, кривотазый, кривоусый, кривоухий, кривошейный, кривощекий* и др. (Д II, 194). Поэтому вполне логичным представляется соединение всех уродств (моральных и физических) в облике демонического существа, наделение его комплексом вторичных по всему происхождению качеств, первоосновой которых была идея кривизны, нашедшая отражение в мифологических представлениях. Указанная связь проявляется в русских пословицах и поговорках, например: Ногами хром, а душою крив (Д II, 193). Бог прямит, да диавол кривит (Д III, 532) и др.

Таким образом, *кикимора* закономерно наследует универсальный отличительный признак демонических существ – асимметрию, непропорциональность форм, кривизну; этим же объясняются неотъемлемые черты кикиморы: кривой нос, глаз, клюка в руке (лапе). Характерно, что в народном календаре день святой Мариамны праведной (1 марта) назван днем Маремьяны Кикиморы «одноглазой, которая и есть ведическая Марена – Мара – Кикимора» (Русские Веды 1992, 337).

Показательна в этом отношении и сфера деятельности кикиморы. Характеризуя занятия кикиморы, нельзя не обратить внимания на факт причастности ее (его) к прядению, ткачеству, вязанию, плетению; символические функции этих процессов однородны и связаны с обрядовой значимостью нити, а с позиции мифологического содержания все это явления одного порядка, производные от изначального ’гнуть’, ’изогнутое, способное сгибаться’. Даже простое перечисление проказ кикиморы содержит указание на исходный мотивирующий признак: по ночам кикимора проказит с пряжей, веретеном, коробами, вьюшкой (СРНГ 13, 205), воробами (Д II, 107). В основе практических всех перечисленных наименований лежит указанный признак, например: рус. диал. *вороб* ’снаряд для размота пряжи’ (Д I, 242) входит в этимологическое гнездо с корнем *uer- – ’изгибаться’ (ср. рус. *верба* (Куркина 1980, 38), гибкость которой определила ее ритуальные функции; *вороба* ’извилистая черта’ (ЯОС 36);

веретено сохраняет полную этимологическую прозрачность в связи с *вертеть* (Трубачев 1966, 100);

костр. *вьюшка* ’моток ниток’, ’приспособление в виде деревянного или металлического цилиндра, вращающегося на оси, для наматывания ниток’ (ЯОС 62; Д I, 329) родственно *вить* (Преобр. I, 106);

короб ’гнутая, а иногда и плетеная укладка разного вида’ (Д II, 166) восходит к и.-е. *(s)ker- ’плести’ (Козлова 1986, 91);

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

пряжа – производное от *прясть* ’крутить нитку из волокна, тянуть, сучить нитку’ (Д III, 533) с этимологическим корнем *pręd-, родственным англос. sprindel ’силок, крючок’ (Фасм. III, 394).

Таким образом, можно сделать вывод о закономерности проявления мотивирующего признака кривизны при номинации указанного фантастического существа. В качестве доказательства данного положения можно привести и типологию производных значений от *кикимора*. Все они имеют сему ’характеристика человека по внешнему виду’, например: рус. прост. *кикимора* ’об уродливой или некрасиво одетой женщине’ (СРЯ II, 48), диал. (костр.) ’о хитром, настойчивом человеке невзрачной наружности’ (СРНГ 13, 205), ’некрасивая женщина’ (Васн. 105) (др. производные значения см. ЭССЯ 13, 261-262), бел. диал. *кікімора* ’некрасивая женщина’ (МДСГ IV, 229). Связь производного значения с мотивирующим признаком обнаруживается в бел. диал. *кікімора* ’обезьяна’ (Бяльк. 226) – ср. вторичную семантику рус. *обезьяна* ’об очень некрасивом человеке’ (СРЯ II, 527), бел. *малпа* ’то же’ (ТСБМ). Показательно, что аналогичные производные других номинаций сверхъестественных субъектов при семантическом переносе актуализируют семы ’деятельность соответствующего существа’, ’его настроенность по отношению к человеку’, например: рус. диал. (тамб.) *ляда* ’нечистый дух, черт’ (СРНГ 17, 261-262) → (влад.) *ляда* ’недоброжелатель’ (Оп. 108), ’лентяй, бесполезный человек’ (Д II, 286), рус. диал. *чертовка*, перм. *чертиха* ’шутовка, лопаста, русалка’ → ’злая баба’ (Д IV, 598); волог. *кумоха* ’злой дух’ → ’непоседа, егоза’ (СВГ К-М, 19); новг. *бука* ’черт, мифическое существо вообще’ → ’симб. ’о грозном, свирепом человеке’, вят. ’прозвище человека по какому-либо нравственному признаку’, новг., яросл. ’несмелый человек’ (СРНГ 3, 262); *бес* ’злобное, бесплотное существо, злой дух, демон’ → ’человек мстительный и злобный или же хитрый, лукавый, ловкий, изворотливый’ (Д I, 157); *мума* ’воображаемое мрачное существо, которым пугали детей’ → ’застенчивый, нелюдимый человек’ (Р 162).

Ряд производных номинаций сверхъестественных сил, имеющих четкую морфемную структуру, помимо словообразовательного значения обладают значением, не выраженным в структуре деривата. Это связано с тем, что значение таких лексем обусловлено мотивирующей базой, включающей не только семантику непосредственно производящего слова (основы), но и целый ряд представлений, ассоциаций мифологического характера. Например, семантическое восприятие бел. диал. *ломец* ’злая сила’ (ТС 3, 42) определяется его словообразовательной структурой (производное от основы глагола *ломать* + суффикс со значением лица), а также мифологическим представлением о возможности персонифицированного (субъективного) воплощения злого начала; аналогично значение бел. диал. *закутнік* ’сказочное существо’ (ТС 2, 103) мотивируется и словообразовательной структурой, и мифологемой *Кут, закут*.

В эту же группу можно включить рус. диал. (арх., олон.) *зыбочник* ’водяной и леший; нечистый’ (Д I, 697), арх., олон. ’леший, который живет в лесах и качается на деревьях’, волог., новг., пск. ’в Волог. губ. Пустую колыбель не оставляют открытой, чтобы не проник в нее полуденник или зыбочник и не стал бы пугать ребенка’ (СРНГ 13, 32). Связь с мотивирующей базой ’коле-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

баться’ обнаруживается и в толковании А.Н.Афанасьева: «Леший любит блуждать по лесу, вешаться и качаться на древесных ветвях, как в люльке, или на качелях, почему в некоторых губерниях ему дают название *зыбочник*» (Афанасьев 1982, 224). Следовательно, *зыбочник* связано отношениями словопроизводства с диал. словами: пск. *зыбать*, новг. *зыбать*, волог. *зыбить, зыблить, зыбнуть* ’колебать, качать, покачивать, колыхать’, *зыбиться* ’колебаться, качаться, колыхаться’, твер. *зыбаться* ’кланяться’ (Д I, 697), урал. *зыбнуться* ’дрожать, трястись’ (СРНГ 13, 32).

Первичная семантика ’колебаться, наклоняться’ нашла свое отражение в рус. диал. *шат, шатун* ’нечистый, злой дух, черт, шайтан’ (Д IV, 323), связанном с *шатать, шатнуть, шатывать, шатить* ’качать, колебать, трясти, наклонять’ (Там же). Впрочем, нельзя полностью исключить и воздействия вторичной глагольной семантики ’склоняться, таскаться, бродить без дела и нужды’ (Там же).

Характеризуя словообразовательную структуру рассматриваемых номинаций, можно предположить, что лексемы *закутнік*, *зыбочник*, а также перм. *тяжкун* ’некошный, нелегкий, недобрый, сатана, бес’ (Д IV, 455) могут мотивироваться соответствующими прилагательными (*закутный, зыбочный, тяжкой* (дух)) по весьма распространенной словообразовательной модели. Ср. также названия мифических существ, мотивированные представлениями о характере их воздействия на человека (*злой, недобрый, нелегкий, худой, тошная* (сила)) и о месте их обитания (*водяной, земельный, домовой, гуменной, овинный*) (Буслаев 1861, 196). Характерно, что в говорах зафиксированы субстантивированные вариантные формы адъектива *тяжкой*: *тяжкой* (дух), вост., сев. *тяжкая* (сила) ’злой, нечистый’ (Д IV, 455).

3.1.5. Лексика, связанная с древними магическими ритуалами

Исходная семантика ’гнуть, кривить’ свойственна определенной группе лексики, непосредственно связанной с древними магическими ритуалами. Характерно в этом отношении следующее замечание Ф.И.Буслаева: «Языковедение приводит нас к догадке даже о первоначальной форме молитвы… Даже у Нестора встречаем еще *кланяться* вместо *молиться*: «…и единого, по обычаю, наставшу вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья». Лавр. 82» (Буслаев 1848, 122). Следовательно, при регулярности такого семантического сдвига можно предположить вторичность семы ’колдовство’ на основе изначальной ’кривизна, изогнутость’.

Анализируя лексемы с названной семантикой, следует обратить внимание на своеобразие коннотативных характеристик. До сих пор все описанные нами модели семантических преобразований с исходной семантикой ’кривой’ имели четкую негативную маркированность. В данном случае такая маркированность либо отсутствует, либо затемняется. Наряду с позитивной семой может соседствовать и негативная, однако при этом нельзя не считаться с более поздним христианским влиянием, по вполне понятным причинам наиболее ощутимым в этой тематической группе.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

М.Маковский видит причину регулярности подобной семантической трансформации в ритуальном характере некоторых действий, в частности сгибания рук и ног жрецов: «…именно в связи с тем, что основу языческого культа составляло движение (в частности, сгибание ног и рук), а также разрывание, рассечение (Жрецы рвали на себе волосы, жертву закалывали и часто разрезали на куски, входившие в экстаз участники культового действа царапали себе лицо и наносили удары друг другу), основными понятиями, которые впоследствии легли в основу огромного числа индоевропейских слов (как конкретных, так и абстрактных) были «гнуть» и «резать» (Маковский 1989, 24). Логическая соотнесенность указанных магических действий, по-видимому, обосновывается и возможным генетическим тождеством многочисленных продолжений и.-е. *(s)ker- ’гнуть, крутить, вращать, плести’ и *(s)ker- ’резать’ (Трубачев 1976, 166).

Думается, что развитие вторичных значений с актуальной семой ’чародейство’ вызвано не только и не столько движениями жрецов, сколько представлениями об их деятельности как о чем-то необычном, отличном от общепринятого. По мнению Вяч.Вс.Иванова, В.Н.Топорова, «…в архаичной мифологической традиции отражены следы такого состояния, когда … *krivъ не обязательно имел только негативное значение. и внешнего мира и предполагающая косвенные способы воздействия на этот мир» (Иванов, Топоров 1983, 158).

Такой сферой была деятельность жрецов, волхвов, а позднее колдунов, чародеев и всевозможных магов. В пользу такого предположения можно привести свидетельства этнографов: «Случайным, простым колдуном прослыть Элементом *krivъ обозначалась некая вполне самостоятельная сфера, характеризующая отношение человека требуется очень и очень немного, например, иметь какой-нибудь бросающийся в глаза недостаток телесный или излишество, даже отдельный клок волос, случайно выросший на голове или на бороде» (Русский народ 206). «Суеверный народ… клеймит его (мужика) названием знахаря или колдуна, потому что никак не может верить, что бы простой мужик мог познакомиться с каким-либо знанием, кроме земледелия. Даже мельники у них почти все колдуны, потому что знакомы с ее (мельницы) устройством, скотники или скотницы, умеющие врачевать скот, – то же» (Там же 214). «Колдуном нетрудно было прослыть любому одинокому нелюдиму или же доброму мастеру (особенно травознаю, а также коновалу, кузнецу, мельнику, охотнику, рыбаку и др.» (Смирнов 1988, 52). Таким образом, знаком принадлежности к сакральной сфере было обладание чем-то особенным, своеобычным: внешностью, поведением, знанием, наконец.

Рассмотрим лексемы, в семемном составе которых обнаруживаются семы, имеющие отношение к колдовству: др.-рус. *пагубиица*, *пакубьница* ’чародейство, колдовство’, *пагубьникъ* ’колдун, чародей’ (Срезн. II, 857, 858).;

др.-рус., рус.-ц.-слав. *корение* ’волхвование’ (Срезн. I, 1286).

Продолжения праслав. *klęt-, исторически обнаруживающего родство с *kloniti (Немец 1986, 157-158), также были связаны с сакральной сферой, например: др.-рус., рус.-ц.-слав. *клzти* ’проклинать, бранить, осуждать’, ’за-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

клинать’ (Срезн. I, 1237; СРЯ XI-XVII вв. 7, 193), рус. *клясть* ’предавать проклятию, проклинать’ (СРЯ II, 62), кур. *клятбовать* ’заклинать или знахарить, напускать порчу’ (Д II, 124), ’колдовать’ (СРНГ 13, 335); бел. *клясці, клясць* ’проклинать’ (СБГ 2, 488); др.-рус., рус.-ц.-слав. *клятва* ’клятва, присяга’, ’проклятие’, ’заклятие’ (Срезн. I, 1235-1237), рус. *клятва* ’торжественное уверение в чем-либо, торжественное обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает’, устар. ’проклятие’ (СРЯ II, 62), урал. ’заклинание’ (СРГСУ II, 31; СРНГ 13, 35), смол. *клятьба* ’заклинание’ (СРНГ 13, 337), бел. диал. *клятба* ’проклятье’ (СБГ 2, 489), *клітба* ’проклятия’, ’клятва’, ’заклинание’ (Бяльк. 228); рус. *заклинать, заклясть* ’суеверно стремиться воздействовать на кого-, что-либо силой заклинаний’ (СРЯ I, 528), *заклинание* ’словесная формула, обычно сопровождавшаяся особыми действиями, которая, по суеверным представлениям, обладала магическими свойствами’ (Там же 527), уст. *заклятие* ’то же’, ’клятва, обет, зарок’ (Там же 528); волог. *запроклят* ’в суеверных представлениях – заколдован’ (СРНГ 10, 358), бел. *закляты* ’заколдованный’ (Нос. 171) и мн.др.

Значительное число производных, имеющих непосредственное отношение к магической сфере, этимологически связано с корнем *kob-: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кобь* ’гадание по птичьему полету или по встрече’, ’предзнаменование, колдовство’, ’счастье, удача’ (Срезн. I, 1240), рус. диал. стар. *кобь* ’ворожба’ (Д II, 126), ’волхвование, гадание по приметам и встречам’, перм. ’погань, скверность, гадость; все худое, зло’, ’гадание по полету птиц, кобцов и пустельги, которые особенно весной, прилетая, тянутся во множестве одним путем’ (Д II, 127), ’худое дело, зло’ (СРНГ 14, 23; Буслаев 1861, 195), а также производные: др.-рус. *кобьникъ* ’предсказатель, тот, кто гадает по полету птиц и по приметам’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 209), *кобение, кобиние, кобление* ’гадание’(Срезн. I, 1239); *кобильникъ, кобыльникъ* ’гадатель; тот, кто предсказывает что-либо по полету птиц, их крику и другим предзнаменованиям’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 208-209), рус. *кобник* ’гадатель, знахарь’ (Д II, 127), прибайк. *кобенник* ’колдун’: Кобенник хлеб заломит (СРНГ 13, 357), рус. стар. *кобение, кобление* ’гадание по полету птиц’ (Д II, 127), *кобить* ’ворожить’, *кобенить* ’напускать порчу, корчи’, *кобенить*(*ся*) ’о шаманских кривляниях’ (Там же 126), *прикобить* ’приворожить’ (Д III, 419).

Гипотетическое празначение славянского *kob-, по мысли О.Н.Трубачева, – ’то, что висит, подвешенное’ – подтверждается отмеченным в разных частях славянской территории обычаем «вешать на священное дерево предметы с целью предотвратить несчастье, вызвать выздоровление, обеспечить счастье в будущем, а также, чтобы узнать волю божества…» (Трубачев 1959, 139). Е.И.Тимошенко, описывая направления семантического развития славянского *(s)kob-, указывает на соотношение сем ’висеть’, ’зацепить, зацепиться’ с понятиями «гнуть, сгибать, искривлять» (Тимошенко 1992, 68), носителем которых и являлся корень *(s)kob- ’нечто согнутое, крюк, крюкообразное соединение’, продолжающий и.-е. *(s)ke(m)b- ’сгибать, искривлять’ (Варбот 1981, 34-35). Все указанные «магические» значения вторичны для данного корня (ЭССЯ 10, 101).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Следы исходной семантики обнаруживаются в рус. *кобенить* ’корчить’, *кобениться* ’выгибаться, корчиться’, *прикобенить* ’привязать’, *скобениться* ’съежиться’, *кобеня* ’крюк стенной для подвески’ (Д II, 126), влад. *закобенить* ’сильно согнуть, заломить’ (СРНГ 10, 137), олон. *закобянить* ’скрутить, свернуть’, ’привязать’ (Там же 138), влад. *искобенить* ’изогнуть’, волог., сиб., перм., урал. *искобениться* ’изогнуться, искривиться’, свердл. ’скрючиться, сгорбиться (от старости или болезни)’ (СРНГ 12, 216) и др.

Формирование вторичных сем, имеющих отношение к ритуальной практике, свойственно многочисленным, разнообразным в семантическом отношении производным, связанным с глаголом *kovati, продолжающим и.-е. *kou-, причем «кузнечное терминологическое значение ’ковать’ характерно исключительно для славянского, являясь его семантической инновацией, поскольку этого значения, в сущности, не обнаруживают другие и.-е. продолжения исходного *kou-» (ЭССЯ 12, 11). Семантический анализ производных лексем затрудняется сложнейшим переплетением в составе исходной семемы сем ’гнуть’, ’бить’ (кстати, часто соотносимых) (Трубачев 1966, 246-249) и ’огонь’, а также эволюцией мифологических воззрений, обусловленных фактами материальной культуры. Однако попытки обнаружить сему ’гнуть’ в семантике исходного *kou- могут оказаться небезуспешными при привлечении к анализу генетически родственных лексем, обладающих или прозрачной внутренней формой, или же надежной этимологией. В их числе отметим продолжения праслав. *kovylъ/*kovylь (ср. рус. *ковыль*, бел. *кавыль* ’травянистое степное растение семейства злаков, с длинными остями, покрытыми у некоторых видов пушистыми волосками’ (СРЯ II, 65; ТСБМ 2, 571)), отглагольного производного с суффиксом –ylь от *kovati, как *motylь от *motati, с первичным значением ’гнущаяся, своеобразно качающаяся трава’ (ЭССЯ 12, 15-16).

Такая же словообразовательная структура характерна для рус. диал. *ковыль* ’хромой’ (Кул. 38), ’прозвище человека, который ходит ковыляющей походкой’ (СРНГ 14, 37), ’поклон’ (Д II, 129) (ЭССЯ 12, 15-16). Аналогичны производные с суффиксом -el- от глагола *kovati, восходящие к праслав. *kovelь/*kovela (ЭССЯ 12, 11-12): рус. смол. *ковела* ’хромой человек’ (СРНГ 14, 28), бел. *кавяла* ’самодельный деревянный протез для ноги’ (ТСБМ 2, 572); продолжения праслав. *kovyl’ati(sę), формально этимологически родственного *kovylь, хотя, по мнению авторов ЭССЯ, соотносящегося в качестве глагольного интенсива с *kovati (ЭССЯ 12, 15): рус. разг. *ковылять* ’идти хромая, припадая на ногу или вперевалку’ (СРЯ II, 65-66), диал. (вят.) ’идти медленно, сгорбившись’, новг. ’сгибать, гнуть, наклонять’, ’сгибаться, наклоняться’, зап., южн. ’жить кое-как, с трудом’ (СРНГ 14, 37-38), *кувыляться* ’кувыркаться через голову’ (М 98), бел. диал. *ківіляцца* ’качаться, шататься’ (ТС 2, 190), ср. с тем же корнем рус. новг. *ковылина, ковылюга* ’извилина, кривулина’, ’ковыляла’ (Д II, 129).

Ряд этимологически родственных лексем, восходящих к корню *kōu- и проявляющих сему кривизны, изогнутости, продолжают дериваты, связанные с праслав. *kavyka с первоначальной семантикой ’крюк’ (Куркина 1971, 94; Куркина 1973, 79): др.-рус., рус.-ц.-слав. *кавычька* ’крюковой знак’ (Срезн. I, 1171),

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

рус. прост. *кавычка* ’замысловатый завиток, крючок (при письме)’ (СРЯ II, 12), прост. *закавычка*, разг. *закавычка* ’замысловатый завиток, крючок (в письменных знаках); закорючка’, ’препятствие, помеха, задержка’, ’хитрость, лукавство, хитрый намек’ (СРЯ I, 524), ср. также *кавыкать, кувыкать* ’хромать, прихрамывать, ковылять’, ’плестись, тащиться кое-как’, ’жить с горем пополам’ (Д II, 71).

Таким образом, можно предположить присутствие семы ’гнуть’ в составе исходного *kou-, обусловившее закономерное развитие вторичной семантики в славянских реализациях данного корня. В связи с этим кажется логичным существование среди них лексем, имеющих непосредственное отношение к колдовству, причем Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, отмечая значения ремесленного производства для русского материала, например: «русск. *кузло* ’кузнечная работа’, ’ковка’, ’кузнечный горн’», – противопоставляют им «западнославянские термины для обозначения ’колдовства’, ’чар’: чеш. kouzlo, kouzlomoc ’колдовская сила’, kouzliti ’колдовать’, ’ворожить’, ’очаровывать’, ср. okouzliti ’зачаровывать (в частности, словом)’» и мн.др. (Иванов, Топоров 1974, 159; см. также ЭССЯ 13, 142-144). Западнославянские лексемы можно дополнить семантически близким восточнославянским материалом, например: бел. диал. *кузла* ’закрутка из колосьев на ниве, сделанная с целью колдовства’ (СБГ 2, 558-559), рус.-ц.-слав. *кузньць* ’кузнец’, ’колдун, чародей; странствующий актер’ (СРЯ XI-XVII вв. 8, 109; Срезн. I, 1360), рус. ряз. *кавник* ’колдун, знахарь, шептун, ворожея’ (Д II, 71), ’колдун’ (СРНГ 12, 293) (ЭССЯ 12, 17-18).

Некоторые рефлексы корня *kou- обнаруживают способность к приобретению негативных коннотаций, отражающую, по всей видимости, результат христианского отношения к магической практике. Следы такого влияния, очевидно, проявляются в семантике др.-рус., рус.-ц.-слав. *ковати* ’злоумышлять’ (Срезн. I, 1241), укр. *кувати речі недобрії* ’злословить’, *кувати лихо* ’причинять зло, вред’ (Гринч. 2, 318); др.-рус., рус.-ц.-слав. *ковьникъ* ’замышляющий зло’ (Срезн. I, 1244), *ковъ* ’злой умысел, злое ухищрение’ (Там же 1243), рус. устар. книжн. *ковы* ’тайные коварные умыслы, козни’ (СРЯ II, 65) – ср. ремесленное значение слова: рус. *ков* ’знак от удара молотком’, ’накованные на жерновах бороздки’ (Д II, 128), бел. *ковы* ’оковы’ (Б.-Н. 148).

Аналогично др.-рус., рус.-ц.-слав. *коварьствовати* ’злоумышлять’ (Срезн. I, 1241), рус. *коварствовать* ’поступать коварно, лукаво и зло, строить ковы и козни, крамолы’ (Д II, 127), *ковостроитель, -ица* ’коварный, замышляющий зло человек’ (Там же 128), др.-рус., рус.-ц.-слав. *ковары* ’козни’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 213) – ср. словен. kovár ’кузнец’, ’зачинщик, злоумышленник’ (ЭССЯ 12, 8-9).

Следует отметить, что для рефлексов праслав. *kovarъ, как и для других продолжений *kou-, характерно сосуществование в рамках одной лексемы и позитивных, и негативных лексико-семантических вариантов, например: др.-рус., рус.-ц.-слав. *коварьныи* ’мудрый, благоразумный’, ’искусный’, ’хитрый, лукавый’ (Срезн. I, 1241), рус. диал. *коварный* ’ладный, красивый’, ’образованный’ (СРНГ 14, 27), др.-рус., рус.-ц.-слав. *коварьство* ’мудрость’, ’умение,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

искусство; ловкость’, ’нрав, умение вести себя’, ’лукавство, коварство’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 212) и др.

В связи с этим возникает вопрос об истоках формирования энантиосемичных значений и направлениях дальнейшего семантического развития. Можно предположить, что на основе исходного ’гнуть’ (с учетом диффузности семантики) возникает специализированное значение кузнечного ремесла (см. чеш. kovářstvo ’артель кузнецов’ и др. (ЭССЯ 12, 9-10)), которое, в свою очередь, обеспечило появление в семантической структуре новых сем: ’опыт’ (ср. рус. влад., твер. *коваль* ’хороший мастер, знаток своего дела’ (СРНГ 14, 25; СРДГ II, 65; СРГНО 225; Эл. 158), ’бывалый, ловкий или тертый, опытный человек’ (Д II, 128)) и на ее основе ’мудрость’, ’хитрость’.

Аналогию подобной семантической трансформации можно выявить в составе др.-рус., рус.-ц.-слав. *хытрыи*, *хитрыи* ’искусный’, ’искусно сделанный’, ’творческий’, ’знающий’, в роли сущ. ’художник’, ’ученый’, ’мудрый’, ’разумный’, ’хитрый, ловкий’, ’замысловатый’, ’благопристойный’ (Срезн. III, 1430-1431), *хытрокъзникъ*, *хытрокозникъ*, *хытрокъзньць*, *хытрокозньць* ’искусный художник’ (Срезн. III, 1428).

В связи с этим интересны афоризмы французского писателя XVII в. Жана де Лабрюйера, косвенно подтверждающие возможность подобного семантического сдвига: «Хитрость – качество не слишком предосудительное, это нечто среднее между пороком и добродетелью; почти нет случаев, где ее не могло и не должно было бы заменить благоразумие» или «От хитрости до плутовства – один шаг, переход от первой ко второму очень легок: стоит прибавить к хитрости ложь, и получится плутовство» (Жемчужины мысли 1987, 214).

Действительно, помимо сем ’опыт’, ’мудрость’, ’хитрость’ в структуре понятия *коварство* развиваются сопряженные с ними: ’умение достигать своей цели, нередко обманом’, ’лукавство’, ’коварство’. Именно в этом звене отмечается отрицательно окрашенный мотив, появление которого обусловлено несколькими причинами: во-первых, воздействием ассоциаций, вызванных принадлежностью этой группы лексики к сакральной сфере, связанной с ритуальной деятельностью жрецов-кузнецов, а следовательно, подвергшейся христианскому переосмыслению; во-вторых, объективно существующей в языке закономерностью формирования семантики ’лукавый’, ’лживый’, ’злонамеренный’ на базе исходной ’гнутый, кривой’. В этом отношении примечательно мнение Ф.И.Буслаева: «Злой применяем к понятиям нравственным, а в областных говорах это слово имеет смысл старательного, предприимчивого, ловкого, способного, искусного, острого, умного: по такому же сочетанию понятий в древнем языке слово *хитрый* имело смысл умного, а не коварного, как теперь. Знаменательна в языке эта связь понятий умного и злого, согласныя с сказочными преданиями о трех братьях, из которых двое умны, но злы, а меньшой глуп, зато добр и за доброту награжден счастьем…» (Буслаев 1861, 168).

С течением времени продолжения праслав. *kovarъ претерпели семантическую эволюцию, в ходе которой положительные семы и актуализировали негативные, например: *коварный* ’скрывающий под показной доброжелатель-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ностью злой умысел; вероломный', 'таящий в себе неожиданную неприятность, беду, опасность', *коварство* 'склонность к коварным умыслам, поступкам', 'коварный замысел, поступок' (СРЯ II, 64-65), *коварник, коварница* 'коварный человек' (Д II, 127) и др.

Аналогичный путь семантического развития характерен для рефлексов праслав. *kъznь, этимологически тождественного *kuznь (ЭССЯ 13, 249) (см. др.-рус. *кузнь* 'все кованое, кованые сосуды, украшения, оклады у икон' (Срезн. II, 1359-1360), рус. стар. *кузнь* 'вещи холодной ковки, утварь, посуда, оклады и пр.' (Д II, 212)). К ним относятся др.-рус., рус.-ц.-слав. *къзнь, кознь* 'занятие, ремесло; мастерство, искусство', 'ухищрение, хитрость' (СРЯ XI-XVII вв. 7, 227), рус. *козни*, редко *кознь* 'тайные, злые, коварные умыслы' (СРЯ II, 69).

При анализе производных с корнем *kou- выявляется характерное для них сближение терминов кузнечного ремесла с лексикой искусства, например: др.-рус., рус.-ц.-слав. *кузньць* 'странствующий актер' (СРЯ XI-XVII вв. 8, 109), *къзнь* 'искусство' (Срезн. I, 1389-1390), ст.-слав. *къзнь* 'искусство, художество' (ЭССЯ 13, 249) и др. Думается, подобные семантические переносы были обусловлены не только актуализацией семы 'степень овладения ремеслом', отразившейся в существующей оппозиции *ремесло* 'работа по шаблону, без творческой инициативы; ремесленничество' и *искусство* 'творческая деятельность'. Семантическая связь в данном случае гораздо сложнее и во многом мотивирована мифологическими взглядами на социальные функции кузнеца. «С точки зрения представлений о социальных функциях, отраженных в самой структуре индоевропейских пантеонов, существенна выделенность особой группы кузнецов, сочетавших жреческие, поэтические функции с собственно технологическими, еще не отделившимися от ритуально-магической практики» (Иванов, Топоров 1974, 163). Действительно, Бог-кузнец, затем жрец-кузнец занят выковыванием, ковкой ритуальных предметов, к числу которых относится слово, речь, стих (Мифы народов мира 2, 21). Следы этого мифологического представления отразились во вторичной семантике рус. отглагольного прилагательного *кованый* 'четкий, выразительный, чеканный (о стихе, стиле и т.п.)' (СРЯ II, 64), ряде фразеологизмов и сказочных сюжетов (Иванов, Топоров 1974, 162).

Предположение о закономерности связи обозначений ремесла и искусства, в том числе колдовского, не противоречит системе представлений о кривом, изогнутом как о чем-то особенном, отличном от обыденного, что вполне логично ассоциируется со сферой магической деятельности, тем более с трудом жрецов-кузнецов в силу их причастности к огню, а значит, к особому знанию, дарованному свыше. Указанная семантическая соотнесенность мотивов кривизны с чародейством, а через него – с искусством подтверждается базовым понятием рассматриваемой оппозиции *krivъ.

Возможность интерпретировать *krivъ как 'нестандартный; отличный от обыденного', а значит, 'связанный с жреческой практикой и магической функцией' может стать дополнительным аргументом в вопросе о происхождении этнонима *кривичи*, по одной из версий, связанного с родовым именем krivъ (Крив), которое вполне можно истолковать как 'жрец, прорицатель' (см. литов-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ское наименование верховного жреца *Криве* (Мифы народов мира 2, 15)) и в то же время ’глава общности, вождь’, поскольку в сознании древних личность вождя воплощала «одновременно и силы человеческой общности и ее «связь» с духовными силами» и считалась посредником между общностью и духом (Попович 1975, 207). Это мнение подтверждается как ходом наших предыдущих рассуждений, так и возможностью существования подобного имени, о чем свидетельствует прозвище полоцкого князя (XI в.) Всеслава Чародея, где второе имя князя-христианина вполне может быть данью языческой традиции.

3.2. ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕНОСНОЙ СЕМАНТИКИ АДЪЕКТИВОВ ***ПРАВЫЙ*** И ***ЛЕВЫЙ***

Оппозицию *правый – левый* можно отнести к числу наиболее распространенных языковых, мифологических, фольклорных и ментальных универсалий, соотносящихся с другими бинарными оппозициями типа *прямой – кривой, мужской – женский, четный – нечетный* и др. Основной особенностью всех систем двоичных противопоставлений является четкое различение по эмоциональной окраске: положительности-отрицательности. «Но последние исследования в области функциональной асимметрии полушарий ведут к выводу, согласно которому выключение (инактивация) «доминантного» полушария приводит к резко выраженным отрицательным эмоциям, и обратно: выключение правого полушария ведет к положительным эмоциям. Поэтому можно представить себе, что двухполюсная система оппозиций, окрашенных эмоционально, «встроена» в самую организацию головного мозга» (Иванов 107). Действительно, «во всех ранних человеческих обществах различие правой и левой руки входило в систему двоичных противоположностей, определявших строение обрядов и мифов» (Там же 6). Закономерность такой логико-философской, мифологической и физиологической оппозиционной связи подтверждается языковыми фактами, в первую очередь, эволюцией семантики базовых пространственных терминов *правый* и *левый*. В современном русском языке прилагательные *правый* и *левый* имеют основное значение ’расположенный в той стороне тела, которая противоположна левой (соответственно правой)’. Это значение квалифицируется как «простое», то есть, по мысли Ф.Джонсона-Лэрда, «…значение базовых пространственных терминов «правый» и «левый» не может быть описано в виде стандартной словарной статьи, в которой оно было бы разложено на элементы, поскольку определить эти слова в более элементарных терминах невозможно. Однако тот факт, что они неопределяемы, не означает, что они элементарны» (Проскурин 45). Тем не менее с точки зрения современного языкового сознания пространственные значения указанных прилагательных, в самом деле, элементарны, в словарных дефинициях подаются одно посредством другого и считаются главными, а поэтому исходными. Остальные же значения вторичны: *правый* (бел. *правы*) ’враждебный передовым течениям в политической и общественной жизни…; консервативный, реакционный’, ’враждебный политике партии внутри самой партии’ (СРЯ Ш, 355-356; ТСБМ 4, 310). Такой подход к толкованию семанти-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ческой структуры этого прилагательного отражен, например, в учебном пособии Л.А.Новикова «Семантика русского языка», где соответствующий адъектив интерпретируется как факт «цепочечной полисемии, при которой каждое значение непосредственно связано только с ближайшими значениями (т.е. вытекает из предшествующего и мотивирует последующее)…» (Новиков 205).

Прилагательное *левый* также многозначно, и помимо основного, пространственного значения ему присущи следующие: ’политически радикальный или более радикальный, чем другие…’ с оттенком значения (в роли сущ.) ’о людях’; ’мнимо радикальный, прикрывающий революционной фразой оппортунистическую, соглашательскую сущность’, наконец, просторечное ’побочный и незаконный (о работе, заработке)’ (СРЯ П, 167; ТСБМ 3, 28).

Как видно, последний лексико-семантический вариант нарушает не только цепочечную полисемичную структуру адъектива, но и, казалось бы, закономерно свойственный параллелизм противоположных семантических структур пространственных терминов. Более того, он не обнаруживает непосредственной связи с лексемой в базовом значении, а его семемный состав, скорее, находит соответствие в более широком по семантическому объему, противоположном по направленности омониме пространственного прилагательного *правый*: ’ни в чем не виновный, не имеющий за собой вины, проступка’, ’правильно говорящий, думающий или поступающий, не совершивший ошибки’, ’заключающий в себе правду; справедливый’ (СРЯ Ш, 356; ТСБМ 4, 310). Такая связь не является случайной, поскольку этот омоним образовался в результате разрыва первоначально единой семантики многозначного слова, что подтверждается семантической структурой древнерусской лексемы *правыи*: ’прямой’, ’правильный, верный’, ’достоверный’, ’настоящий’, ’истинный’, ’согласный с православным вероучением’, ’неизменный, верный’, ’твердый’, ’искренний’, ’чистый, непорочный’, ’праведный’, ’святой’, ’справедливый’, ’правый, невиновный’, ’относящийся к определению прав’, ’относящийся к судебному рассмотрению’, ’правый в противоположность левому, десной’ (Срезн. П, 1352-1354), основные семы которой, по нашему мнению, можно сгруппировать следующим образом: ’прямой’, ’правильный, верный’ с многочисленными производными семами морально-нравственной и связанной с ними юридической ориентации и ’правый в противоположность левому’. Такой семантический объем был свойствен единой праслав. лексеме **pravъ* (Толстой 1965, 139), забвение исходных семантических связей которой вызвало обособленность отдельных значений, приведшую к формированию трех самостоятельных омонимичных лексем: *правый* ’противоположный левому’, *правый* ’правильный, справедливый’, *правый* ’прямой’; причем первые две являются общеупотребительными в русском и белорусском языках. По данным лингвистов, ареал же распространения *правый* ’прямой’ не выходит за рамки южнославянских языков. Правда, Н.И.Толстой не ограничивается южнославянским материалом (ср. с.-хорв. *прави́ угао* ’прямой угол’, *право дрво* ’прямое дерево’, болг. *прав ъгъл, право дърво*; словен. *pravi kot, pravo drevo*), расширяя ареальные сведения за счет словацкого (ср. словацк. лит. *pravý uhol* и украинского диалектного (ср. *праве дерево* ’прямое дерево’) (Толстой 140). Пространственная характеристи-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ка семемы ’прямой’, выраженной лексемой *pravъ*, может быть уточнена при учете бел. и рус. диалектного материала, например: *праву́* ’прамы’: Солома права́, шо одрыны крылі. Молодзік правы, то негода будзе. Рэка не права́я, е закруты (ТС 4, 212); *пра́вы* ’драўніна (дуб, бяроза і інш.), у якой прамыя, нязвітыя валокны, роўна расколваецца’: Вельмі пра́ваго дуба трэба (Янк. 150), рус. *правый* ’прямой, противоположн. кривой, косой’, *правая дорога* ’прямая’ (Д Ш, 377), функционирующего наряду с пространственным термином (Там же).

Сема ’прямой’ проявляется также в довольно большой группе дериватов с исходным корнем **pravъ*-: др.русск., русск. цслав. *прави́ло* ’прямизна’ (Срезн. П, 1343), *правыни, правыня* ’прямизна, прямой путь’ (Там же 1354), *правÛ* ’прямо, не наклонно, стоймя’ (Там же 1362), *исправити* ’сделать прямым, выпрямить, исправить, исполнить, выполнить, завершить’ (СРЯ XI-XVII вв. 6, 288-289), *исправление*: *нÛсть бо и пр.тУ кривУ тьрпÛти напрасна исправления*. Гр. наз. XI в. (Срезн. I, 1134); рус. диал. *править, правлять* ’прямить, выпрямлять, делать правее, прямее’, *править дорогу* ’перекладывать прямее или ровнять, чинить’, *пра́вить ствол на струну* ’прямить’, *пра́вить кирпич* ’прямить и ровнять его, покуда он сыр, когда повело его при сушке’; *прави́ло*(у плотников и каменщиков) ’прямая доска со стойкой и отвесом’, *прави́льце* ’писчая линейка, прямильце’, *правоте́(о́)чный* ’прямотечный’ (Д Ш, 378-380), *прави́ло* (СРЯ Ш, 352); бел. диал. *правíла* ’тоўстая жэрдка, што злучае перадок (лесавозных) калёс з задняй часткай’ (Бяльк. 337), *правíло, правыло* ’то же’, ’апошняе бервяно ў зрубе’ (ДСБ 181), *правíлéц* ’прамое, роўнае дрэва’: Ой правілец та хвоя, вона з небом говорыць! (ТС 4, 211), *правíна́* ’прамізна’: Моя баба була правіна, а ўжэ круком ходзіць’, *правíца* ’прамая салома’, нареч. *право* ’прама’: Дзеду, дзеду, сядзь право, не гніса!; *праве́нько*: Боронуй, шоб правенько було! (ТС 4, 212); *наўправік* ’прама, проста’: Прышоў ранок, тут мне погінуць, ногі наўпровік поставіло’ (ср. производное наречие *наўпрамік* ’напрамкі, напрасткі’ с параллельной словообразовательной структурой) (ТС 3, 169); укр. *прави́ця* ’немятая, ровная солома’ (Гринч. 3, 399-400), нар. *право* ’прямо’ (Там же, 400), *правце́м поставити* выпрямить, не давать согнуться’ (Там же, 401), *прави́ло* ’в деревянной стене: бревно, идущее право (прямо) от угла до угла, не прерываемое окнами или дверями’ (Там же, 399);

рус. *выправить* ’расправить что-либо искривившееся, согнутое, помятое’: Выправить согнувшийся гвоздь; *выправиться* ’стать прямым, принять правильное положение (о чем-либо искривившемся, накренившемся и т.п.): Дерево выправилось; *выправка* ’осанка, манера держаться прямо’: Военная выправка (СРЯ I, 272), бел. *выправіць* ’выраўняць, выпрастаць’, *вупраўляць* ’выпростваць, разгінаць’ (ТС I, 170), *выправляць* ’то же’ (Нос. 91); укр. *ви́пра́ва* ’выпрямление, исправление’ (Гринч. I, 178-179), *виправлятися, ви́правитися* ’выпрямляться, выпрямиться’ (Гринч. I, 179); рус. *справливать, справить, справлять* ’прямить’ (Д IV, 298).

Восходящие к глубокой древности «различия в исходных значениях славянских слов с корнем *прав-* … представляют собой один из примеров диалектной дробности праславянского языка» (Цейтлин 64). Несмотря на то что

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

проблема семантических отношений прилагательных *правый – левый* неоднократно была предметом рассмотрения, однако до настоящего времени остается нерешенным вопрос об эволюции и иерархии сем в семемном составе некогда единого **pravъ*: ’правый, противоположный левому’, ’правильный, справедливый’, ’прямой’.

По мнению Я.Гримма, в основе семантической эволюции лежит «…одно понятие, чье смысловое происхождение по существу полностью обязано переходу от естественного к отвлеченному. Представления о правом и левом распространяются с тела человека, его строения на окружающее пространство», что дало основание С.Г.Проскурину заключить: «Координата «правое» – «левое» является одной из базовых основ связи пространства и тела в большинстве культурных традиций» (ВЯ 1990 № 5. С.40).

Значимость асимметрии полушарий головного мозга в антропогенезе была подчеркнута Вяч.Вс.Ивановым: «Одно из полушарий мозга, управляющее звуковой речью, по своему происхождению оказывается более молодым, чем полушарие, связанное с передачей информации посредством зрительных и пространственных образов. Время появления звукового языка, развитие особых функций соответствующего полушария (обычно левого) и управляемой этим же полушарием основной руки (обычно правой) определяет важнейший рубеж в эволюции человека» (Иванов 6). Интересно, что в связи с открытием межполушарной функциональной асимметрии мозга стала четко осознаваться специализация «правополушарного» и «левополушарного» мышления. «Слова или образы на основе левополушарной стратегии организуются так, что создается однозначный контекст… Отличительная особенность правополушарной стратегии – формирование многозначного контекста, необходимого для целостного постижения мира со всеми его основными элементами и скрытыми отношениями» (Петров 103).

Действительно, асимметрия полушарий головного мозга человека с преобладанием доминации левого полушария и, соответственно, правой руки – явление бесспорное. Именно на основании факта асимметрии мозга, а также неразложимости на семы, «элементарности» пространственных терминов *правый – левый* некоторые исследователи квалифицируют данное значение как первоначальное, генетическое.

При определении пространственного значения как исходного, комплекс значений ’правильный, справедливый’ следует признать вторичным, мотивированным понятием правой руки, соответственно, стороны. Такая точка зрения существует. «Содержательная мотивированность наименования правой руки как превосходящей левую сводится, естественно, к различению рук человека, которые в норме характеризуются физиологическим различием способностей. Правая рука воспринимается как наиболее активная, функционально основная, с которой естественным образом связывается понятие «положительного» и «благоприятного» в противоположность более пассивной левой руке, уступающей правой во всех основных функциях» (Гамкрелидзе, Иванов 785). Таким образом, «значимость семиотической оппозиции «левый» – «правый» обосновывается семантической мотивировкой левой руки как пассивной по отноше-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

нию к правой, активной. Ср.: в гомеровском эпосе правая рука описывается как агрессивная рука, направляющая копье, левая – как защищающаяся, держащая щит… Мотивированность левой руки как «защищающейся» ассоциируется также с женским началом, когда «сильной» правой – с мужским» (Проскурин//Слово, предл. 70-71).

Итак, функциональная значимость правой руки является причиной возникновения представления о правой руке как более удобной, активной, лучшей, в силу чего у лексемы **pravъ* развиваются значения ’благоприятный’, ’хороший’, ’справедливый’, ’истинный’ и т.п.; пассивная же функция левой руки обеспечивает в конечном итоге развитие антонимичных значений. При таком взгляде на проблему «надфизиологическая культура (в данном случае представления о внешнем мире, Вселенной и специально о пространстве) в своих истоках оказывается мотивированной физиологическим аспектом человеческой жизни, «конкретно телом как «малым миром» (Топоров//ВЯ 1990 № 5).

Что же касается значения ’прямой’, то «ареал семемы ’прямой’, выраженной лексемой **pravъ*, … свидетельствует о том, что ее закрепление за семемой ’правый’ явилось в праславянском языке инновацией, по отношению к индоевропейскому состоянию, инновацией, вытеснившей в части праславянских диалектов более древнее **desьnъ*…» (Толстой 1965, 140).

Подводя итог описанным семантическим гипотезам относительно иерархии значений праславянского **pravъ*, отметим, что, следуя изложенным взглядам авторитетных лингвистов, семантика лексемы **pravъ* должна быть квалифицирована как случай радиальной полисемии с исходным пространственным значением:

’правый, противоположный левому’

↓ ↓

диффузное, положительно окрашенное значение ’правильный, справедливый’ и т.п. — ’прямой’

Однако такое решение проблемы вызывает некоторые сомнения. Во-первых, факт изначальной праворукости людей неоднократно ставился под сомнение, например: «Как кажется, во многих случаях билатеральность для первобытного человека должна была быть более предпочтительна. Равновесие обеих рук при лазании по деревьям должно было быть более ценным, чем постоянная неловкость одной из них. К тому же было гораздо удобнее держать в каждой руке по камню, чем лишь один в одной руке, пусть более тяжелый. То, что мы не можем одновременно делать два разных дела, является не столько следствием нашей односторонности, сколько результатом потери двусторонности: как бы быстро ни сменялись ментальные процессы, в каждый момент они единичны» (Михайлова 19). Неправомерность предпочтения одной руки другой, уже применительно к современному человеку, отмечалась и Платоном, который в седьмой книге своих «Законов» писал: «Считают, будто правая и левая рука у нас от природы употребляются для различных действий. Между

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

тем ясно, что ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле работы. Что же касается рук, то здесь каждый из нас может стать калекой по неразумению кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравновесила те и другие конечности, и уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом» (Михайлова 53).

Если учесть, что при опорно-двигательной функции обе руки равнозначны, а функциональные отличия проявляются лишь при трудовых операциях, то возникает гипотеза о достаточно поздней трансформации билатеральности в праворукость.

Во-вторых, закрепившемуся представлению о несомненной важности разграничения правого и левого можно предъявить вопрос о степени значимости такого различия. Ведь очевидно, что процесс пространственной ориентации, «коренящейся во вроде бы объективных нейрофизиологических различиях правой и левой рук человека и, вследствие этого, как кажется, универсальный для всех народов как в территориальном, так и в социальном плане, неожиданно оказывается в известном противоречии с довольно широко распространенной неспособностью (или затрудненностью) различать правую и левую стороны. Якобы чисто физиологическая оппозиция, в отличие от оппозиций *верх – низ, перед – зад* и др., оказывается в недостаточной степени обусловленной реальностью и как бы навязанной (Михайлова 58).

Действительно, элементы такого навязывания остаются до сих пор в виде семейного сознательного воспитания праворукости.

Таким образом, следует признать, что понятия *правый* и *левый* «в психическом развитии человека и прочное их утверждение в сознании и в практической деятельности, способность оперировать ими при столкновении с элементами окружающего мира, возникает довольно поздно. Правая (resp. левая) рука служила всегда важнейшим вспомогательным звеном при ориентации, но и отличение правой руки от левой – довольно сложный акт» (Толстой 1965, 139), в силу недостаточной обусловленности реальностью. Нельзя не согласиться с мнением Джона Лайонза: «С лингвистической точки зрения симметричному измерению «правое» – «левое» следует отвести третью позицию, так как эта координата является «менее выдающейся» по сравнению с измерениями «верх» – «низ», «перед» – «спина» (Проскурин 1990, 44).

На основании изложенного представляется сомнительной семантическая трансформация ’правый’ → ’правильный, хороший, благоприятный и т.п.’. Вероятнее, существование обратного направления семантического развития ’правильный’ → ’правый’, что, несмотря на парадоксальность, подтверждается включением противопоставления *правый – левый* в систему бинарных оппозиций.

Примеров положительных коннотаций, которыми в фольклорно-мифологической традиции обладает правая рука (сторона) и соответственно негативных ассоциаций, возникающих на основе представлений о левой руке (стороне) (Мифы народов мира П, 43-44), можно привести довольно много. «В Библии правая сторона рассматривается как сторона защищающая, это то место, которое будет местом избранных во время Страшного Суда, проклятые

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

попадут на левую; левая – это направление ада, правая – рая» (Проскурин 1990, 40). Ср. у В.И.Даля: «На Суде Божьем право пойдет направо, а криво налево» (Д. П, 193).

Религиозная мотивация связи правой-левой стороны и соответствующей оценки наблюдается также в следующих контекстах: «Искуситель … неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта» (Байбурин, Топоров 29) или : «Никогда не плюй на правый бок, на правую сторону (потому что ангел-хранитель при правом боке, а дьявол при левом; на него и плюй)» (Там же). Отсюда обычай, восходящий к приемам охранительной магии, – плюнуть через левое плечо. Такова же природа примет, подтверждающих связь правой стороны с положительными ассоциациями, левой – отрицательными, например: «правая ладонь зудит – получать, левая – к убытку», «левый глаз к слезам свербит, правый – на любого (т.е. милого) глядеть», «правая бровь чешется – к свиданию с другом, левая – с лицемером», «правая бровь свербит – хвалят, левая – бранят», «в правом ухе звенит – добрый помин, в левом – худой» (Иванов, Топоров 1965, 94). «Кто увидит новую луну с *правой* стороны, тот, по старым русским поверьям, будет в течение месяца получать доход; *прямо*, ни то, ни сё, а *слева* – расход» (Русский народ 270-271).

Ассоциации, связанные с оценкой правой-левой стороны, отражаются в ряде обычаев и обрядов. Так, почетное место за столом – *справа* от хозяина (Высл. 106, 452).

Невеста в день свадьбы опоясывается по голому телу лыком, под пазуху *правой* руки кладет понемногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кренделя или три пряничка (Русский народ 136).

«Молодая должна разувать молодого в первую ночь свадьбы, и у него под пятой *правой* ноги всегда бывало несколько медных денег, а в *левом* сапоге плетка … ежели она по своей оплошности, застенчивости или робости хваталась за левую ногу, то молодой, вынув из сапога плетку, хлестал ее. Но если она бралась за правую ногу, то деньги, которые были в сапоге, она брала себе» (Там же, 161).

«В то же время, когда все уедут на водосвятие в день Богоявления Господня, девушка берет веник или лопату и начинает мести комнату; каждый раз, взмахнув *направо*, она произносит молитву, а взмахнув *налево*, при каждом разе поминает ругательство с именем нечистой силы. После того делает черту углем посредине пола и становится *направо*, то есть на место, отметенное с молитвою» (Там же).

Негативная оценка левой стороны своеобразно отражается в ее связи с «низшим миром». По фольклорным данным, леший сидит на пне, положив левую ногу сверху правой, а у домового свита застегнута слева направо. «При встрече с волком отходят в правую сторону (считается, что волк пойдет в левую)» (Гура 110).

По этой причине мотив *левой* стороны проявляется в гаданиях. Например, при гадании башмаком девушки снимают башмаки с левой ноги и броса-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ют их за ворота, наблюдая при этом, куда башмак ляжет носком (Русский народ 18). Ср. в связи с этим белорусские ругательства: «Бот ты з левае нагі! (Высл. 245), дурны як бот з левай нагі (Высл. 316), а также высказывания типа: «Левой ногой с постели ступил» (Посл. 108), «Перахрысціўся леваю рукою» (Высл. 95).

Характерно, что запретные приемы зловредной магии связаны с действиями левой рукой (к примеру, колдун делает залом на поле левой рукой), в то время как приемы продуцирующей, лечебной магии – с правой. Так, «паводле звычаю, жняя перад зажынкамі, каб не балела спіна ў час жніва, павінна была выжаць дзве жмені збажыны і, паклаўшы накрыж, пасядзець на іх або, як першы раз загрыміць гром, прыціснуцца спіной да дрэва ці сагнуцца і *правай* рукой цераз спіну кінуць травіну, або, нарэшце, падняць аглаблю» (ТС I, 170).

При родах знахарь, приговаривая необходимый текст, проводит по правому боку хвоиной три раза (Русский народ 422).

Помогая при кровотечении, знахарь крепко сжимает указательным и большим пальцем рану, произносит три раза заговор, «отплевываясь после каждого раза в *правую* сторону» (Русский народ 290).

При выведении бородавок необходимо взять из-под *правой* пятки три раза песка и три раза потереть бородавки при молодом месяце (Гриб 119).

Характеризуя причины бытующей в народном сознании стойкой полярности в оценке правой и левой сторон, сошлемся на справедливое, на наш взгляд, мнение Т.А.Михайловой. «Если … право-левосторонняя асимметрия, возникшая в результате культурно-хозяйственной необходимости, усваивается и закрепляется в мозгу широких масс недостаточно твердо, то язык неизбежно должен в данном случае выступить в роли закрепителя, причем – тем более жестокого, чем больший пласт его носителей охватывается этой ментальной универсалией.

Утрата мотивированности номинации ведет к ее деэтимологизации и последующему вытеснению. Так, от констатации факта использования для того или иного действия предпочтительно правой руки в предикативной модели мы переходим к его оценке, к рекомендации доминантного пользования этой рукой как лучшей, более сильной. Но и это оказывается недостаточным, следующий этап – закрепление в языке обязательности пользования правой рукой, что подводит нас к модели… «правильный» → «правый» (Михайлова 60-61).

Аналогичный семантический переход ’правильный, праведный’ (др.англ. ryht) → ’правая рука (сторона)’, характерный для конца древнеанглийского периода, отмечается С.Г.Проскуриным: ср. значения германских форм: др.англ. riht, ryht ’истинный’, ’правильный’, ’прямой’, др.в.нем. reht ’прямой’, ’правильный’ (Проскурин 40). Подобная семантическая трансформация наблюдается и на русском материале, например: волог. *го́жий* ’хороший’ → ’правый (о руке)’ (СВГ 116; ЭССЯ 15, 29-31).

Связь между значениями ’правый’ и ’правильный; справедливый; истинный’ подтверждается не только многочисленными этнокультурными данными, она находит свое отражение и в семантической структуре исходного корня *прав-*, воплотившегося в значительном количестве дериватов, обладающих

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

очень разными, в большинстве своем отвлеченными значениями, причем положительно маркированными. Как считает А.А.Мицык, лишь два слова составляют исключение: *приправа* ’добавка в пищу для вкуса’ и *переправа* ’место, где переходят (перевозят) через реку’ (Мицык 7). Следует, наверное, возразить, во-первых, по количеству таких единиц, поскольку аналогичные семы присущи и лексемам, связанным словообразовательными отношениями с приведенными выше, – в таком случае число их должно быть увеличено; во-вторых, если учесть, что *приправа* ’нечто улучшающее вкус’ (’то, что добавляется в кушанье для улучшения его вкуса, для аромата и т.п.’ (СРЯ Ш, 435)), а *переправа* ’наиболее удобное место’ (’место, где переправляются на другой берег; перевоз’ (СРЯ Ш, 89)), то очевидна их общая положительная архесема.

Она была изначально присуща и социально-правовой терминологии с корнем *прав*-: др.рус., рус. цслав. *право* ’законы, право’, ’свобода действия, власть’ (Срезн. П, 1348), рус. *право* ’наука законоведенья, юриспруденция или одна из ветвей науки этой’, ’данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах’ (Д Ш, 377), *право* ’совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и выражающих волю господствующего класса’, ’предоставленная кому-, чему-либо свобода, возможность действовать или пользоваться чем-либо, гарантированная государственными или какими-либо другими законами, постановлениями и т.п.’, ’возможность действовать, поступать каким-либо образом’, ’основание, причина’ (СРЯ Ш, 354); др.рус., рус. цслав. *правити* ’судить’, ’разбирать тяжбу’, ’приводить в исполнение приговор суда’, ’исполнять обязательство’ и др. (Срезн. П, 1345-1347), рус. *править* ’исполнять, совершать, соблюдая должное’, ’доправлять, взыскивать, брать должное’, ’оправдывать, выгораживать, свободить от вины, выставлять правым, невиноватым’, диал. (пермск.) *праваться* ’клясться, божиться, заклинаться’ (Д Ш, 378), др.рус., рус. цслав. *правати* ’присягать, клясться’ (Срезн. П, 1343); рус. *править* ’обладая властью, управлять, руководить’, ’направлять ход движения кого-, чего-либо’, устар. ’совершать, осуществлять, исполнять’ (СРЯ Ш, 353); др.рус., рус. цслав. *правежь* ’взыскивание по приговору суда’, ’побор с насилием’ (Срезн. П, 1343), рус. стар. *правеж* ’взысканье долга, пени и вообще денег, с истязаньем’ (ср. диал. значения: арх. ’уменье править рулем и вообще управлять судном’, сиб. ’гребля’, курск. ’погребальные молитвы; отпевание покойника’) (Д Ш, 378); рус. истор. *правеж* ’принуждение к уплате долгов в Русском государстве 15-18 вв., путем публичного наказания батогами, назначаемого судом’ (СРЯ Ш, 352).

др.рус., рус. цслав. *правильныи* ’законный, имеющий законную силу’ (Срезн. П, 1344); в современном русском языке лишено терминологического содержания: ’основанный на правилах, происходящий по правилам, соответствующий правилам’, ’соответствующий правилам, установленному порядку’, ’верный, истинный, соответствующий действительности’, ’настоящий, такой, какой нужен’ и т.п. (СРЯ Ш, 353); др.рус., рус. цслав. *правило* ’постановление, канон, правило’, ’устав’, ’богослужение’, ’прямизна’ (Срезн. П, 1343-1344), рус. *правило* ’закон, постановленье или узаконенье, основанье для действия, в

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

данных случаях, при известных обстоятельствах’ (в говорах имеет ряд предметных значений с актуализировавшейся семой ’прямой’: ср. ’чем правят в разных знач.’, ’прямая доска, со стойкой и отвесом, у плотников и каменщиков’, ’простой брусок, аршина в два, для уравненья кирпичной кладки, род линейки’, ’брусок на ткацком стану с векошками для подъема нитов’, кал. ’тяж в повозке’) (Д Ш, 378), совр. рус. *пра́вило* ’положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений’, обычно во мн.ч. ’положение, установка, принцип, служащие руководством в чем-либо’ с оттенком значения ’собрание, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо’, ’норма поведения, принятый кем-либо образ мыслей, действий; обыкновение, привычка’ (СРЯ Ш, 352) при наличии омографа *прави́ло* (Там же);

др.рус., рус. цслав. *правыи* ’справедливый’, ’правый, невиновный’, ’относящийся к определению прав: *правая грамота* ’грамота о правах’, ’относящийся к судебному рассмотрению: *грамота правая* ’грамота с решением суда’, *правый десztокъ* ’пошлина с оправданной по суду стороны’ (Срезн. П, 1353-1354; Д Ш, 377) (ср. совр. рус. *правыи* ’ни в чем не виновный, не имеющий за собой вины, проступка’, ’заключающий в себе правду, справедливый’ (СРЯ Ш, 356)); др.рус., рус. цслав. *правьда* ’обет, обещание’, ’присяга’, ’повеление, заповедь’, ’постановление, правило’, ’свод правил, законы’, ’договор, условия договора’, ’право’, ’права’, ’признание прав’, ’оправдание’, ’суд’, ’право суда’, ’судебные издержки’, ’пошлина за призыв свидетеля’, ’свидетель’, ’подтверждение, доказательство’ (Срезн. П, 1357-1360), рус. *правда* ’по первоначальному, коренному значенью правдой зовется судебник, свод законов, кодекс’, посему же *правда* стар. ’право суда, власть судить, карать и миловать, суд и расправа’, стар. ’пошлина, за призыв свидетеля к допросу’, ’самый свидетель, притомный, послух’ (Д Ш, 379). В современном русском литературном языке *правда* в юридическом значении функционирует в качестве историзма в составе средневековых названий сводов законов (СРЯ Ш, 351). Современный язык утратил также производное, связанное словообразовательными отношениями с *правьда*, др.рус., рус. цслав. *правьдьчикъ, праведщикъ, праветчикъ* ’судебный служитель, приводивший в действие определения суда и взыскивавший с виновных’ и соответствующее притяжательное прилагательное *правьдьчиковъ, праветчиковъ* (Срезн. П, 1361-1362).

В качестве правового термина в русских (южн., зап.) говорах употребляется однокоренное *справа* ’расправа, тяжба, суд’ (Приточилася *справа* ’судебное дело, разбирательство’), ср. производные: стар. *справка* ’ответ обвиняемого’, арх. *справщик* ’следователь, сыщик’ (Д IV, 298-299). Однако широко распространено в говорах и закреплено как нормативное в бел. языке употребление данной лексемы в значении, лишенном юридического смысла: бел. *справа*, рус. диал. *справа* ’дело, занятие’ (СРЯ IV, 231), ср. параллельное в семантическом отношении использование лексемы *дело* в значении ’административное, судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта; судебный процесс’ (СРЯ I, 383).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Особенностью всех лексем, обнаруживающих связь с юридической сферой, является то, что становление их семантики осуществилось на основе актуализации мотивов правильности, истинности, справедливости. Эти правовые термины позволяют определить место таких представлений в общей картине мира у древних славян, поскольку все они имеют отношение к «сфере упорядоченного, законосообразного, определяющего функционирование и самого мира (природный аспект) и отношение в обществе (социально-правовой аспект). Специфика славянской традиции по сравнению с другими близкородственными как раз и заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона… Право, правда, справедливость, как и воплощающий их закон, имеют божественное происхождение, исходят от Бога (…божья правда… божий суд)… Подтверждение этому можно видеть в оппозиции *бог – убог*… В известной степени *убог* обозначает не только лишённость богатства (нищету), но и лишённость даваемых Богом (божеством, долей) прав» (Иванов, Топоров 1978, 235).

Применительно к старославянскому языку об этом писала Р.М.Цейтлин: «Слова юридического характера с морфемой *прав-* в старославянском имели только смысл ’правосудие’, но не вообще ’судопроизводство’» (Цейтлин 64).

Только утратой «внутренней формы» можно объяснить появление «нейтральных» значений в русских и белорусских лексемах, например: рус. разг. *справить* ’отпраздновать по установленному обычаю’: справить день рождения, новоселье, прост. ’сделать, выполнить (какую-либо работу, дело), прост. ’изготовить или купить для обзаведения’ (СРЯ IV, 231), бел. *правіць* ’святкаваць’, ’служыць, адпраўляць’ (Янкова 275), *выправляць* ’выдавать в замужество с назначением приданого’ (Нос. 91) – с первоначальным значением ’сделать в соответствии с обычаем, правилом, выверить по обычаю, правилу’, то есть ’сделать правильно, как надлежит’. Тогда же появились такие словосочетания, как рус. «неверно исправить, ложное направление, горькая правда и т.п.» (Цейтлин 63-64).

Таким образом, очевидно, что большинству производных с корнем *прав-* свойственна положительная семантика, однако очевидно и то, что факт происхождения пространственного термина *правый* не является бесспорным, что ставит под сомнение квалификацию пространственного значения как исходного.

Исходным значением корня *прав-*, по нашему мнению, является ’прямой’. Идея, разумеется, не нова (см., например: «значение ’правильный, справедливый’ скорее всего развилось из значения ’не отклоняющийся от прямого (пути), прямой’, а не из значения ’правый (о руке)’ (Цейтлин 64; Толстой 1987, 179)).

Связь представления о прямой линии с понятием о позитивном, благоприятном признается всеми, однако вопрос об иерархии этих значений лексемы *правый* до сих пор остается открытым.

Так, А.Я.Шайкевич, а вслед за ним С.Г.Проскурин отмечают «некорректность возведения пространственного значения «правый» к чисто физическому понятию «прямой» (Проскурин 41). Тем не менее попробуем обосновать

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

закономерность семантической эволюции славянского **pravъ*: ’прямой’ → ’правильный, справедливый’ → ’противоположный левому’.

По определению Л.В.Щербы, «прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» (Звегинцев 238). Таким образом, «естественное представление о прямой связывается с ее правильностью, верностью, то есть соответствием направлению нашего взгляда. В данном аспекте вполне можно говорить о пучке значений, имеющих психологическое основание» (Проскурин 1990, 41).

Кстати, и Поль Лафарг полагал, что значения «правильности, справедливости права, «правды» развились на базе «прямой линии» (Мицык 75-76), что в полной мере подтверждается социально-правовой терминологией с исходным корнем *прав-*. В целом поддерживая П.Лафарга, А.А.Мицык вносит существенное уточнение: «Если следовать П.Лафаргу, то необходимо признать, что переход от понятия прямой линии к понятию правильности, истинности произошел в период развития собственности и был связан с разделением земли на индивидуальные участки*. В отношении праславянского языка факты не согласуются с этим предположением ...один и тот же корень **prav-* обозначал и прямую линию и истину, справедливость. С самого начала, по-видимому, корень *прав-* обозначал истину и справедливость в качестве своего переносного значения (подобно тому, как мы употребляем выражение *прямой человек*), а образ прямой линии послужил внутренней формой для образования значения, то есть связь между этими понятиями имела не логический, а скорее всего образный характер» (Мицык 7).

В таком случае *правый – левый* могли первоначально соотноситься как ’прямой’ – ’кривой’ и представлять собой частный случай рассматриваемой нами оппозиции *прямой – кривой*, что подтверждается, во-первых, многочисленными этнокультурными фактами с положительной маркированностью первого члена ряда (*правый, прямой*) и негативной – второго (*левый, кривой*). Указанная взаимосвязь характерна для всех культур (Иванов 1972,). Например, М.В.Попович, анализируя древнекитайский текст из трактата «Сицичжуань»: Уход – это сгибание, Приход – это выпрямление…», замечает, что «термин ’выпрямление’ (’выравнивание’) надо ставить в соответствие с понятиями ’прямой’, ’правый’, ’правда’ (истина), а ’сгибание’ – с понятиями ’кривой’, ’левый’, ’неправый’, ’кривда’ (Попович 39).

Во-вторых, параллелизмом производных значений базовых компонентов бинарной оппозиции, например: др.рус., рус. цслав. *прзмыи* ’прямой, прямо направляющийся’, ’ровный, правильный’, ’совершенный’, ’истинный’, ’справедливый’(Срезн. П, 1718-1719), рус. *прямой* ’ровно вытянутый в каком-либо направлении, без изгибов’ → ’явный, открытый’, ’подлинный, настоящий, действительный’, ’несомненный, безусловный, очевидный’, ’откровенный,

* ср. в связи с этим *праведь* ’межа, тропинка по меже’ (Д. Ш, 380) для обозначения законных, справедливых, истинных (соотнесеность двух последних значений отражена в бел. диал. *справедлівы* ’сапраўдны’: Сюда можно чаю ўкінуць грузінского і будзе справедлівы чай (ТС 5, 88)) границ землевладения, основанных на идее прямой линии, в то время как *глоба* ’стежка в лесу’, *кривая дорога* ’путь нечистой силы’ (Добровольский 172) основаны на противоположной идее.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

правдивый’: - Григорий Михайлович, вы человек прямой, вы ведь всегда говорили правду. Тургенев. Дым (СРЯ Ш, 551-552). Внутренняя форма проявляется в пословице: «прямого нечего править, а править – испортить» (Д Ш, 378).

Поскольку между представлениями о правом и прямом возникают одинаковые ассоциации, что объясняет семантический параллелизм структур основных адъективов, то вполне закономерным представляется существование дериватов с общими формантами, чьи лексические значения находятся в отношениях синонимии или тождества, например: наречие *право* ’уверенье в истине чего-либо, сокращ. *пра* ’истинно, воистину, справедливо’ (Д Ш, 377) и *прямо* ’по правде, по истине, откровенно и без обиняков’ (Д Ш, 532), *править* ’прямить, выпрямлять’ (Там же 378) и *прямить* ’выпрямлять, править’ (Там же 532); *прави́ло* ’прямая доска’ (Там же 378) и *прями́ло* ’орудие, снаряд для прямления чего-либо, прави́ло’ (Д Ш, 532); *праводушие* ’прямодушие и откровенность’ (Д Ш, 380) и *прямодушие* ’правота, прямизна, честность, откровенность, чистосердечие’ (Д Ш, 532), бел. диал. *правіна* ’прямизна’ (ТС 4, 212) и рус. *прямина* ’свойство, состоянье и качество всего прямого, что прямо’ (Д. Ш, 532) и др.

В-третьих, сохранением архесемы ’прямой’ в ряде производных корня *прав-* (см. выше);

В-четвертых, этимологией праславянского **lěvъ*, буквальными соответствиями которого являются лат. *laevus* ’левый’, ’склоненный к земле, искривленный’ < **lei-* ’свивать’ (Фасм. 2, 473; ЭСБМ 5, 273-274);

В-пятых, типологией семантического сдвига ’прямой’ → ’правильный, истинный, праведный’, имеющего многочисленные параллели в большинстве индоевропейских языков, например: др.англ. riht и возводимые к тому же и.-е. корню *reg- авест. rasta, греч. ορεχῦ, лат. rectus, а также лит. tiesũs, тох. karme, алб. dreite (Проскурин 1990, 41).

Необходимость включения лексем *правый – левый* в бинарную оппозицию *прямой – кривой* подтверждается также смысловой однородностью представлений, связанных соответственно с первыми и вторыми компонентами, в свою очередь обнаруживающих аналогичные ассоциативные семантические отношения с членами других оппозиций. Так, наиболее показательным примером универсальности такой связи является соотношение признаков *прямой, правый, мужской* и *кривой, левый, женский*, включенных в генеральную оппозицию *благоприятный – неблагоприятный*[*]. На связь *правый – мужской, левый – женский* в различных мифологических, фольклорных традициях указывали А.Я.Шайкевич, А.М.Финкель, Н.И.Толстой, Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, М.М.Маковский. Во всех работах названных ученых подчеркивается жестко предопределенная взаимосвязь, существующая между правой, мужской, благоприятной стороной и левой, женской, неблагоприятной стороной. Эта связь носит универсальный характер, поскольку присуща подавляющему числу мифологий, систем обрядов и поверий. В научной литературе содержатся много-

[*] Ср. в связи с этим: «Само по себе противоположение мужских персонажей мифа женскому (в частности, внутри мифа о небесной свадьбе) представляет собой одну из реализаций более универсального двоичного, мифологического противопоставления» (Иванов, Топоров 1983, 156).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

численные свидетельства соединения указанных двоичных признаков при описании ритуалов, мифов и т.п., приведем лишь несколько примеров: «Европейские обычаи, по которым кавалер должен идти слева от дамы, является давно уже неосознаваемым пережитком» (Иванов, Топоров 267). Аналогичное поведение приписывается жениху русским свадебным обрядом: «…жених едет по правую сторону (от невесты) верхом» (Русский народ 167). Такое же соотнесение левой стороны с женщиной, правой – с мужчиной наблюдается в восточнославянских приметах: «лоб свербит – челом бить: с правой стороны – мужчине, с левой – женщине», «правая бровь чешется – кланяться мужчине, левая – женщине» (Иванов, Топоров 1974, 267-268).

Смысловая однородность рассматриваемых двоичных признаков устанавливается не только при описании ритуалов и мифов, но и в процессе лингвистического описания значения слова, отражающего языковую картину мира.

Так, М.Маковский устанавливает этимологическую связь древнеанглийского riht ’правый’ «с др.англ. rinc, др.сакс. rink, др.исланд. rekkr ’человек, мужчина’, но сюда же дс. rakr ’прямой’, ’правильный’, ’правый’, древнеанглийское richt ’правильный, правый, законный, подходящий’». С другой стороны, «ср. лат. laevus ’левый, изогнутый’, рус. *левый*, лит. išlaivóti ’делать изгибы’ но … англ. lady» (Маковский 1989, 118-119). Закономерность такого сближения основывается на универсальности мифологической связи признаков ’правый’ и ’мужской’, ’левый’ и ’женский’. Следует учесть несовпадение семантического объема рус. *леди*, вошедшего в русский язык как экзотизм в значениях ’жена лорда или баронета в Англии’, ’наименование замужней женщины, принадлежащей к буржуазно-аристократическому кругу в Англии (обычно присоединяемое к фамилии)’ (СРЯ П, 170), и англ. lady ’жена, невеста, мать’, ’хозяйка дома’, ’дама, госпожа’, a great lady ’знатная, важная дама’, ’леди (титул знатной дамы)’; ’дама сердца, возлюбленная’, церк. our lady ’богородица, богоматерь’; в сложных словах придает значение женского пола (напр. lady-doctor ’женщина-врач’, lady-cat ’кошка’) (Мюллер 408). Уже обычное перечисление значений английской лексемы позволяет выявить ее архисему ’лицо женского пола’, что делает возможным сближение М.М.Маковского, а также дает основание для проведения семантической параллели с нуждающейся в доказательствах этимологической версией бел. *кобета* ’вообще всякая женщина’, ‘замужняя женщина’ (Нос. 239), связанного с корнем *kob- (ЭССЯ 10, 88-91) с тем же первоначальным признаком ’кривизны, изогнутости’, – ср. закономерный рефлекс того же корня др.рус. *кобь* ’судьба’; и «поскольку понятие судьбы отождествлялось в древности с женскими божествами, то вполне объяснимо значение родственного нем. Kebse ’потаскуха’ (Маковский 1989, 44), - ср. рус. диал. *мокóсья* ’женщина легкого поведения’ (СРНГ 18, 207), рассматриваемого как вариант имени Мокошь, возникновение которого является «следствием некоторого сближения и «ухудшения» первичного ее значения – обозначения женского божества, функционально связанного с водой’ (Иванов, Топоров 1983, 185).

Таким образом, на основании изложенных фактов об отражении в древних мифах, ритуалах и семантической структуре слова взаимосвязи признаков

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

правый, мужской, благоприятный и *левый, женский, неблагоприятный*, а также с учетом смысловой соотнесенности признаков *прямой, благоприятный* и *кривой, неблагоприятный* можно предположить возможность оформления оппозиции более общего характера с семиотической соотнесенностью двух групп противоположных признаков (*прямой, правый, мужской, благоприятный* и *кривой, левый, женский, неблагоприятный* (см. рус. пословицу: Из *кривого* ребра Бог *жену* создал, оттого и *кривда* пошла (Д П, 193)). Из этой оппозиции становится очевидной закономерность ассоциации между мотивами *прямой* и *правый*, *кривой* и *левый*.

При таком подходе вполне объяснимы причины существования многочисленных производных корня *прав-* и непродуктивности корня *лев-*. По нашему мнению, они были следующие:

1. Если *правый* обладало глубинной семой ’прямой’, тогда понятна противоположность лексем *правъ-кривъ*, представляющих собой базу соответствующей бинарной оппозиции. Именно доминирующее положение этих лексем обеспечило основу для производства антонимичных дериватов. В качестве доказательства значимости таких противопоставлений в воспроизведении древнеславянской картины мира приведем *правь* – «одно из основных понятий славянской философии. Понимается как всеобщий закон, установленный Даждьбогом. Согласно этому справедливому закону существует мир. Это понятие подобно «саттве» индийской философии (ясность, абсолютная реальность и гармония), откуда затем *Правда* – олицетворение всех светлых сил, противница Кривды (Русские Веды 346). Противоположное понятие – *Кривь* (ср. Кривью жить, не у Бога быть (Д П, 194)), откуда затем *Кривда* – олицетворение всех темных сил, противница Правды (Русские веды 344). Противопоставление *правды кривде* широко распространено в восточнославянском фольклоре, например: «*Крыўда* ад *праўды*, як *цень* ад *святла* хаваецца» (Прык. і прым. 2, 435); «Была когда-то *правда*, а ныне стала *кривда*» (Послов. 174); «*Правда* к Петру и Павлу ушла, а *кривда* по земле пошла» (Послов. 144); «Пропадай *кривда*, выходи *правда* наружу» (Послов. 162); «с кривдою жить больно, с правдою тошно» (Послов. 163), «Не плачь по правде, обживайся с кривдой!» (Послов. 172) и др.

Другим примером, иллюстрирующим роль указанной оппозиции в представлениях древних славян, является запрет на определенные виды деятельности в так называемые *кривые* недели или дни, о чем свидетельствуют данные русских этнографов и мифологов: «С праздниками в честь русалок совпадают так называемые *кривые недели* или дни, память о которых сохранилась в народе весьма смутно. В эти дни нельзя делать многого: последствием будет уродливый скот и уродливые дети. Мы затрудняемся приписать эти последствия русалкам, хотя такая возможность и не исключена» (Зеленин 186).

… «Последняя середа перед Троицею зовется: «кривая середа»; если посадить в этот день капусту, свеклу и т.п., то зародится кривое, малое, червивое» (Булаховский 178).

«Русальная неделя почитается крестьянами как праздник. По поверию крестьян (Смол. губ.), кто будет пахать в эту неделю, у того скот будет падать

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

… кто будет прясть шерсть, у того овцы будут кружиться; кто будет городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, то зачахнет, и согнет того в дугу. Дети лиц, нарушивших Русальную или кривую неделю, родятся уродами; приплод скота у этих хозяев бывает ненормальным» (Добровольский. Ж.Ст. 1908. №1. С. 16)».

… «В Суражском уезде Черниговской губернии в колядные дни (т.е. на святках) домохозяин строго приказывает своему семейству: ничего не согинать (сгибать) с дерева» (Зеленин 186).

«Особыми суевериями сопровождаются две недели святок, святая неделя после Христоваго дня, Духовская, также масляница. В эти недели нельзя чинить ничего старого, починять что-либо из «посада», например, кадки; нельзя городить згород, нельзя ничего вить, поправлять в колёсах, что нужно. Если все это делать, то какая-то волшебная сила карает, влияя дурно на нарождающееся поколение – «молодятину»: все молодое (и скотина, и человек) родится уродливым (например, кривоногое или с шестью пальцами (шистяренькою)» (Добровольский 1891, 157-158).

Характерна соотнесенность самого наименования темпорального периода и запрета на определенную деятельность, позволяющую выявить комплекс признаков, составляющих наименование ’кривой’, его внутреннюю форму. Во-первых, запрет налагался на одно из основных ритуально-магических действий ’гнуть’, а также смежные с ним или производные от него (вить, вязать, прясть, городить и т.п.), касался предметов, представления о которых напрямую связаны с изогнутостью (колесо, кадка и т.п.). Так, приказ черниговского хозяина не сгибать ничего, имеющего отношение к дереву, имеет прямую параллель с описанным ранее мифологическим, а затем народнопоэтическим образом склоненного дерева как символа печали, болезни и т.п.

Во-вторых, кривые недели, дни в народном сознании ассоциируются с деятельностью злого начала, враждебной силы, одним из воплощений которого были русалки, чьей сопутствующей чертой, как и других близких им существ, была кривизна, например: «любимое их (русалок в Белоруссии) дерево – береза: на *кривой* березе русалка сидела» (Зеленин 147). «В Белоруссии поселяне верят, что русалки бегают нагие и беспрестанно *кривляются,* а если кому случится их увидать, тот сам будет всегда кривляться (Зеленин 157, Забылин 63). По сообщению Н.Никифоровского, в белорусских болотах живут одиноко старые и безобразные русалки «с *клюками* в руках» (Виленский Временник кн. П. С. 89). «Для какой цели служат эти «клюки» не сказано. Не исключена возможность, что это безобидные костыли, коими подпираются дряхлые русалки при ходьбе» (Зеленин 176). По-видимости, *клюка* (с мотивирующим признаком ’кривой’) есть знак принадлежности к нечистой силе (впрочем, возможна контаминация с образом *кикиморы* (не зря она болотная), где клюка является обязательным атрибутом; ср. также описание Лихорадок: «Сестры-лихорадки, которые причисляются к русалкам. Кого пугали, «с теми случалась лихорадка». «Старухи, которыя ходят в лаптях, с палкою и стучат по ночам в окно клюкою. Кто отзовется, к тому пристают» (Зеленин 210-211).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В-третьих, последствия нарушения запрета в кривые недели – это всяческие отклонения от нормы, смещение к негативному, всевозможные уродства, что опять-таки соотносится с образом кривизны, обусловившим соединение «искривлений моральных и физических».

В-четвертых, характерно, что последствия несоблюдения запретов сказываются исключительно на потомстве, что объясняется ролью мотива кривизны в приемах продуцирующей магии (подробнее см. в гл. Ш).

Таким образом, значимость сохраняющейся до сих пор веры в необходимость соблюдения кривых недель обусловлена комплексом представлений о кривизне, гнутости.

Интересно, что в противоположность кривым неделям, дням существовали дни *правые*. «В Козелецком уезде Черниговской губернии праздник Преполовения называют *правою* середою; в этот день идут, особенно молодежь, в березовые леса, ломают молоденькие ветви и прячут их: когда кто вышибет (то есть ушибет) какой-либо член тела, то парят этою березою. Эта «правая середа» создана, по-видимому, как противоположность (антитеза) «кривым неделям»: она правит, исправляет уродливое. Падает эта «правая середа» на праздник Преполовения – день, который в некоторых местах Малороссии считается крайним сроком гулянья русалок… Лекарством для ушибленных частей тела считаются березовые ветви, то есть те ветви, на которых только что перед тем качались русалки» (Зеленин 187), наверное, по древнейшему терапевтическому приему излечения подобного подобным (ср. пословицу «Клин клином вышибают»). Это помогает понять, почему оберегом от русалок является *кочерга.* Защитную функцию кочерги обычно объясняют принадлежностью к очагу, а следовательно, кочерга «через то самое связанная с культом предков» (Зеленин 193). Однако по аналогии с изложенным выше можно предположить, что обереговая способность кочерги обусловлена ее основным мотивирующим признаком – кривизной.

Таким образом, базовые термины оппозиции играют важную роль в воссоздании картины мира древних славян. Однако антонимия отдельных значений наблюдается и на уровне лингвистического описания основных лексем и их дериватов, например: рус. *правый* ’заключающий в себе правду; справедливый’ (СРЯ Ш, 356) и устар. *кривой* ’несправедливый, неправильный, ложный’: Вы все *правы*, один я *крив*. А.Н.Толстой. Иван Грозный (СРЯ П, 129); *правый* ’прямой, противоположн. кривой, косой’ (Д Ш, 377) и *кривой* ’непрямолинейный, идущий не по прямой черте’ (Д П, 193); *править* ’выпрямлять, делать прямым, ровным’ (СРЯ Ш, 353) и *кривить* ’делать кривым, изогнутым, перекошенным’ (СРЯ П, 128); *править* ’оправдывать, выгораживать, свободить от вины, выставлять правым, невиноватым’ (Д Ш, 378) и *кривить душою* ’поступать неправдиво, против совести’ (Д П, 194), укр. *кривити* ’поступать несправедливо’ (Гринч. 2, 403);

производные от глаголов *praviti и *kriviti – соответственно *pravьda и *krivьda. «Здесь особенно помогает свидетельство слова и значения * krivьda, сохранившего очень четко свою первозданную процессуальность (’проступок’, ’неправедное деяние’)» (Трубачев 1988, 339): др.рус., рус. цслав. *правьда*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

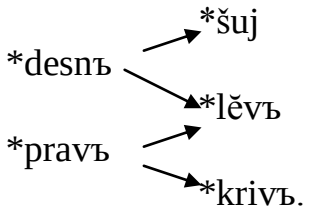
’справедливость’ (Срезн. П, 1355) и *кривьда* ’несправедливость’ (Срезн. I, 1322), рус. *правда* ’истина на деле, истина во образе, во благе’, ’правосудие, справедливость’, ’неумытность, честность, неподкупность, добросовестность’, ’правдивость как качество человека’, ’праведность, законность, безгрешность’ и др. (Д Ш, 378-379) и *кривда* ’неправда, несправедливость, кривосуд, обида’ (Д П, 194), совр. рус. *правда* ’истина’, ’правдивость’, ’справедливость; порядок, основанный на справедливости’ (СРЯ Ш, 351) и народнопоэтич. *кривда* ’неправда, несправедливость, ложь’ (ср. проявление внутренней формы: У Кривды – сто лазеечек, у Правды – ни одной; у *Кривды* – путь *извилистый*, у *Правды* – путь *прямой*. Д.Бедный. Правда-матка (СРЯ П, 128));

рус. *правость* ’свойство, состоянье по прилагат., невиновность, неповинность’ (Д Ш, 377) и *кривость* ’свойство, принадлежность по значению прилагательного’ (Д П, 193), *правина* (Д Ш, 377) и *кривина* (Д П, 193), *правота* (Д Ш, 377) и *кривота́* ’кривизна, кривда, криводушие’ (Д П, 193);

рус. диал. *правди́ть* ’делать что по правде, правдиво, добросовестно, исправно, как должно’ (Д П, 380) и *кри́вдить* ’кривить душою, идти кривдою’ (Д П, 194); бел. диал. *правíца* ’прямая солома’ (ТС 4, 212) и рус. диал. (смол.) *кривúца* ’измятая и перепутанная солома после молотьбы или вязки снопов’ (СРНГ 15, 243); арх. *прав* ’здоров’ (Д Ш, 377) и смол. *кривой* ’больной’ (Добров. 359); *праводушие* ’прямодушие и откровенность’, ’правда, добросовестность’ (Д Ш, 380) и *криводушие* (Д П, 194) и др.

2. Вторая причина существования многочисленных производных от корня *прав-* и ограничения числа производных от *левый*, возможно, сводится к табуизации данной лексемы. «Левая сторона во многих индоевропейских традициях обозначается по-разному, что принято связывать с отрицательными коннотациями, закрепленными за этим словом. Частое табуирование лексемы *левый* объясняется символической связью противопоставления «правый» – «левый» с оппозицией «благоприятного» – «неблагоприятному», «праведного» – «неправедному», «хорошего» – «дурному» (Проскурин 70-71).

Поскольку лексема *левый* лишь этимологически обнаруживает мотивирующий признак ’кривой, изогнутый’, следует признать, что ее основным семантическим содержанием было ’противоположный правому’, чего нельзя сказать о лексеме *правый*. Кроме того, «в отдельных частях славянской территории понятие ’левый’ передается лексемами *xudъ и *krivъ». Следует учесть также, что в западнославянских и восточнославянских языках представлена пространственная оппозиция *pravъ(jь) - *lěvъ(jь), а южнославянские языки сохраняют оппозицию *desnъ(jь) - * lěvъ(jь), поскольку * pravъjь является инновацией, а *desnъjь продолжает индоевропейское состояние (ЭССЯ 15, 29-31). На основании всего этого можно предположить существование удвоенной дихотомии типа



Затем, по мнению Н.И.Толстого, «следовал переход к одинарной дихотомии» (Толстой 1965, 139).

Таким образом, лексема *lěvъ могла быть эквивалентной или синонимичной лексеме *krivъ, позднее значение лексемы *lěvъ специализируется, закрепляется за пространственным термином ’противоположный правому’, и с течением времени развивает закономерные, обусловленные мотивирующим признаком вторичные значения.

Как считает В.В.Мартынов, лексема *krivъ вытесняется лексемой *lěvъ под италийским влиянием (Матынов 1978, 26). Однако, на наш взгляд, лексема *krivъ теряет способность манифестировать значение ’левый’ в восточнославянских языках отчасти благодаря роли, которую играет соответствующее понятие в оппозиции *прямой – кривой*, представленной лексемами *pravъ - *krivъ, вследствие чего сохраняется внутренняя форма лексемы *krivъ, обеспечивающая ее полисемантичную структуру, что препятствует формированию семантики термина.

Об этом свидетельствуют особенности функционирования пространственных прилагательных, исследованию которых применительно к периоду XI-XVII вв. посвящена работа Н.Г.Михайловской.

Так, в древнерусском языке XI-XIV вв. прилагательное *лÛвыи* имело два значения: ’laevus’, ’неправый, злой’ (Срезн. П, 69-70), причем лишь в XV-XVП вв. оно становится более употребительным в значении ’противоположный правому’ (Михайловская 53). До этого времени, надо полагать, понятие *левый* передавалось лексемой *шуии* ’левый’, ’несчастный’ (Срезн. Ш, 1599).

Вторичные значения этих прилагательных развились, по мнению Н.Г.Михайловской, в результате «определенной символизации» пространственного значения этих слов в церковных памятниках (Михайловская 57). По сути своей с этим можно согласиться, однако причина закономерности формирования негативно маркированной семантики всё же предопределяется местом данных лексем в качестве второго компонента бинарной оппозиции, отсюда и отрицательная коннотация, и синонимия вторичных значений (ср. производные рус. старое *шуйство* ’кривда, неправда, обида, ложь’ (Д IV, 648), *лÛвизна* ’неправда, кривда, неправость’ (Д П, 277)).

Поскольку прилагательное *лÛвыи* в памятниках XV-XVII вв. начинает чаще использоваться в пространственном значении; в переносной семантике оно замещается прилагательным *шуи*, которое, однако, не удержалось в русском языке вследствие жанровой закрепленности (язык церковных памятников). По этой причине начинают актуализироваться потенциальные семы в составе семемы *лÛвыи*. Так, «в языке конца XVIII века словосочетание *лÛвая рука* может употребляться в переносном значении для выражения чего-то нечестного, противозаконного: Король Прусский, влюбясь въ нÛкую дÛвицу Фосъ, хочетъ обвÛнчаться, оставляя нынÛшнюю королеву съ ея титуломъ, и имÛя вторую *супругу лÛвой руки* (Пам. Зап. Храповиц. 1787, л. 20)» (Михайловская 55).

Заместив лексему *кривой* во второй части оппозиции, прилагательное *левый* обнаруживает большую жизнеспособность, стремительно активизируется,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

что дало основание А.Н.Тихонову сделать такое замечание: «прилагательное *левый* в переносном значении оказалось более производительным, нежели его антоним *правый*. Возникли и закрепились в языке производные от него существительные *левизна* «левое направление в общественно-политических взглядах», *левак* «тот, кто свои мелкобуржуазные взгляды маскирует «левой фразой», отсюда на второй ступени словопроизводства – *левачество*… В разговорно-обиходном языке прилагательное *левый* сравнительно недавно приобрело новое переносное значение, которое реализуется в таких сочетаниях, как *левый* заработок (добытый нечестным трудом), *левый* рейс, *левая* поездка и др. В результате этого существительное *левак* получает новое значение – «тот, кто зарабатывает нечестным путем». От него образуется глагол *левачить*. Новое значение прилагательного *левый* распространяется на однокоренное наречие *налево*… (Тихонов 43).

Мысль о бóльшем словообразовательном потенциале просторечной вторичной номинации *левый* ’побочный и незаконный (о работе, заработке)’ (СРЯ П, 167) (ср. также *левый* прост. ’полученный, выполненный, купленный или проданный и т.д. незаконным путем’, разг. ’выполняющий какую-либо работу, производящий что-либо незаконным путем’ (НС3-70, 318-319)) верна лишь применительно к современному срезу при синхронном анализе, поскольку диффузная семантика лексемы *правый*, обеспечившая в свое время появление многочисленных производных, утратив с течением времени образный характер, стала причиной сокращения словообразовательной активности. Лексема *левый* развивает негативно окрашенные значения, связанные с морально-этической сферой, на основе главного пространственного значения; их возникновение обусловлено и местом базовой лексемы в оппозиции *правый – левый*, и комплексом соответствующих ассоциаций.

Таким образом, семантический путь лексемы *левый* может быть представлен следующим образом: генетическое значение ’кривой, изогнутый’ → основное ’противоположный правому’ → ’нечестный, противозаконный’. В то время как эволюция семантики лексемы *правый* выглядела иначе: ’прямой’ → ’диффузное значение ’истинный, правильный; справедливый, праведный; законный и т.п.’ (комплекс позитивных нравственных характеристик) → ’противоположный левому’. Разрыв первоначальной единой семантики этого многозначного слова вызван, по-видимому, забвением (ослаблением) исходных семантических связей, что вызвало обособленность отдельных значений; терминологизацией последнего пространственного значения, включение его в новый оппозиционный ряд *правый – левый*. На основе этой вторичной по своему характеру оппозиции возникают полярные переносные значения, непосредственно мотивированные пространственными терминами: *правый* ’враждебный передовым течениям в политической и общественной жизни (от традиционного размещения членов реакционных партий в правой стороне парламентского зала – вправо от председателя); консервативный, реакционный’ (СРЯ Ш, 355-356) и *левый* ’политически радикальный или более радикальный, чем другие (от традиционного размещения членов радикальных и революционных партий в левой стороне парламентского зала – влево от председателя’ (СРЯ П, 167).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Эти вторичные номинации представляют собой результат семантического калькирования в XIX веке (КСЭС 1984, 4, 81).

Как видим, наблюдается явное несоответствие прогнозируемой на основе этнокультурных представлений о правой и левой сторонах положительной маркированности вторичной номинации *правый* и негативной – левый. Между тем, судя по лингвистическому описанию семантики, вторичная номинация *правый* сопровождается отрицательной коннотацией, тогда как *левый* – положительной. Это противоречие вполне разрешимо, если учесть субъективность любой точки зрения при оценке общественно-политических партий и движений, что подтверждается современным состоянием общественно-политической жизни с явно проявляющейся условностью деления на партии правой и левой ориентации. Если отбросить субъективную окраску словарной дефиниции, вызванную доминирующим идеологическим взглядом, то становится ясна закономерность формирования сем ’радикальный, революционный’, то есть ’стремящийся к переменам, изменениям’. Признак изменчивости логически соотносится с признаком ’левый’, обнаруживая глубинную связь с исходной формой ’кривой, изогнутый’, а потому ’колеблющийся, шаткий, изменчивый, нестабильный’. В то же время развитие вторичных сем ’консервативный, реакционный, приверженный старому, отжившему’ также закономерно у лексемы *правый*, поскольку *правый* (изначально ’прямой’) ассоциируется с традиционностью, твердостью, незыблемостью. Итак, становление вторичной семантики предопределено интересным стечением неязыковых (случайного (?) расположения в зале заседания парламента) и языковых факторов (потенциалом соответствующих лексем с комплексом надлежащих ассоциаций, обусловленных архаическими мировоззренческими представлениями).

3.3. ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКИ НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАГИЧЕСКОМ ЗАВЯЗЫВАНИИ

Одним из важнейших семантических слагаемых мифологических представлений древних славян о кривизне, изогнутости являются мотив узла и соотносимые с ним магические акты – вязания, витья, плетения, подпоясывания и т.п. Достаточно сложная символика узла, обеспечивающая соответствующей лексической единице статус мифологемы, по-видимому, сводилась к следующему: «узел считался одним из самых обычных способов передачи волшебной силы» (Костомаров 191), а также выполнял функцию оберега, т.е. предохранял обладавшего им от враждебного действия.

3.1. С мифологемой узла, в первую очередь, генетически соотносятся так называемые «магические термины», символическая основа которых очевидна. Среди них отметим: др.рус. узълъ,% узолъ ’чародейственная навязь, носимая для предохранения от болезни и несчастия’ (Срезн. Ш, 1173), наезъ ’узелок, талисман, который носят на шее, привязывают к руке и т.п. и которому приписывается свойство отгонять злых духов и тем самым предохранять от болезни и несчастья’ (СРЯ Х1-ХУП вв. 10, 290-291); наузъ, наюзъ ’чародейственная навязь, носимая для предохранения от болезни или несчастья’, ’чародейство,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

колдовство’ (Срезн. П, 343-344); обузъ% об.зъ ’перевязка, повязка’, ’гадание, колдовство’, ’тяжесть, бремя’ (Срезн. П, 558) (ср. др.рус., рус., ц.-слав. хранилище ’предохранительная навязь, талисман’ (Срезн. Ш, 1400)); рус. диал. *нáуза* ’ладанка, привеска’ (Д Ш, 488). По мысли В.И.Даля, рус. диал. *науз* производно от *на-уздъ*, поскольку «в старину в нáузде хранились обереги от сглазу, призору и порчи, коренья, бумажки с заговорами и пр., почему нáузд означал и привеску, ладанку, оберег или талисман» (там же). Однако такие отношения вовсе не обязательны, если существует параллельное образование с исходным значением, например: др.-рус. наузъ ’одна или несколько кистей, вешавшихся на шнуре или на цепочке под шеей лошади’ (Срезн. П, 344), диал. *науз* ’часть конской сбруи; кисть, бляха и др. украшенья, привешиваемые на ремне или на шнуре под шеей лошади’ (Д 2, 488).

Семантика бел. диалектной лексемы *нáвізка* (*нáвіска, навяска*) ’нітка, якую завязваюць на пашкоджаную канечнасць чалавека або жывёлы з мэтай лячэння’ (СБГЗ 124) свидетельствует о том, что узлы были не только одним из самых обычных способов передачи волшебной силы, предохраняли от разных несчастий (Костомаров 91), но с их помощью излечивали болезни (ср. «Недуги лечат чарами и наузами, некотораго беса глаголемаго тряіщу прогоняюще» (Русский народ 412)).

Матери брали от волшебников чародейственные узлы и навязывали их на детей (Костомаров 191), о чем говорится в «Слове святого Кирилла»: «То сѣи бабы чи не Бога призываютъ, а оны прокляты и скверны и злокозньны наузы много вÛрныя прельщають, начнеть на дÛти наузы класти, смÛривати, плююще на земьлю,% рекше бÛса проклинаеть…» (Срезн. П, 343). Этот древний обычай нашел свое отражение в летописном повествовании о Всеславе, которому волхвы «навязали наузъ на голову; он носил его всю жизнь, и влиянию этого чародейственного узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостивъ на кровопролитѣе») (Костомаров 191). Многие приходили к ворожеям и брали у них наузы, предохранявшие от разного рода опасностей, в том числе влияния «*злых чародÛевъ*», «*зломыслія враговъ*» вообще, что находит выражение в следующем заклятии: «*завяжи, Господи, колдуну и колдуньÛ, вÛдуну и вÛдуньÛ,, и упирцу на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ чернца и черницы, отъ красной дÛвицы, отъ бÛловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упирца…*» (Костомаров 191).

Науз, магическая сила которого увеличивалась благодаря свойствам чернобыльника, могла обеспечить не только силу, но и быстроту, ловкость. Например, чтобы человек был в состоянии приобрести «такую ловкость на бегу, что может бежать скорее лучшей лошади», необходимо было «в первых числах сентября или в конце августа… нарвать чернобыльника и зашить в шкурку молодого зайца», которую требовалось носить в виде подвязки (Русский народ 434-435).

В старину узлы навязывали на оружие, пытаясь тем самым уничтожить силу оружия противника. Подтверждением этого является следующий текст заговора: «*Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

пищалях, на луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, спутайте все луки, повяжите все ратныя оружия: в моих узлах сила могуча!» (Костомаров 191).

Аналогичное свидетельство находим у М.Забылина: «*Завяжу я, раб (такой-то), по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном орудии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замените все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратныя оружия. И стрельцы бы из пищалей не били, и стрелы бы их до меня не долетали, все ратныя оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змия двунадесять главаго, того змия страшнаго, что прилетел со Окиан-моря, со острова Буяна, со меднаго дома, того змия, что убит двунадесятью богатырями под двунадесятью дубами; в моих узлах зашиты моей мачихою змеиныя головы. Заговариваю я раба (такого-то), ратнаго человека, идущаго на войну, моим крепким заговором, крепко на крепко*» (Русский народ 302). В данном фрагменте обнаруживается и синонимия глагольных форм (*заградите, замкните, спутайте, повяжите*), контекстуальная функциональная нагрузка которых, безусловно, определяется мифологемой «узел». На этом основывается вера в то, что «некоторые из ратных людей умели так «завязывать» чужое оружие, что их не брали ни сабли, ни стрелы, ни пули» (Афанасьев 380). Такое мнение существовало и отразилось в предании о Стеньке Разине (Костомаров 192).

Позже делается попытка усилить магическое действие узла-амулета. В лоскут, завязанный узлом, помещаются другие предметы – обереги, наделенные суеверием чудодейственной силой: целебные травы, коренья, а также уголь, соль, сера, сушеное крыло летучей мыши, змеиные головки, змеиная или ужовая кожа и др. Иногда, вместо всяких целительных средств, зашивалась в лоскут бумажка с написанным на ней заговором и привешивалась к шейному кресту (Афанасьев 379) (см., например, заговор от «стени, задумчивости и от тоски и печали: *Крест, крестом крест, человек родися, крест водрузися и сатана связася. Бог прославля, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь!* (напиши крест и в нем сии слова и повесь на крест)» (Русский народ 296-297).

Различные этапы эволюции взглядов древних славян на предохранительную функцию амулета прослеживаются в семантике рус. диал. *вязло* ’привеска, ладанка, особенно на скот для оберега его от сглаза, волков и болезней’ (Д 1, 337), *вязло* ’сумка с известным снадобьем, навязываемая на шею передовой коровы для предохранения стада от зверей’ (Потебня 352), *вязло* ’особого рода амулетка: желая избавить свой скот, особенно мелкий, от нападения зверей, крестьяне добывают от знахарей неизвестный состав, зашивают его в сумку и навешивают на животное, которое ходит впереди стада и называется передовым. Верят, что от запаха этого вязла всякий зверь бежит и не смеет коснуться стада’ (Буслаев 1861, 193). Характерно, что в последнем случае чудотворную силу тверские крестьяне приписывали не столько узлу, сколько запаху «неизвестного состава». Христианская церковь ношение наузов считала греховным, о чем свидетельствуют, например, такие фрагменты письменных памятников:

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

«СогрÛшихъ: наузы вязахъ на себе и къ волхвомъ,% и къ обавникомъ%, и къ чародÛемъ ходихъ…;&&&(согрÛшихъ,% наезы на себÛ нося(грÛ^{х} еС носити нае^{з} какъ любо(носzщb3а обаzнb3а на шеz^{х} свои^{х}% идолослеженb3ю ч¸съ (=часть) имóще…; да wnклучztcz wn ц¸ркви (Срезн. П, 343-344). О реакции тогдашних властей на ношение узлов свдетельствует следующий факт: в ХУП веке был приведен в приказную избу и наказан батогами некий крестьянин Игнашка за то, что имел при себе «корешок невелик, да травки немного завязано в узлишки у (шейного) креста» (Афанасьев 379). Несмотря на это, в христианскую эпоху употребление в наузах ладана, получившего особенно важное значение из-за возжигания в храмах, до того усилилось, что все привязки стали называться ладанками – даже и тогда, когда в них ладана не было (Афанасьев 379). Произошла трансформация древнейшего обычая ношения наузов вследствие его христианизации (см. выше свидетельства о привязывании науза к кресту). «Навешивая на себя лекарственные снадобья или клятвенные заговорные письмена, силою которых прогоняются нечистые духи болезней, предки наши были убеждены, что в этих наузах они обретали предохранительный талисман против сглаза, порчи и влияния демонов и тем самым привязывали, прикрепляли к себе здравие» (Афанасьев 379).

Вера в чудодейственную силу наузов, по-видимому, имеет те же истоки, что и применение обрядовой нити. Выделяются следующие формы использования обрядовой нитки: обвязывание, опоясывание, перетягивание через дорогу, измерение, завязывание узлов (в двух последних формах нитку уничтожают – закапывают или сжигают). Обрядовые нити употребляются в лечебных целях как оберег, средство ворожбы, для отгона волков от деревни или как оберег скота от волков» (Трубицына 114). Как видим, в данном случае выделяются две группы магических действий: обвязывание, опоясывание, завязывание узлов основываются на магическом действии ‘сгибание’, а перетягивание, измерение – ’проведение черты’. Приведем примеры использования действий первой группы в магической практике. Так, при выведении бородавок требовалось «завязать узлами нитку вокруг бородавки, закопать в землю при луне и помочиться на это место» (Гриб 119). Другой способ приписывал следующее: «Озьмі ленточку, полічы ў люстро, колькі у цебе іх е, заўяжы толькі вузлікоў, а одзін розўяжы. Одну бородаўку разорві і той кроўю помаж усе, да пойдзі на росходные дорогі, да кінь церэз себе тую ленточку і ідзі, не оглядвайся, то згінуць» (ТС 1, 73-74). Использование приема завязывания узла в имитативной магии наблюдается также при произнесении заговора «штобъ дÛла сайшлось»: «Какъ етый вузилъ завязынъ, такъ у нас, рабовъ Божьихъ, дÛла (такоя-та) сыйшлось бы: (Гавари ети слава три разы, завязаўши узёлъ на нитки и палажиўши узелъ тиризъ парохъ. Якъ прагаворишъ, иди куды табÛ нужна)» (Добровольский 205-206). Узел применялся и во вредоносной магии: чтобы испортить кого-либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить где-либо в таком месте, в котором мог бы наступить на нее тот, кого нужно испортить (Русский народ 395).

Нить (или символ обрядовой нити – пояс) в магической практике могла заменяться другим предметом, обнаруживающим то же свойство – ’гибкость’,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

что подтверждает наше предположение о том, что в сакральном отношении нить значима не сама по себе, а исключительно благодаря указанному качеству. Так, помимо нити, пояса в колдовской деятельности использовались жгут из травы, первого (!) пучка сжатой ржи, гибкая ветка, соломина и т.п. Характерно, что в одном и том же ритуальном действии они могли быть взаимозаменяемы, о чем свидетельствует, например, магический прием передачи болезни дереву. При лихорадке больной, если хватит силы, идет в лес, находит осину, кланяется ей и говорит: «Осина, осина, возьми мою тресину, дай мне леготу!», после чего перевязывает осину своим поясом (Русский народ 353). Чтобы не болела поясница, из первого пучка сжатой ржи делают жгут, обвязывают им сливу, заклиная (Усачева 90). Мотив магического узла отражен и в следующих сакральных текстах: (заговор при лечении лошади): «Стану поутру, по раннему, по вечеру, по позднему, выйду на сильный ветер, на легкий воздух, возьму я осинову вичку (ветку), пойду я к доброму хозяину на честен пир. Из-под левой ноги, из-под праваго копыта обложу и обвяжу – кругом обнесу, чтобы был по-старому, по-прежнему, чище и лучше, чтобы более не чула, куда бы ни поехали» (Русский народ 389). В заговоре от осы: «…беру я закручену траву, сушу на сыром бору, жгу на зеленом лугу. Осятки, летите на дым; оса, беги в сырой бор» (Русский народ 371). В связи с этим интересен также обычай благословления новорожденного соломинкой, на которой завязан узелок (Виноградова 103).

Непосредственную связь с наузами, вера в которые основана на магических актах вязания, витья, плетения, обнаруживают слова, обозначающие предмет, созданный в результате колдовской деятельности, а потому наделенный особой силой. Речь идет о так называемой *хлебной завязке* и синонимичных лексемах. «Хлебная *завязка* почитается грозящим бедствием хозяину той поляны, где она будет замечена. Народ думает, что это сделано злыми людьми на сокрушение всего семейства и родни» (Русский народ 424). Аналогичные представления связаны с рус. диал. *завиток* ’закрутка, залом, завертка в хлебе на корню для колдовства, заговора’ (Д 1, 559), бел. диал. *за́вітка* ’залом, звычай заломваць або завязваць у вузел каласы ў жыце ці закручваць галоўкі ў ільне’ (ТС 2, 86), *за́віткі* ’то же’: *Завіткі на полі, каб хто ўмер, хто на кого злы, каб валы ці коровы подохлі*’; *за́віць* ’то же’ (Янкова 121); рус. диал. *завёртка* ’закрутка, пучок или завязка в колосовом хлебе для заговора, колдовства, залом хлеба, завиток’ (Д 1, 559); укр. *за́вертка* ’пук стеблей стоящего на корню хлеба, свернутый узлом’. По народному поверью, завертка делается со злым умыслом и имеет силу причинить болезнь сорвавшему ее или съевшему хлеб из зерен тех колосьев, которые были в *за́верці* (аналогично *завивка, завитка, завиття, закрутень, закрутка*) (Гринч. 2, 14); рус. диал. *закру́та, за́крутка* ’завертка в хлебе, залом, завиток, делаемый знахарем, со злым умыслом’ (Д 1, 592); бел. *закру́тка* ’зламаныя і звязаныя ў пук сцяблы жыта, лёну з мэтай наклікаць бяду на гаспадара поля’ (СБГ 2, 220; Сцяшк. 175), *закру́тня* (ДСБ, 71); рус. диал. *залом* ’закрутка, завертка, завиток, завязь в хлебе на корню, скрученный знахарем пучок колосьев на порчу или на пагубу хозяина нивы; только знахарь может отвести беду, вырвав и сожегши залом’ (Д 1, 596),

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

брянск., забайк., зап., калужск., курск., орл., ленингр., пск., смол., тамб., тверск. *зало́м* ’несколько перевитых стеблей растущей ржи или другого хлеба с целью колдовства (злого)’ (СРНГ 10, 218), уменьш.-ласк. *зало́мчик*: *[Если] выжгут ниву без предосторожностей…, то на том хозяине сядет столько чирьев, сколько на ниве было сделано потайных заломчиков* (со ссылкой на Слов. Акад. 1901 без указ. места. СРНГ 10, 221), *залом* ’колосья, спутанные на ниве колдуном с целью повредить урожаю’: *Я по полюшку ходіў и заломы заламляў, Да и спору вынимаў, А людей голодныхъ астаўляў* (Добр. 242), *зало́м* ’перевитые стебли ржи (по мнению жителей, с целью колдовства) (Ман. 71), *зало́м* ’колдовство, заключающееся в том, что перевязывали и переламывали пучки колосьев ржи или других зерновых посевов с целью навлечь беду на хозяина поля’ (Р 108), бел. *зало́м* ’колосья, заломленные и перепутанные, по народному поверью, колдуньями в стоячем полевом хлебе с чародейскими наговорами, чтобы причинить зло или вред хозяевам посева’ (Нос. 173; СБГ 2, 226; Сцяшк. 176-177), *зало́мак* (СБГ 2, 226-227), *за́ламка* (СБГ 2, 223); укр. *за́лім*, *зало́м* (Гринч. 2, 59). Ф.И.Буслаев следующим образом устанавливает связь подобных слов с магической практикой : «Несколько стеблей ржи или другого хлеба на корню, перевитых для колдовства, называются … словами: *завиток, закрутка, залом,* имеющими связь с наузами и венками, потому что стебли связываются или свиваются…» (Буслаев 1861, 195).

Аналогичные ассоциации вызвали формирование вторичных значений у перечисленных выше лексем, например: рус. просторечн. *завязать* ’покончить с чем-либо’ (СРЯ 1, 506) – ср. аналогичную семантику фразем *завязать девство, завязать свет* ’уничтожить’, укр. «мині якъ завязано» ’не удается’ (Костомаров 192), *пришло дело узлом* ’стало’ (Д IV, 479); *завязка*, арх. *завязь* ’помеха, препятствие, остановка, затяжка в каком деле’ (Д 1, 566).

Значение др.-рус., рус., ц.-слав. *завити* не определяется, указан только контекст: Болящаго доидоста и смёртнаго недуга зависта. Жит. Козм. Дам. (Срезн. 1, 901). На основании контекста и анализа вторичной семантики близких лексем можно предположить значение ’покончить (в данном случае) со смертным недугом, преодолеть, победить его’ (ср. у В.И.Даля «завей горе ремешком» (Д. 1, 559)).

Вторичные семы обнаруживаются также в рус. диал. (тверск.) *за́ломки* ’ветки, втыкаемые в зимний след зверя, чтобы заломить ему путь, остановить его’ (Д. 1, 596), пск. тверск. *зало́м* ’препятствие, преграда на пути свадебного поезда, предвещающая несчастье, если ее не уничтожить’ (СРНГ 10, 218), ср. в связи с этим пск., тверск. *заломать дорогу* ’преградить путь свадебному поезду, образуя залом’, ’уничтожить следы зайца или волка, перебежавших дорогу (следы, по суеверным представлениям, предвещают несчастье) (СРНГ 13, 194), *заломать дорогу* ’перегородить засекою, сделать залом на дереве перед свадебным поездом, для порчи (заговора)’, ’отвести заломом худое предвещанье зайца, перебежавшего дорогу’ (Д. 1, 595).

По-видимому, применение *завязки* в колдовской деятельности имело те же мифологические истоки, что и использование завитой «бороды» или завитой березки, правда, с противоположной маркировкой, то есть, скорее всего,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

приемы зловредной магии демонстрируют процессы вырождения древнейших мифических ритуалов, теснейшим образом связанные с символикой венка, о чем свидетельствуют, например, описания обрядов «завивания бороды» и завивания березки (см. Велецкая 108; Русский народ 262).

В этом же мифологическом ряду, вероятно находится и практика заговаривания крови, червей, лихорадки и т.п. на некоторых растениях. «Стебель пригибают и прикручивают, не ломая и говоря: «Изведешь, отпущу; не изведешь, с корнем изжену». Коли заговор сделает свое, то идут в поле и отпускают татарник» (Д. 1, 107). В заговоре от зубной боли: «Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня раб Божий (имя рек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу (Проговоривши, крапиву, растущую на свободе, привязать к низу, то есть, преклонив к земле, а на третий день отвязать» (Русский народ 364). Ср. также нижегор. *заламыванье раны, «червей»* ’заклинание над колючей травой от червей в ранах’: «От червей в ранах заламыванье, т.е. заговор над колючею травой татарник (угроза ссечь голову)» (СРНГ 10, 193) или в «Великорусских заклинаниях Майкова: «К … траве чупрыне прихожу, и на то я *заламываю*, что она … выгнала … всякую болезнь…», где глагольная форма *заламываю* употреблена в значении ’произношу заклинания, заклинаю’ (СРНГ 10, 193-194).

В связи с этим становится более отчетливой глубинная структура семантики общеслав. **kъldunъ*, воплотившегося в др.-рус. *колдунъ* ’колдун’ (СРЯ XI-XVII вв. 7, 232), рус. *колдун* ’человек, занимающийся колдовством’, диал. *колдун* ’знахарь’ (СРНГ 14, 117), *колдун* ’кто колдует, чародей, волхв, волшебник, знахарь; ворожея, гадатель’ (Д. П, 135), бел. диал. *калдун* ’колдун, волшебник’ (СБГ 2, 371; МДСГ 197).

Авторы ЭССЯ полагают (анализ других этимологий см. ЭСБМ 4, 145-148), что первоначальное значение современного *колдун*, этимологически тождественного **kъltunъ*, – ’тот, кто путает, закручивает, например, колосья, со злым умыслом’, в обоснование чего приводят производные разветвленной глагольно-именной семьи с этим корнем **kъlb-*/**kъld-*/**kъlm-*/**kъlt-* (ср. укр. диал. *ковба́ситься* ’скручиваться (о нитках)’ и рус. диал. *ко́лбасить* ’колдовать’ (ЭССЯ 13, 185). Этот ряд можно продолжить за счет бел. диал. экспрессивных глаголов *накоўба́сіць* ’няроўна напрасці’ (ТС 3, 136-137), *кілба́сіца* ’блытаць’ (ЭСБМ 5, 32), а также бел. диал. *калтун, каўту́н, коўту́н* ’колтун; пучок волос; колосья, закрученные со злым умыслом’ (СБГ 2, 380, 508), восходящего к праслав. **kъltunъ* (ЭССЯ 13, 191). Рефлексы праслав. лексемы представлены рус. *ковтун, колтун* ’болезнь волос, которые сваливаются в неразделимые космы, войлок (колтун бывает и у лошадей, в гриве, и кучера приписывают его прическе домового’ (Д. П, 143), также диал. *ковтун* (СРНГ 14, 34), брянск. *колтун* ’комок спутанных ниток, пеньки’ (ЭССЯ 13, 191), ’путаник; мошенник’ (Эл. 161), *колтуны* ’волосы, лохмы, космы’ (СРНГ 14, 196), *колтун* ’болезнь’ (Добр. 335), ст. укр. *ковтунъ* ’болезнь’ (ЭССЯ 13, 191), бел. *каўтун* ’каўтун’: У яе на галаве каўтун, ён з ляку бывае і з таскі; ’зблытаныя валасы’ (Янкова 155); ’хвароба валасоў’ (Сцяшк. 225), *ковту́н* ’колтун, пучок

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ниток’ (ЛП 42), *коўтун* ’каўтун’, ’пакручанае валакно льну, касмыкі кудзелі’ (СБГ 2, 508); *коўту́н* ’неспряденная и негодная для пряжи без дополнительного расчесывания часть мычки’ (ЛП 219).

Факт этимологического родства праславянских лексем и наличие возможной семантической мотивации бел. *каўтун* ’болезнь, напускаемая колдунами’ позволил В.Л.Вереничу установить отношения производности между **kъldunъ* > **kъltunъ* (Вярэніч 1976, 57; Вярэніч 1972, 72-73).

Однако вслед за авторами ЭССЯ можно признать генетическое тождество данных лексем (ЭССЯ 13, 185) с общей архесемой ’гнуть, вязать’. Тогда становится понятной причина семантического параллелизма исходных единиц: например, в белорусских говорах *калтун, каўтун* и *калдун* могут выступать как дублетные в значениях ’каўтун’: Некалі казалі і што як калтун сав’ецца – астрігаць нельзя. Валасы саб’юцца ў калтун і атрасце, яго абрэзаць і трэба несці закапаць, не аглядаючыся. Каўтун – то такі кумяк валасоў, што неможно яго расчасаць, абрэзаць, бо ўпадзе ў мозгі – і памрэш. Мусі, нячыстая сіла вяжа гэтого каўтуна. Мела дзеўка калдун: салдаты спужалі – і калдун стаў. Казалі, што калдун нельзя зразаць, як зрэжаш – здурэеш; ’жмут валасоў, які выкарыстоўваецца для прычоскі’; ’наўмысна зробленая ў жыце закрутка з каласоў са злым намерам. Некалі казалі: калдун у жыця, ні чапай калдуна, нада яго абжаць, нехта пакалдніў’; ’пакручанае бурай збожжа’: Віхор паклаў жыта і павіў у калдуны, і сярпом не звернеш’; ’амяла’ (СБГ 2, 379-380), *калдун* и *каўтун* (Сцяшк. 207), *калдуны* и *каўтуны* ’злямчаныя валасы’ (ММГ 1974, 76, 79).

Семантический параллелизм свойствен также рус. зап. *колдуны, колтуны* ’вареники с мясом’ (Д. П, 135), *колтуны, колдуны* ’блюдо или яство, приготовляемое в западн. губ., пельмени’ (Д. П, 143), рус. разг. *колдун, колдуны* ’маленькие жареные пирожки с начинкой из рубленого мяса с жиром и перцем’ (СРЯ П, 71), бел. *калдуны* ’пельмені; яда з мукі і мяса’ (Бяльк. 218), *калдун* ’варэнік з цёртай бульбы з мясам’ (Янкова 148); ’варэнік з мясам або з грыбамі’ (Сцяшк. 207); *калдуны* ’галушкі з начынкай’ (СБГ 2, 372), *кулдуны* ’бульбяныя галушкі’ (СБГ 2, 563), *колду́н* ’галушка з начынкай’ (ДСБ 101).

Учитывая бел. *кавду́н, коўдун* ’жывот (у жывелы)’, ’страўнік’ (ДСБ 83), *калду́н* ’страўнік’ (СБГ 2, 371), можно предположить следующий путь формирования кулинарного значения: ’отварная требуха’ → ’вареники, пирожки с требухой’ → ’вареники с мясом’ (ЭСБМ 4, 149) с исходной семантикой изогнутости, характерной для наименований желудка (см. например, бел. *коўб* ’страўнік’ (ЭСБМ 4, 139)). Однако можно предположить и другие способы номинации: например, по наименованию начинки (первоначально) из рубленого («крученого») мяса или по признаку способа приготовления, поскольку любая начинка *заворачивается* в тесто. Не исключено также название вареников, пельменей, пирожков по признаку изогнутой формы, что также не противоречит семантике исходного корня. Таким способом оформилось значение заимствованной лексемы *пельмень* (Фасм. Ш, 230), а также ряда исконных, например: рус. диал. *вушки* ’вареники с рубленым вареным мясом’ (Р. 69); бел. *камы* ’клёцкі, начыненыя мясам’ (СБГ 2, 392) и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Закономерно сосуществование также астрах. *колдун* ’плут, ловкий обманщик’ (СРНГ 14, 117) и *колтун* ’путаник, мошенник’ (Эл. 161).

Итак, общая семантика *колтун* сводилась к обозначению пучка ниток, пеньки, волос, колосьев – всего, что объединено общей семой гибкости, откуда потом вполне логично формируются семемы ’болезнь’ и (бел. диал.) ’колосья, закрученные со злым умыслом’.

Что же касается лексемы **kъldunъ* ’чародей’, то она оказывается «порождением земледельческой идеологии» (Трубачев 1988, 307), поскольку «…у славян продолжалась, причем так и не завершилась сублимация более низовых антропоморфных анимистических представлений и их обозначений. Поэтому для древнеславянских верований более присуще наличие относительно примитивной магии, колдовства» (Трубачев 1991, 171), что вполне совместимо с представлением о колдуне как ’лице, закручивающем колосья со злым умыслом’ (ср. смол. *заломы заломляць* ’способ колдовства на растущем хлебе с целью отнять урожай или принести несчастья и болезнь хозяину поля’ (СРНГ 10, 220), бел. *зало́мщица* ’колдунья, делающая заломы в стоячем на поле хлебе’ (Нос. 173), отсюда экспрессивность, уничижительность наименования.

Действительно, номинации лиц, занимающихся магической деятельностью, соотносятся с названиями этой деятельности, что подтверждается наличием синонимичных наименований колдуна: др.-рус. *узъльникъ, узольникъ* ’изготовитель чародейственных навязей’ (Срезн. Ш, 1174), *наузник* и *узольник* ’знахарь, занимающийся навязыванием амулетов’ (Афанасьев 379), *на́узник* и *на́узница* ’колдун, ворожея, знахарь’ (Д. П, 488) и соответственно *на́узить* ’колдовать, знахарить, заговаривать, нашептывать’ (Там же). «В Малороссии колдун называется *каверзник*, т.е. вяжущий, что соответствует тверскому *наузник* собственно делающий наузы» (Потебня 1989, 369), поскольку «вязать значит колдовать» (Там же 368).

В эту же группу входят прибайк. *кобе́нник* ’колдун’ с толкованием: «Кобенник хлеб заломит» (СРНГ 13, 357); укр. *чаклу́н, чаклій* ’колдун, чародей’ – ср. *чаклува́ти* ’колдовать’: Як усі полягають спати, а вона й вийде на двір та й махне рукою. Та куди махнула, туды й хмари пійдуть’ (Гринч. IV, 443), *зачаклува́ти* ’заколдовать’ (Гринч. 2, 115), *учакловати* ’околдовать, заколдовать’ (Гринч. IV, 369), *почаклува́ти* ’поколдовать’ (Гринч. 3, 390).

Дополнительным аргументом в пользу существования взаимосвязи между витьем, вязанием и колдовством является общеслав. **kuzlo* (производное с суффиксом *-zl-* от корня **kovati, *kujǫ*), реализовавшееся в бел. диал. *ку́зла* ’закрутка из хлебных колосьев в поле, сделанная с колдовской целью’ (СБГ 2, 558-559), чешск. *kouzlo* ’колдовство, чары’, слвц. *kúzlo*, в.-луж. *kuzło* в том же значении (ЭССЯ 13, 142-144) и **kuzl arь*: ст.чешск. *kuzlléř* ’волшебник’, в.-луж. *kuzłař*, н.-луж. стар. *kuzłař* ’чародей, волшебник’ (ЭССЯ 13, 142).

Аналогичный семантический переход наблюдаем в рус. диал. *ку́клы* ’колосья ржи или овса, особенным образом завязанные с левой руки на правую’ (они делаются колдунами на чью-нибудь голову или на чей-нибудь скот или хлеб. Кто снимет куклу, тот будто бы умрет) → ’колдовство’ в тех же орловских говорах (Буслаев 1861, 195). В белорусских говорах данная лексема по-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мимо указанного значения ’кузла’ (Нехта закруціў куклу ў жыця, мусіць, нешта заваражыў, кап ты галавой налажыў) (СБГ 2, 561; Сцяшк. 248) имеет обрядовое значение ’борода’ – ’звязаны пучок нязжатых каласоў, што пакідалі ў час дажынак жыта’ (Трэба куклу закруціць, казалі раней, палолі, каменьчыкамі абкладалі, хлеп клалі, дажынкі спявалі) (СБГ 2, 561), что подтверждает нашу мысль о единых мифологических истоках соответствующих верований; а также ряд конкретных значений, обусловленных первичной семантикой корня **kuk-* (ЭСБМ 5, 150): ’скрутак валакна льну, канапель’, ’жаночая прычоска’ (СБГ 2, 561; Сцяшк. 248; ДСБ 115). Значения же *кукла* ’знак забароны’ (ММГ 1974, 86), ’метка ў жыце – звязаныя вузлом каласы’ (Сц. 84; ДСБ 115) выводимы из сакральных значений данной лексемы.

Таким образом, с учетом исходной семантики представляется естественной негативная маркированность семантики *колдун* и производных значений. Характерно, что эта негативная коннотация, предопределенная мотивирующим признаком, отчетливо ощущалась даже в хронологически продвинутых текстах с заметным христианским влиянием, о чем свидетельствует следующий способ смыслового различия между номинациями с общей семемой ’чародей’. Так, «не нужно смешивать колдуна со знахарем; разница между ними та, что колдун – отщепенец веры, не носит креста, не ходит в церковь, а если и ходит для виду, то не молится, если причащается, то не глотает святые Дары, всем вредит, но не пользует; напротив, знахарь – человек совершенно другого закала, он истинный христианин, он врач и благодетель для всей окрестности, но не враг, он не портит, а выгоняет порчу, на что у него есть свои приметы» (Русский народ 221). Аналогичный подход наблюдается в следующем контексте: «Даўней, як *калдун* зробіць *плахое* на доўгае врэмя, то шукалі *знахара* каб адрабіў» (СБГ 2, 371).

В связи с этим появление у лексемы *колдун* вторичных значений, характеризующихся ослабленной негативной маркированностью либо ее отсутствием, можно объяснить забвением мотивирующего признака, расширением исходного семантического объема, влиянием парадигматических связей внутри лексико-семантической группы. Речь идет о значениях типа *колдун* ’знахарь’ (пермск., арх., ворон.) (СРНГ 14, 117; СРГСУ П, 37). Кроме названных причин здесь следует отметить возможность номинации лица, обладающего сокровенным знанием, по наименованию субъекта, занимающегося чародейством.

Тем же комплексом причин вызвано формирование вторичной семантики рус. диал. (свердл.) *колдун* ’дружка на свадьбе’ (СРНГ 14, 117; СРГСУ П, 37) на базе ’участник свадебного поезда, выполняющий специальные обрядовые функции, назначение которых сводилось к предохранению молодых от порчи, что входило в сферу деятельности чародея’.

Так, несмотря на существование особого рода «специализации», отразившейся в номинациях чародеев (см., например, в связи с этим перечисление лиц, одаренных «вещею силой», избранных, знакомых с «колдовством и чарами» (однородная конструкция показательна) в работе Ф.И.Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства»: «…*шептун, шоптун* в калуж., новг., согласно с глаголом *шептать* – колдовать; *вÛщунъ,*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

вÛщица в сибир., в связи с названием сороки *вÛщицею*; *знаткой* в арх. как эпитет в соответствие сущ. знахарь; *вÛдьмакъ* в кур., смол.; *вÛжливецъ* не только просто колдун, но и оберегатель и распорядитель свадьбы в прм.; *выре́й* в связи с глаголом *вырить* – нашептывать, ворожить в твер.; … *волхитъ* собственно большой колдун в волог., *волхитка* волог., сибир., *ворожбитъ* псков., *во́рог* курск., орлов., *окудникъ* рязан., *кавникъ* рязан., *вархомо́лъ* твер., *еретикъ* и *еретникъ* вят., пенз., прм., *порте́жникъ* по преимуществу чародей, имеющий средства портить людей болезнями, в арх.; *обми́нъ* собственно оборотень в новгор.» (с. 193-194)), соответствующие лексемы, находящиеся в синонимических отношениях (следует учесть и территориальную закрепленность), обнаруживают способность взаимозаменяться, что вызвано утратой значимости признака, легшего в основу номинации; расширением семантического объема лексемы *колдун*. Так, например, в словаре В.И.Даля понятие *колдун* определяется через синонимию ’чародей, волхв, волшебник, знахарь; ворожея, гадатель’ (Д. П, 135), ср. также в связи с этим диал. значения глагола *колдовать* ’гадать, ворожить’, ’лечить с помощью наговоров’ (СРНГ 14, 116).

3.2. Помимо лексических единиц, имеющих прямое отношение к магической терминологии, мифологический мотив узла можно проследить в семантической структуре современных вторичных номинаций, лишенных сакрального смысла. Аналитически не выводимое из первоначальной семантики, значение таких номинаций при этнолингвистическом подходе отражает внутреннюю логику образности народной речи, обнаруживая смысл, восходящий к мифологическому праобразу, архесему.

Вера в то, что «закручивание колосьев на ниве на погибель хлеба, скота и людей (залом, закрутка, завиток), до сих пор наводящее ужас на целые села» (Потебня 1989, 368), действительно приведет во власть колдуна, проявляется в семантической структуре ряда глаголов, в которых наряду с первоначальной семой ’вязать’ находит свое выражение и вторичная ’действовать в соответствии с чьей-либо волей’, например: рус. *навязать* ’заставить, принудить принять что-либо против желания, против воли’ (СРЯ П, 336), диал. *навязать* ’обременить кого чем против воли, заставлять принять что’ (Д П, 391); рус. разг. *ввязать* ’вовлечь в какое-либо (обычно нехорошее, неприятное) дело; впутать, вмешать’ (СРЯ 1, 141), диал. *ввязывать* ’впутывать кого во что, вовлекать’ (Д 1, 171), *ввязаться* ’запутаться, погрузиться в какое-нибудь дело; последовать за кем против желания’ (Добр. 54); рус. *привязать* ’заставить, вынудить, постоянно быть, находиться где-либо’, ’внушить привязанность, заставить привязаться’ (СРЯ Ш, 399).

Аналогичным путем происходило формирование вторичной семантики рус. диал. *зачаливаться, зачалиться* ’привязываться’ ← *зачаливать, зачалить* ’крепить, вязать, привязывать, завертывать веревку’ (ср. *чалить* ’вязать или привязывать’ (Д 1, 662); *склячить* ’притеснить’ ← ’связать, сжать’ (Потебня 1989, 361); рус. диал. *заму́здывать, замузда́ть* ’подчинять себе кого-либо’, ’ставить кого-либо в затруднительное положение какими-либо обязательствами, условиями’ – ср. первичное значение глагола ’зауздывать’ (СРНГ 10, 262);

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

бел. диал. *залыга́ць* ’подчинить себе кого-либо; добиться власти над кем-либо’ ← ’набросив веревку на рога, шею животного, захлестнуть ее или завязать узлом’ (Шкраба 73-74; Янк. 76, 82; ДСБ 71); укр. *запетлювати* ’лишить свободы, забрать в руки’ ← ’завязать петлей, затянуть петлей, связать’, *запетлюватися* ’закабалиться, наняться на тяжелую службу’ ← ’завязаться петлей’ (Гринч. 2, 77) - ср. рус. *запетливать, запетлить* или *запетелить* ’поймать кого, что в петлю’ ← ’заделывать петлями, завязти сеткою’ (Д 1, 614).

Вероятно, на основе аналогичных ассоциаций сформировалось переносное значение глагола *связать*: др.русск. *съвzзати* ’покорить’, ‘наложить епитимию’, ’осудить’ (Срезн. Ш, 685). Показательны контексты, в которых реализуется указанная семантика, например: «Умре безсмертным, да діавола свяжеть» (Там же). Ср. в связи с этим фрагмент молитвы: «…Врата медныя стери еси, и верия железныя смолил еси; крепкаго *связал еси*, и сосуды его разрезал и мучителя крестом Твоим низложил еси, и змия удицею вочеловечения твоего привлек еси и *узами* мрака, в тартаре посадив, *связал еси*…» (Русский народ 324).

В современном русском языке глаголы *связать, вязать, связывать* зафиксированы в прямом ’стянуть, спутать чем-либо (руки, ноги), лишив свободы движений’ и переносном ’лишить возможности действовать свободно, стеснив какими-либо условиями, обязательствами’ (СРЯ IV, 57) значениях – ср. стар. *связь* ’обязательство, долг’, *связа* ’преграда, помеха’, ’духовное запрещение’ (Д IV, 160).

Утрата внутренней формы свойственна однокоренному рус. *обязать* (с исторически затемненной корневой морфемой), сохраняющему исключительно вторичные значения ’вменить кому-либо в обязанность, предписать, сделать обязательным исполнение чего-либо’, ’вызвать у кого-либо чувство признательности, благодарности, желание ответить услугой за услугу’ (СРЯ П, 582), диал. *обязать, обязывать* ’заставлять или нудить, принуждать, приневоливать, налагать долг, бремя, службу, работу, образ действий’ (ср. церковн. *обязало* ’обвязка, повязка, перевязка’, стар. *обязь* ’перевязь через плечо для оружия’ (Д П, 640); бел. *абавязаць* (с этимологически не затемненной корневой морфемой) ’потребовать от кого-нибудь что-нибудь исполнить; возложить на кого-нибудь обязанности’ (ТСБМ 1, 30).

Вероятно, не только влиянием первичного значения ’связать, вследствие чего ограничить движения’, но и возникшего на его основе переносного ’лишить возможности действовать свободно’ обусловлена внутренняя форма однокоренных номинаций с общей семантикой ’невольник’: *связень, узник, вязень* и т.п.

Аналогичные семы можно выявить в семемном составе некоторых, вероятно, генетически однокоренных абстрактных лексем, например: рус. *обуза* ’тягостная обременительная обязанность, забота’ (СРЯ П, 573), бел. *абуза* ’излишняя забота, хлопоты’ (Нос. 1) (ср. структуру др.рус. обузъ% об.зъ ’перевязка, повязка’, ’гадание, колдовство’, ’тяжесть, бремя’ (Срезн. П, 558). Традиционно появление отвлеченной семантики определяется в результате осуществ-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ления семантического сдвига в направлении ’повязка’ → ’привязанный груз’ → ’все, что угнетает’ (Фасм. 3, 109; Баханькоў 1969, 163).

Однако учет бел. синонимичного *петля* ’неприятная обязанность’ (Нос. 413), не связанного с идеей груза, а также диалектной семантики рус. западн. *наделать обузы* ’зла’ (Д П, 628), бел. *абуза* ’дурное поведение’, ’злоупотребление’ и дериватов бел. *абузный* ’неприличный, неприятный’, *абузничаць* ’шалить, неприлично поступать’, *абузница* ’шалунья’, ’распутная женщина’ (Нос. 1) позволяет несколько скорректировать эту логичную, на первый взгляд, версию. Действительно, семантика перечисленных выше лексем не выводится из предложенной семемы ’всё, что угнетает’ с актуализацией сем ’груз’, ’гнет, тяжесть’. Однако формирование вторичных сем ’обязанность’, ’дурное поведение’, ’зло’, ’распущенность’ закономерно осуществляется на базе исходного значения корня (*обуза* < *ob-vǫza (ср. *обвязать*) (ЭСБМ 1, 60). Путь семантического развития мог бы быть представлен следующим образом:

’вязать’ →	’колдовать’ (см. обузъ% наузъ): представление о колдовстве как деятельности, отличной от общепринятой, от обыденной, нормальной	→ ’подчинить своей воле’ → ’обязанность’ → ’зло’ → ’дурное поведение’ и т.п.

По-видимому, переносное значение рус. *уздá* ’то, что является сдерживающей, обуздывающей силой’ обусловлено буквальным значением ’привязь’ посредством промежуточного ’часть сбруи, надеваемая на голову лошади и других упряжных животных для управления ими – ремни с удилами и поводья’ (СРЯ IV, 474) (см. обзор этимологий; Откупщиков 1967, 140; ЭСБМ 2, 216).

Семантический параллелизм свойствен рус. *узы* ’то, что стесняет, обременяет, ограничивает свободу действий’ ← устар. ’цепи, оковы, путы’ (СРЯ IV, 477), обладающему достоверной этимологией (Фасм. IV, 152) и родственному *узел, вязать*.

Таким образом, проявление вторичных значений ’действовать в соответствии с чьей-либо волей’, ’покончить с чем-либо’ и т.д. в семантической структуре глаголов со значением ’вязать’, действительно, может быть связано с древнейшей магической практикой и той ролью, которая отводилась в ней соответствующему действию, ведь до настоящего времени глагол *заколдовать* с архесемой ’вязать’ имеет значение ’подчинить колдовской, волшебной силе (по суеверным представлениям); зачаровать, заворожить’ → ’подчинить своему влиянию; очаровать’ (СРЯ 1, 529); *околдовать* ’по суеверным представлениям, подчинить колдовской, волшебной силе’ → ’подчинить себе, своему влиянию’ (СРЯ П, 608). Аналогичные значения развивают лексемы, внутренняя форма которых хотя непосредственно и не связана с идеей узла, однако сопряжена с наименованиями близких действий, возникших, как и семема ’вязать’, на основе единого образа кривизны, гнутости, например: волог. *запрóклят* ’в суеверных представлениях – заколдован’ (СРНГ 10, 358), а значит, ’подчинен чужой воле’. Таким же естественным выглядит семантический пе-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

реход ’вязать, плести, вить’ → ’лгать, говорить много и попусту’. А.А.Потебня считал, что подобная семантическая трансформация базируется на представлении о том, что «…чародейское слово переходит обыкновенно ко лжи» (Потебня 1989, 368). Впрочем, одно не противоречит другому, поскольку понятия плетения, вязания и т.п. основаны на первоначальной идее ’гнуть’.

Взаимосвязь указанных значений наблюдается в семантической структуре ряда русских и белорусских образований, например: рус. диал. (южн.) *у́злить, узлять* ’сплетничать, переносить и наговаривать’ ← ’вязать узлы, путать что’ (Д IV, 479);

рус. диал. *ве́рзить* и *верзти* ’врать, лгать, бредить, городить пустяки’ (Д 1, 181), бел. *вярзьці* ’лгать’ (Бяльк. 128), *вэрзаць* ’гаварыць недарэчнае, несці лухту’ (СБГ 1, 383); *верзаць* ’гаварыць абы-што’ (ММГ 1974, 34), *верзці* ’гаварыць не да ладу’ (Сцяшк. 80), *ве́рзьць* ’гаварыць небыліцы’ (Бяльк. 106), – ср. рус. *верзни* ’летние лапти из шелюги или бересты’ (Д 1, 181), др.рус. *верзати* ’вязать’, рус. *поверeсло* ’завязка’ (см. Куркина 1974, 79). Сюда же отнесем производные рус. диал. *каверза* ’сплетня, клевета’; *каверзу сплесть* ’сказать неправду’ (ср. *каверзе́нь, каверзни* ’лапоть, лапти из лык; плетется очень редко; подошва плетется чаще, а верхняя головка в одну редь; лыко не плетется, а перебрасывается’ (Добр. 303), бел. *кывярзе́нь* ’кавярзень, лапаць’, *кывярзыць* ’няўмела плесць лапці’ (Бяльк. 241), *скывірза́ць* ’сплесці (няўдала, няўмела)’ (Бяльк. 410).

Прозрачную внутреннюю форму сохраняют рус. разг. *плести* ’говорить что-либо, обычно несуразное’ (СРЯ Ш, 140), диал. *наплесть* ’наклеветать’ (Добр. 453), бел. *плесць* ’плести’, ’лгать’, ’клеветать’, *плета́ць* ’лгать’ (Нос. 418), диал. *плесці* ’казаць, гаварыць абы-што’ (Сцяшк. 374), сюда же производные рус. диал. *плётки, сплётки* ’сплетни’ (Р.) – ср. *плётка* ’стебель огурцов, тыквы, клубники’ (Ман. 155); бел. *плётки* ’сплетни’, *плётка* ’сплетник, сплетница’, *плетня* ’клевета, ложь’ (ср. *плётка* ’уменьш. от плеть’ (Нос. 418), *плетня* ’плёткі, хлусня’ (ср. ’галлё, якім заплятаюць пляцень’ (ТС 4, 58), *плётка* ’ілжывая чутка’: Гэто плётка, гэто вон сам з себе вуплёў (ср. ’бізун’) (ТС 4, 60); *сплётка* ’плётка’ (ММГ 1974, 151); укр. *сплітати, сплести* ’выдумать, сочинить’ (Гринч. IV, 179-180) ← ’сплетать, связывать, свивать’ (ср. *плести́* ’плесть, вязать, вить’ (Гринч. 3, 194)); *виплітáти, виплести* ’выдумывать, сочинять, врать’ ← ’выплетать, сплетать, связать’ (Гринч. 1, 177).

На том же образе основана семантика ряда фразеологизмов, например: *плесці плота бес колкоў* ’гаварыць глупства, узводзіць паклёп’, *плесці кошэлé без ду́жок* ’гаварыць лухту’ (ТС 4, 58), *пляце кашалі з лапцямі, пляце андроны* ’гаварыць глупства’ (Высл. 96, 451), *плесці верэньку* ’хлусіць’ (ДСБ 279), *плести лапти*: Ему черт лыки дерёт, и он лапти плетет ’врёт’ (Посл. 176); *не гні вязелля* ’не займайся пустаслоўем’ (Высл. 75), где *вязелле* ’кара маладога вяза, з якой плялі лапці’ (Высл. 448).

Наряду с переносной первичная семантика очевидна также в бел. *пу́таць* ’врать’ ← ’спутывать путами’ (Нос. 539); рус. диал. *апу́тать* ’обмануть’ ← ’опутать’ (Р. 43); бел. диал. *блу́таць* ’гаварыць недарэчнае, несці лухту’ (ср. *блу́тацца* ’блытацца’: Ніткі блутаюцца) (СБГ 1, 197), *нальга́ць* ’нахлусіць’ (ср.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

налыга́ч ’рэмень для папарнага звязвання валоў пры аранні’ (СБГ 3, 159)), *злыга́ць* ’схлусіць’ ← ’звязаць разам (пра валоў)’ (СБГ 2, 312).

Эту же сему манифестируют рус. диал. *колдун* ’плут, ловкий обманщик’ (СРНГ 14, 117) (ср. рус. диал. *человÛк съ вузломъ* ’хитрый, коварный, скрытный’ (Добр. 13), рус. (смол.) *вереня* ’мастер рассказывать небылицы’ – ср. *vern’a ’сеть’, ’веревка’, ’корзина’, ’лапти’, ’вязанка дров’ и т.д. (Меркулова 1980, 104-105).

Вероятно, отсюда появляется с течением времени негативный оттенок у группы лексем с исконным корнем *vět- со значением говорения, имеющих отношение к ораторскому искусству. В этих же лексемах произошло замещение гласного в корневой морфеме, вероятно, под влиянием *вить*. Казалось бы, «…у всех славян … звук *вит-* производит от себя слова, означающие силу духа человеческого, проявляющуюся в высших нравственных подвигах, каковы: поэтическое творчество, гадание и чародейство, знание и врачевание, суд и расправа» (Буслаев 1848, 172). Тем не менее рус. *витиеватый* ’лишенный простоты, напыщенный, цветистый (о речи)’ (СРЯ 1, 178); у Даля с пометой «укорно» (Д 1, 208); книжн. устар. *витийство* ’красноречие’: Почто в груди моей горит бесплодный жар, И не дан мне витийства грозный дар. Пушкин. Деревня (СРЯ 1, 178), ’красноречие искусственное, а потому более или менее напыщенное, риторическое (Д 1, 208), книжн. устар. *витийствовать* ’ораторствовать, говорить красноречиво’: Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу. Пушкин. Недвижный страж дремал на царственном пороге (СРЯ 1, 178), ’отличаться витийством, стараться говорить или писать красно, цветисто, узорочно и приторно’ (Д 1, 208), *вития* традиц. поэтич. ’оратор, мастер красноречия, устного или письменного’: О чем шумите вы, народные витии? Пушкин. Клеветникам России. И устремлялися все взоры на него, И силой слова своего Вития властвовал. Баратынский. Рифма (СРЯ 1, 178), ’оратор, ритор, краснобай, краснописец, красноречивый словесник, краснослов, речистый человек’ (Д 1, 208). Как видно из приведенных контекстов, в речи А.С.Пушкина, Е.А.Баратынского слова не несут негативных коннотаций. Однако в народной речи красивая речь сближается с обманом. Впрочем, не исключено развитие переносного смысла по той же модели, что и ’чародей’ → ’плут, мошенник’, поскольку даже контексты свидетельствуют о власти слова (см. Баратынский). Следовательно, человек, умело владеющий словом, имеющий власть над словом, обладал властью над людьми, что роднило его с чародеями. Поэтому значения ’красноречие’, ’оратор’ закономерно включают и семы ’обман’, ’мастерство’, ’искусство’, как в исходном ’гнуть’.

Сама операция связывания, как известно, предполагает единство, состояние общности. По этой причине «семантическая мотивировка таких понятий, как вера, религия, согласие, дружба, верность и т.д. отсылает к идее *связывания, связи*, которая актуализируется», например, в этимологии лат. religio < ligo ’вязать’, ’связывать’ (Топоров 1984, 21).

Производная сема единства, общности проявляется в семантике вторичных лексем с четкой внутренней формой ’узел’, например: рус. *узел* ’место схождения, пересечения чего-л. (дорог, рек и т.п.)’, анат. ’место скопления

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

каких-л. клеток, выполняющих в организме одинаковую функцию', бот. 'место, участок стебля, от которого отходит лист или развиваются новые побеги', 'часть механизма, технического устройства, представляющая собой соединение тесно взаимодействующих деталей', 'пункт сосредоточения чего-л.' (СРЯ IV, 475), техн. *узел* 'часть машины, механизма, установки и т.п., состоящая из нескольких более простых элементов (деталей)', 'совокупность функционально связанных сооружений, машин или др. устройств', 'пункт на пересечении неск. ж.д. линий', 'точка соединения ветвей электрической цепи', 'часть сооружения в месте соединения нескольких стержней и т.п. элементов в строительных конструкциях', 'одно или несколько помещений, в которых установлены сан. приборы' (СЭС 1370).

Возможно, одной из причин мифологической значимости узла была одна из форм примитивного, узелкового письма, находящегося, как известно, в первую очередь, в сфере деятельности жрецов. Умение передавать и получать информацию таким способом находится в тесной связи с обладанием сокровенным знанием, что могло бы обеспечить данному понятию статус мифологемы. В подтверждение этой мысли приведем фрагмент из «Русских Вед»: «Стал расти Волх могучий, сын Змеевич, не по дням и годам – по минуточкам. Захотелось ему много *мудрости*. Научился *узлы* он *завязывать*, научился *клубки* он *прочитывать*, научился славить Сварога, и Семаргла, и Рода небеснаго» (С. 67). Такой естественный взгляд на узел как элемент, составную часть чего-нибудь сохранился, например, в семантике метафорического по своей природе и далекого от мифологических воззрений термина *узел дерева*, используемого математической лингвистикой: дерево синтаксического подчинения, или просто дерево подчинения, есть дерево, множеством узлов которого служит множество вхождения слов в предложение' (ЛЭС 288).

Способность узла передавать, сообщать живому существу могущество, власть отразилась в семантической эволюции рус. *сила* 'способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия человека, животного', 'способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных или душевных свойств (воли, ума, характера и т.п.)', 'могущество, власть, авторитет' и др. (СРЯ IV, 91-92), рус. диал. *сила* 'источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движения, стремления, понуждения, всякой вещественной перемены в пространстве, или начало изменяемости мировых явлений', 'власть, могущество, влияние, владычество, чисто нравственное или поддержанное страхом кары' (Д IV, 184-185), диал. *сила* 'имущество; имущественное состояние, достаток' (СРНГ П, 178), бел. *сила* 'множество', 'верх, власть' (Нос. 579), генетически родственных *силок, сито* (ср. др.рус. *сило* 'петля' (Срезн. Ш, 351), рус. диал. *сило* 'петля удавкой' (Д IV, 185), бел. диал. *сіло́* 'сіло, пятля для лоўлі звяроў і птушак' (ТС 5, 35), укр. *сіло* 'петля, силок' (Гринч. IV, 126), *сили́ти* 'завязывать узел' (Гринч. IV, 119), рус. диал. *варежка* 'сила, мочь' (Потебня 1988, 362), *бежать во всю варежку* 'изо всей мочи, во весь дух' (Д 1, 165), ср. *варежка* 'везянка', 'рукавица', 'веревка' (Там же).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

«Каким образом, например, возможно было бы существование научного понятия о силе, если бы слово *сила* (корень *си*-, вязать) постоянно приводило на мысль представление вязанья, бывшее одним из первых шагов мысли, идеализирующей чувственные восприятия, но уже постороннее для понятия силы?» (Потебня 1990, 50).

По мнению А.А.Потебни, «если вязанье … можно объяснить из положения связанного человека, то из связи вязанья и силы можно заключить, что *сильный* представлялся имеющим возможность вязать» (Потебня 1990, 362). Взаимозависимость сем ’вязать’ и ’сила’ можно выявить в семантической структуре ряда вторичных номинаций, например: бел. диал. *ув’язны* ’моцнага складу’: Була ўв’язна така, здорова, сама ек каліна, ек кроў з молоком’ (ТС 5, 177); рус. диал. *гас* ’силач’, *гасила* ’борец, отважный буян, боец, силач, кутила’ (Д 1, 345) (ср. петерб., вят., новг. *гасник, гашник* ’шнурок’ (Потебня 1989, 362), *узластый* (человек) ’весьма стойкий или упорный’ (Д IV, 479). Показательны в этом отношении рус. загадка «Узловат Кузьма, развязать нельзя» (Там же), отгадка которой – цепь, замок – помогает установить закономерности семантического развития, унаследованные из архаической мифопоэтической традиции (ср. также *Загадка эта узловата* ’разгадать нельзя’ (Там же)), и белорусские пословицы: «Хоць тонкі, дак вузлаваты», «Хоць караткаваты, да вузлаваты» (Прык. 2, 204, 205).

Значение единства, общности, силы характерно также для рус. *сплестись* ’соединиться, слиться друг с другом’ ← ’переплестись, перепутаться; переплетясь, образовать что-либо (о чем-либо гибком, вьющемся)’ (СРЯ IV, 225), диал. *сплестись* ’объединиться для совместной работы’ (СРСГ П, 197).

бел. *сплесціса* ’счапіцца’ (ТС 5, 84); бел. диал. *злыгаць* ’аб’яднаць’ (Янкова 137) (ср. *злыгаць* ’звязаць разам (пра валоў)’ (СБГ 2, 312);

рус. *связать* ’соединить, объединить чем-либо, соединить во что-либо (целое)’, специальн. ’соединить, скрепить части, детали чего-либо’ (СРЯ IV, 58), *связывать, связать* ’находить в чем общность, нераздельность, причину и следствие и пр.’ (Д IV, 160), бел. *завязываць* ’присоединяться’ (Нос. 163); рус. *связь* ’соединение, скрепление чего-либо’ (СРЯ IV, 59), *связь* ’соединенье, скрепа, сцепленье, совокупленье, соотношенье, зависимость, причинное средство’ (Д IV, 160), бел. *связь* ’соединение’ (Нос. 201), *звязáнне* ’то же’ (Там же) (аналогичная семантическая мотивировка рус. *кавяза* ’скопище, шайка’ (Добр. 304); рус. *узловина* ’скоп, стачка, заговор’ (Д IV, 479), др.рус. *вьрвь* ’община’ (Срезн. 1, 461)).

Устойчивые связи с этимоном, с образным «празначением» обнаруживает глагол *распоясаться* ’снять с себя пояс’ → разг. ’утратить всякую сдержанность, стать распущенным, наглым’ (СРЯ Ш, 656). Слабо мотивированный с точки зрения современного языкового сознания этот семантический переход выглядит вполне закономерным при реконструкции для славянской духовной традиции мифологемы *Пояс*. Сознавая всю сложность ее символических связей, выделим лишь явную соотнесенность с мифологическими функциями узла магических актов витья, вязания, плетения. Следы такой соотнесенности можно отыскать и в языковом материале (ср., например, синонимию *пояс – вязло*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

’пояс’ (Д 1, 337), вторичные значения которого описаны выше, а также толкование лексемы *беспоясник* ’бранное прозвище, придуманное раскольниками, считающими смертным грехом молиться без пояска, опущенного ниже пупа’ (Д 1, 71)).

В народном сознании существовало представление о распоясывании как магическом акте, который предшествовал контакту с нечистой силой. «Характерно, что один из персонажей низшей мифологии – леший – обычно описывается как антропоморфное существо без пояса («леший никогда не подпоясывается»). Участвующие в обряде опахивания женщины и девушки, производя устрашающие магические действия и произнося соответствующие заклинания, расплетали волосы и надевали рубахи без пояса…» (Коваль 1994, 88).

Этим же вызвана необходимость развязывать пояс при гадании или перед сном, см., например, быличку, записанную В.Н.Добровольским: «Як калдун людей заидаў, каторым спать лажомшись, ня кстились, ворыта ни растягывали и ни распоясывались; заемши тых людей, калдун кроў их лактаў» (Добровольский 113).

Только в кругу подобных этнокультурных фактов проясняются мифологические истоки некоторых русских пословиц и поговорок, например: Для друга сам распояшусь, а его свяжу (Д IV, 160); И наго, и босо, и без пояса (о бедности, убожестве) (Посл. 69); Рассыпался б дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка (Посл. 312).

Таким образом, есть основания полагать, что «мотивирующей базой переносного значения глагола *распоясаться* … могло послужить представление о ритуальном распоясывании, сопровождавшем внешне совершенно «ненормальное», «с отклонениями», выходящее за рамки обычных представлений (и осуждаемое христианской моралью) поведение» (Коваль 1994, 88). Нельзя, впрочем, полностью исключить воздействие на формирование вторичной семантики данного глагола смежного представления о магическом распоясывании (то есть развязывании) как о получении свободы действий, избавления от ограничений, однако, как можно полагать, значение это должно характеризоваться негативной маркированностью по закономерной особенности лексем, обладающих архесемой ’гнутый’. По этой причине идея освобождения от чего-либо (в том числе норм, правил поведения) доведена до такой степени интенсивности, что приобретает черты бесцеремонности, распущенности, наглости. Следует признать, что обозначение отклонений в поведении от установленной нормы также являются закономерными для указанной группы лексики. На эту мысль наводит символическая общность магических приемов распоясывания и развязывания, нашедшая отражение и в народных обычаях (например, «Родильница перед родами прежде всего развязывает на себе все узлы, снимает пояс, скидает дубас, расплетает косы, иногда разрывает стан рубашки» (Русский народ 533) или «Бог ее развязал ’родила’» (Д IV, 21); и в семантической структуре близких лексем, например: устар. *развязаться* ’начать свободно вести себя, утратить скованность, сдержанность – ср. разг. ’освободиться от кого-, чего-либо (стесняющего свободу, обременительного, мешающего) и прямое ’распутаться, разъединиться (о концах чего-либо связанного); прост.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

устар. *развязка* ’непринужденное, свободное поведение, обращение’, *развязность* ’непринужденность, отсутствие скованности, связанности в поведении, обращении; излишняя свобода, фамильярность в поведении, бесцеремонность’; *развязный* ’подчеркнуто свободный, излишне непринужденный; бесцеремонный, фамильярный’, ’выражающий излишнюю непринужденность, фамильярность, бесцеремонность’ (СРЯ Ш, 597); разг. *развязать* ’предоставить свободу действий, освободить, избавить от каких-либо ограничений, чего-либо обременительного’ ← ’распустить, разъединить концы чего-л. связанного’ (Там же); *развязный человек* ’ловкий, свободный в обращении, в приемах, бывалый, в ком не видать стесненья’ (Д IV, 21).

Противоположной ассоциацией можно объяснить развитие вторичной семантики диал. (волог.) глагола *запоясывать, запоясать* ’приостанавливать рост путем опоясывания (о ребенке)’ – ср. первичное значение (ряз.) ’привязывать с помощью пояса’ (СРНГ 10, 351). Согласно обычаю, детей не опоясывают до года от рождения, чтобы не запоясать их роста.

Если *развязать* и *распоясать* реализуют семантику ’освободить от каких-либо ограничений; дать чему-либо развиться, развернуться в полной мере’, тогда лексемы с противоположным по значению префиксом вполне закономерно проявляют семы ’ограничение в чем-либо; подчинение чьей-либо воле’ и т.п., что отразилось в семантической структуре глагола *завязать* (ср. также укр. *зав’язати світ* ’лишить свободы, стеснить’, *розв’язати світ* ’освободить, дать волю’) (Гринч. IV, 108).

Лексика, обнаруживающая в своем семном составе мотив завязывания узла, а также витья, плетения, регулярно развивает любовно-брачную семантику. Исследованию магических приемов, одним из существенных акционально-семантических моментов которых является указанный мотив, посвящены работы А.Ф.Журавлева (1982, 8; 1983, 109-110). Несомненную значимость названного мотива в продуцирующей магии проиллюстрируем лишь несколькими примерами. Так, в западном Полесье, чтобы обеспечить благоприятный исход случки коровы с быком, «берут завяску от мешка, навязывают на рога, после случки снимают и снова завязывают на мешок» (Журавлев 1983, 109). Пояс также осмыслялся как предмет, обладающий продуцирующими свойствами, что нашло отражение в белорусской традиции: «…девушки перед свадьбой … развешивали пояса в сарае, в амбаре, в доме над сундуками. Перед Новым годом хозяйки завязывали поясом попарно различные предметы, чтобы домашние животные «парились», т.е. плодились» (Коваль 1994, 87-88).

Закономерно, что предметы, имеющие непосредственное отношение к витью, вязанию, плетению, оказываются символами любовных связей (путо, узда, налыгачи – ремни, привязываемые к рогам волов, и т.п.). «Путо от любви переходит к значению брака: если девица или холостой найдут нечаянно путо, то это признак скорого выхода замуж или женитьбы (Пензенск. губ.); свахи ходят сватать с путом как символом своего дела или залогом удачи». Отсюда, а может быть, непосредственно поэтому происходит сближение понятий «ловить, путать лошадь» и «любить, сватать девушку» (Потебня 1989, 358-359). Действительно, многие вторичные номинации восходят к лексикализованным

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

терминологическим подсистемам, в частности связанным с конской (воловьей) упряжью, например: *супруг* ’сопряженный браком’, *супруги* ’муж и жена, повенчанная чета’ – ср. *супруг волов* ’спряжка, чета, пара, ярмо’ (Д IV, 362), *упряг волов* ’супруг, ярмо, чета, пара’ (Д IV, 505); укр. *супру́га* ’три или четыре пары волов, комплект, необходимый для плуга’, ’супряга’; *супряга* ’стяжка волов двух или нескольких хозяев для того, чтобы набрать комплект, необходимый для плуга, – такой плуг пашет тогда по очереди каждому из хозяев’, *супру́жник* ’участник в супруге, один из спрягающих свои волы для совместного пахания’, но *супрягачка* ’соучастница, товарка’ (Гринч. IV, 230). Метафорический характер лексемы *супруг* проявляется в проникновенном обращении Кирилла к своему брату Мефодию: «Се% брате% вÛ сепрега бzховÛ% bедине бразде тzжаща% и азь на лÛсÛ падаю% свои д¸нь съконьчавъ» (Жит. Меф. VII) (Трубачев 1985, 10).

А.А.Потебня указывает, что «…под влиянием мысли о связи запряганья с браком слово *супруг* от значения пары волов (или лошадей) перешло к значению мужа и жены, взятых вместе, потом каждого из них (ср. *тягло* ’пара волов, потом муж и жена’) (Потебня 1989, 359), сюда же диал. *запрячь* ’жениться, венчаться’ (Там же); рус. прост. неодобр. *путаться* ’находиться с кем-либо в сожительстве’ (Д П, 688), бел. *путаць* ’соединять браком’ и ’спутывать путами’ (Нос. 539). Однако эти ассоциации брака с пойманным и запряженным животным представляются всё же производными, возникшими на основе понятий о магическом завязывании, тем более что деятельности чародеев в сфере любовно-брачных отношений «народная психология» придавала важное значение. Поэтому в ряде вторичных языковых фактов с прозрачной архесемой ’вязать, вить’ нельзя обнаружить указанной ассоциации (обряд связывания молодых перед венцом) (Добровольский 439), прост. *связаться* ’вступить в любовную связь с кем-либо’ (СРЯ IV, 58), *вязаться* ’ухаживать’ (Д 1, 337); Один вяжется, а другой сватается (Посл. 551); *навязать котелок* ’отвергнуть ухаживания’ (СРДГ П, 155), *повиваться* ’венчаться’ (СРСГ П, 84) и др.

Думается, обе группы лексики развивают любовно-брачную семантику на основе единых закономерных ассоциаций о соединении, общности с кем-либо; подчинении кому-либо, обусловленных представлениями человека о вязании, витье, плетении; причем такая семантическая трансформация лишена была, наверное, поначалу непосредственной любовно-брачной ориентации; в силу чего вторичные номинации имели более широкую семантику ’объединить чем-либо’, ’установить сношения с кем-либо, чем-либо’, ’поставить в какое-либо отношение к кому-, чему-либо, зависимость от кого-, чего-либо’, ’лишить возможности действовать свободно, стеснив какими-либо условиями, обязательствами’ и т.п. Эти отношения могли далее конкретизироваться, в связи с чем в семантической структуре некоторых лексем сохраняется соответствующее промежуточное звено наряду с лексико-семантическими вариантами, принадлежащими к любовно-брачной сфере, с генеральной производной семой ’общность, единство, союз’, например: рус. прост. *связаться* ’вступить в любовную связь с кем-либо’ и ’скрепиться друг с другом, обвязавшись чем-либо’, ’установить отношения с кем-либо; установить тесное общение, тесные, непо-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

средственные отношения с кем-, чем-либо', разг. 'сблизиться, завести общие дела (обычно невыгодные, предосудительные); взяться, приняться за что-л. невыгодное или предосудительное' (СРЯ IV, 58); бел. *звязывацьца* 'связываться', 'придираться, привязываться к кому' (Нос. 201), укр. *зв'язуватися, зв'яза́тися* 'связываться, связаться с кем' (Гринч. 2, 136); рус. диал. *извязываться, извязаться* 'сойтись с кем-либо'; 'увязаться за кем-либо' (СРНГ 12, 114);

рус. *связь* 'любовные отношения; сожительство' и 'взаимные отношения между кем-, чем-либо; взаимная зависимость, обусловленность', 'близость с кем-либо, внутреннее единство', 'общение (дружеское или деловое), сношения с кем-, чем-либо', *связи* 'близкое знакомство с влиятельными лицами, могущее обеспечить поддержку, покровительство' и т.д. (СРЯ IV, 59), *преступная связь* 'половая связь' (Д IV, 160), бел. *звязь* 'сувязь' (Нос. 201; СБГ 2, 289);

союз обычно с определением устар. 'супружество'. В словаре квалифицируется как оттенок значения 'тесное единение, связь (отдельных лиц, групп, обществ, классов и т.д.)'. Другие значения манифестируют сему 'объединение': 'объединение, соглашение организаций, государств для каких-либо совместных действий, целей', 'государственное объединение, состоящее из нескольких государств, земель и т.п., с общей верховной властью', 'общественная организация, объединение' (СРЯ IV, 216), *союз* 'тесная связь меж людей, дружба, товарищество, условное согласие, завет; соединенье двух или многих для известной цели. Союз брачный; союз любви, дружбы' из 'взаимные узы, связь, скрепа, соединенье' (Д IV, 285);

рус. *сплетка* 'любовные связи' (ср. сев. *сплетка* 'стачка'), обозначавшее первоначально действие по глаголу *сплетать, сплесть, сплести* 'соединить, связать, скрепить плетеньем, заплетом' (Д IV, 292); рус. диал. (якутск.) *заплетаться, заплестись* 'вступить с кем-либо в какие-либо неприятные отношения', 'вступить в любовную связь с кем-либо' (СРНГ 10, 327);

бел. диал. *падсука́цца* 'пасватацца' (СБГ 3, 321) – ср. рус. диал. *сука́ть* 'сучить, свивать нитки' (Р 254) и бел. диал. *прысука́цца* 'прычапіцца' (ММГ 1974, 132); рус. прост. *крутить* 'находиться в любовных отношениях' (СРЯ П, 139).

Следы имитативной и продуцирующей магии, связанные с витьем, обнаруживаются не только в сохранившихся обрядах и поверьях (например, «в рождественский вечер перед ужином все члены семьи по очереди прядут понемногу шерсти, полученную нить свивают и утром кладут на улей, чтобы пчелы «увивались» вокруг, а не покидали улей…» (Зеленина 103)), но и в семантике однокоренных глаголов, например: рус. *увиваться* 'добиваться чьей-либо благосклонности, ухаживать за кем-либо' как оттенок разг. значения 'вертеться возле кого-, чего-л., неотступно ходить за кем-либо, угождая, заискивая, добиваться чьего-либо расположения' (СРЯ IV, 451), *увиваться* 'ласкаться, вертеться, любя', 'юлить, егозить, приставать', 'льстить, выслуживаться, подъезжать, пролазничать' (Д IV, 462); рус. диал. *извиваться* 'увиваться вокруг кого-либо, стараясь привлечь внимание, ухаживать за кем-либо, любез-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ничать с кем-либо’ (СРНГ 12, 107), бел. *прививáцьца* ’ухаживать с намерением соединиться с браком’ (Нос. 497), укр. *повійниця* ’потаскуха’ (Гринч. 3, 221).

Образ витья как символ любовно-брачных отношений характерен для народно-песенной традиции. Поэтому полевой горошек является «образом сватанья, женитьбы. Есть целая игра хороводная, изображающая, как вьется горох, один конец хоровода проходит под руками остальных, вьется до тех пор, пока не станет в начале хоровода. При этом поют: «Вейся, горошек, в четыре ряда, чтобы все парубки женились». Может быть, эти справки недостаточно полны, но всё-таки достаточны для того, чтобы объяснить название лесного горошка «люби мене не покинь», – именно тем, что он стелется» (Потебня 1990, 110).

Поскольку *вить, вязать* означают действия, производные от ’гнуть’, то на их основе можно, наверное, объяснить любовную символику образа кузнеца, который в народной традиции представляется любовником, женихом. А.А.Потебня видит здесь влияние ассоциаций, связанных с мифологемой *Огонь* («Если *ковать* значит не только бить молотом, но и раскалять … железо и вообще металл, то понятно следующее выражение, в котором девица сравнивает себя с золотом, а любовника, жениха – с кузнецом… Раскаленное железо сближается с печальным сердцем» (Потебня 1989, 299). Эти рассуждения вполне допустимы, так как на основе актуализации семы ’интенсивность’ в языке существуют многочисленные переносы с исходным значением ’огонь’. Однако если *ковать* имеет в своем изначальном составе сему ’гнуть’, тогда по свойственной данной группе лексики закономерности формируется вторичная семантика, имеющая отношение к любви, что подтверждается функционированием в русских говорах *коваль* ’волокита’: Он старый коваль (Д П, 128) (ср. *вертун* ’волокита’) (Ман. 24); смол. *ковáль* ’кузнец’ и ’самец, производитель’ (Добр. 329).

Впрочем, вторичная продуцирующая семантика, возможно, обусловлена представлением о кузнеце, ковале как о божестве, обеспечивающем плодородие, что не противоречит сниженному характеру производных значений.

Семантический анализ вторичных номинаций в семейной сфере затруднен взаимопроникновением представлений и ассоциаций, связанных с рядом магических действий (вязание, витье, плетение; покрытие, мазание; битье, резание, проведение черты и т.д.), оставивших значительный след в ряде поверий и обрядов, имеющих непосредственное отношение к любви и браку. Образуется комплекс соотносящихся ассоциаций, обнаруживающих символическое единство, что подтверждается семантическим объемом полесск. термина свадебной обрядности *завивальница* ’обычно крестная невесты, иногда сестра или жена брата невесты. Подпаливает волосы жениху с невестой и *завівае* (связывает волосы невесте и надевает ей головной убор замужней женщины), затем связывает молодых поясом и накрывает их наміткой» (Гура 158), бел. *завівальніца* ’жанчына, якая надзявае маладой чапец’ (СБГ 2, 190) и укр. *завивати, завити, покривати* новобрачную, а также девушку, имеющую ребенка, – ’обольстить’ (Гринч. П, 15-16).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Идея магического завязывания, находящегося в ведении божества, отразилась в христианском представлении о браке как союзе, заключенном на небесах (ср. также «вырожденный образ жриц богини, совершающих ритуал «связывания» (Топоров 25)); широко распространенных обрядах символического связывания молодых (в буквальном смысле!) (Добровольский 439; Нос. 201), а также в семантике фразеологической единицы *связать руки* ’женить’, например: рус. в контекстах «Поп руки свяжет, так остепенишься!», где *руки свяжет* значит ’обвенчает’; «Судьба придет – и руки свяжет ’оженит’ (Д IV, 160; Посл. 285), укр. *в’язати руку* ’жениться, выходить замуж’ (Гринч. 1, 261); антонимичной *розв’язувати, розв’язати руки* ’развести с мужем’ (Гринч. IV, 37). В русском языке семантика фразеологизма характеризуется большей отвлеченностью: *связать руки* ’лишить возможности действовать свободно, стеснить’ (СРЯ Ш, 738).

Ту же семантику продолжают укр. *зв’язувати, зв’язати* ’венчать, обвенчать’ (Гринч. 2, 136), рус. диал. *повиваться* ’венчаться’ (СРСГ П, 84), рус. прост. *окрутить* ’обвенчать’ с оттенком ’заставить жениться, женить’ (СРЯ П, 613), ср. также «Ее окрутили ’обвенчали или выдали замуж’ с пояснением: «окрутить нередко переносится на понятие ’обвести вокруг аналоя’ и говорится о чете и даже о мужчине» (Д П, 669), бел. *абкруціцца* ’ажаніцца, абвянчацца’ и ’абкруціцца, зрабіць круга’ (Бяльк. 24), ср. в связи с этим *венчать вкруг ели; вкруг куста* ’о невенчанной чете’ (Д 1, 331) и бел. диал. *обвенчать* ’абабегчы круга’ (ТС 3, 220), где отражается представление о роли магической линии в форме круга.

Что же касается вторичных лексем со значениями ’повивать, окрутить’ и самого ’венчать’, то, несмотря на внутреннюю форму, при развитии переносного значения главную роль, как можно предположить, играют ассоциации о ’покрыть’ как магическом действии, символическая значимость которого, впрочем, вполне соответствует действию, положенному в основу внутренней формы. Так, *окручивать, окрутить* говорят «о наряде молодой после венца (она венчается с расплетенной косой): заплести косу на две, обвить вкруг головы, надеть кокошник, повойник’», отсюда *окрученая* ’молодая, после венца, в бабьем уборе’ (ср. *окрученые* ’наряженные, переряженные, маски’, пермск. *окрута* ’головной бабий убор’). Тогда становится ясен семантический переход в *окручаться, окрутиться* ’обвенчаться и одеться по-бабьи’ → ’жениться, обвенчаться’ (Д П, 669).

Аналогичная картина наблюдается среди глаголов с исконным ’вить’, ср., например, *повивать, повить молодую* ’надевать на нее кокошник, повойник, т.е. бабий головной убор’; см. в пословице «Не рада баба повою, рада б покою ’не рада замужеству’» (Д Ш, 143); а также *повиваться* ’венчаться’, фолькл. *повиваночка* ’невеста’: Сидят, хрёстная кокошник надевает. Песню поют: «Повиваночка плачет, повиваться не хочет» (СРСГ П, 84).

Такая же семантическая трансформация свойственна глаголу *венчать* ’совершать церковный обряд бракосочетания’ (другое значение: традиц. поэтич. ’украшать голову венком или чем-либо в виде венка; возлагать на кого-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

либо венок, венец в знак почетной награды, в знак присвоения высокого звания’) (СРЯ 1, 149).

Символическую функцию понятий *венец, венок, обруч* (все на основе круга) в данном случае можно определить как знак обладания (кем-то или чем-то: славой, силой, властью и т.п.), о чем свидетельствуют значения однокоренных лексем *венец, венок*: др.рус. *вÛньць* ’corona’, ’царский венец’, ’свадебный венец’, ’награда’, ’украшение’ (Срезн. 1, 488), *вÛнъкъ* ’венец’ (Там же, 487); рус. *венец* устар. ’венок’, ’драгоценный головной убор, корона как символ власти монарха’, церк. ’корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде венчания’ с разг. оттенком, результатом метонимического переноса, ’венчание, бракосочетание’ и др. (СРЯ 1, 148); бел. *вянец* (Бяльк. 128), *венок* ’украшение из цветов или ветвей, сплетенных в виде круга’ (СРЯ 1, 149); *венец* ’кольцо, обод, обруч, окружность, полоса кружком, со значением возвышенного положения или почетного значения вещи’ → ’возлагаемый во время бракосочетания, венчания на голову жениха и невесты брачный знак в виде короны’ → ’самое бракосочетание, свадьба’ → ’чета, муж и жена, тягло’ → ’тягло, семья, двор, дым, хозяйство’ (Д 1, 331).

Венец может обозначать также девичью головную ленту, повязку (Д 1, 331), как и *венок,* может быть символом девичества, тогда становится понятным метонимический перенос в укр. *вінець, вінок* ’венок’, ’девство, девственность’ (Гринч. 1, 238, 239).

Таким образом, сложная символика узла, не исчерпывающаяся, безусловно, рассмотренными двумя функциями, как представляется, имела общую основу, поскольку, и будучи способом передачи волшебной силы, и выполняя функцию оберега, узел как результат связывания, витья, плетения обеспечивал символическое состояние единства, общности со связывателем, божеством. В таком случае очевидно, как через узел человек приобретает мощь, силу, защищается от внешних неблагоприятных воздействий.

Возможно, здесь сказывается влияние представлений о действии на его результат: ’связывание’ → ’узел’. Эта модель характерна не только для стадии мифологического мышления, но широко применяется во многих случаях современной семантической трансформации.

Если узел – материальное воплощение идеи магического связывания, то на основе брачно-любовных ассоциаций закономерно возникают переносные номинации ’ребенок, маленькое живое существо’, подтверждением чего являются бел. диал. *вузленя* ’маленькая жвавая істота’ (ТС 1, 161), укр. *у́злик, ву́злик, узличок* ’ласкательное обращение к ребенку’ (Гринч. IV, 324).

Синонимом лексемы *узел* является отглагольное *завязка* (Д. IV, 479; Срезн. Ш, 1173), чья вторичная семантика, скорее всего, обусловлена производящей базой глаголом *завязать*: рус. *завязать* ’сделать узел’ → ’установить, начать (какие-либо отношения, связи, взаимные действия)’ → ’дать начало, образовать (плод)’, *завязь* ’возникновение, образование плода’ (Д. 1, 565; СРЯ 1, 506), укр. *зав’язка* ’завязка, веревочка, которой завязывают’, ’зачаток, начало, причина, источник’, ’завязь на фруктовых деревьях’ (Гринч. 2, 23).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные направления семантических трансформаций, обусловленных представлениями древних славян о кривизне, изогнутости и сопряженных действиях, позволяют сделать следующие выводы:

1. Описанные в работе семантические модели носят регулярный характер. Учитывая данное обстоятельство и степень их продуктивности, можно говорить о семантических закономерностях, а в некоторых случаях и о прогнозировании вторичной семантики у лексем с заданной исходной семой, что в ряде случаев дает возможность дополнительной аргументации в пользу тех или иных этимологических версий (см., например, анализ лексем *корчма, кружало, кулик, глоба, обуза, кикимора* и др.).

2. Лексемы со значением ’кривой, гнутый’ в качестве исходного обнаруживают способность формировать вторичные номинации со сходными значениями, в большинстве случаев негативно маркированными. Анализ вторичных номинаций в непосредственной связи с мифологическими представлениями древнего человека дает возможность ответить на вопрос о причинах возникновения коннотативных смыслов при семантических переносах. Так, Е.М.Вольф пишет: «Прилагательные, которые характеризуют предметные объекты по физическим свойствам, сами по себе не содержат оценочных смыслов… например, *прямая линия* не лучше и не хуже *кривой*… Между тем, *кривая усмешка* содержит оценочную коннотацию «плохо», а *прямой характер, прямой разговор* – коннотацию «хорошо». Таким образом, при метафоризации у прилагательных… возникают оценочные смыслы. *Кривая дорожка* – в прямом значении словосочетание не имеет оценочных коннотаций, в метафорическом – получает смысл «плохо»» (Вольф 1988, 53). Действительно, прямая линия не лучше и не хуже кривой, если рассматривать эти исходные образы с рациональной позиции современного человека; причины же приобретения вторичными номинациями оценочных коннотаций не называются. Однако ситуация разрешима при учете, что в рамках бинарной оппозиции *прямой-кривой*, являющейся частным случаем главного, жизненно важного, определяющего картину мира противопоставления *благоприятный-неблагоприятный*, складываются две своего рода знаковые подсистемы, внутри которых их компоненты (в том числе и языковые единицы) могут вступать в отношения синонимии или тождества. В соответствии с закрепленным местом внутри подсистемы они формируют закономерные оценочные коннотации: метафоры, возникающие на основе первых членов оппозиционного ряда, – положительные; вторых – противоположные, отрицательные. Вторичная семантика, имеющая отрицательную оценочность, характеризуется диффузностью, обеспечивающей возможность ее разнонаправленных реализаций, скрепленных общностью негативной семы.

3. Следует отметить также параллелизм производной семантики у лексем с первичными значениями ’кривить, гнуть’ и смежными ’колебать, шатать’ с присущей им отрицательной окраской.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

4. В ходе исследования были выявлены языковые факты, в которых негативная семантика вторичных номинаций или отсутствует, или представлена косвенно. В таком случае на базе ’кривой’ актуализируется мотивационный признак ’нестандартный, отличный от общепринятого’ (что с позиции rātio, здравого смысла, в общем-то ’плохо’), в результате чего возникают вторичные лексемы, обнаруживающие непосредственную связь с ритуально-магической практикой, искусством.

5. Большая группа вторичных номинаций формируется на основе изначальной идеи ’вить, вязать, плести’. Многочисленность данной группы обусловлена значимостью мотива узла и соотносимых с ним магических актов витья, вязания, плетения в системе мифологических представлений древних славян о кривизне, изогнутости. Сложнейшая символика узла, не исчерпывающаяся, безусловно, рассмотренными в работе функциями, как представляется, имела общую основу, поскольку, и будучи способом передачи волшебной силы, и выполняя функцию оберега, узел как результат связывания, витья, плетения обеспечивал символическое состояние единства, общности со связывателем, божеством. В таком случае очевидно, как через узел человек приобретает мощь, силу, защищается от внешних неблагоприятных воздействий. Этим же объясняются особенности вторичной семантики лексем с исходным значением ’вязать, вить, плести’, обнаруживающих важность идеи магического завязывания, находящегося в ведении божества, при развитии переносных значений, связанных со сферой любовно-брачных отношений. Мифологический мотив узла можно проследить как в структуре лексических единиц, непосредственно связанных с ритуально-магической практикой, так и в современных вторичных номинациях, лишенных сакрального смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах // Этимология. 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. – М.: Наука, 1968. – С. 247-263.
2. Аристотель. Сочинения: В 2 т. / Ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
3. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи / Подготовка текста и коммент. Ю.М.Медведева, вступит. статья Б.П.Кирдана. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
4. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. – Л.: , 1990.
5. Баханькоў А.Я. Да семантыкі слова “абуза” // Беларуская мова: Даследаванні па лексікалогіі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1965. – С. 160-163.
6. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; Общ. ред. Н.Д.Арутюновой, М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 284-306.
7. БогдановичА.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк. – Гродно, 1895. – 186 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

8. Булахаў М.Г. Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1973. – Ч. 3: Агульнаславянская лексіка. – 256 с.
9. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб, 1861. – Т. 1: Русская народная поэзия. – 642 с.
10. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову евангелию. – М., 1848. – 211 с.
11. Варбот Ж.Ж. Заметки по славянской этимологии // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 65-84.
12. Варбот Ж.Ж. Индоевропейское *k'leu- // Этимологические исследования по русскому языку. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – Вып. 11. – С. 58-70.
13. Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии // Этимология. 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 34-35.
14. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: Наука, 1978. – 239 с.
15. Виноградов В.В. Историко-этимологические заметки. IV // Этимология. 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. – М.: Наука, 1968. – С. 111-137.
16. Виноградова Л.Н. Архаические формы полесских магических приемов и оберегов, связанных с уходом за ребенком // Полесье и этногенез славян: Предв. мат. и тез. докл. конф. – М.: Наука, 1983. – С. 100-103.
17. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Венок // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. /Под ред. Н.И.Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1: А-Г. – С. 314-318.
18. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 52-65.
19. Вярэніч В.Л. Аб беларуска-польскіх ізалексах // Беларуская лінгвістыка. – Мінск: Е+Навука і тэхніка, 1976. – Вып. 10. – С. 56-63.
20. Вярэніч В.Л. Гісторыка-этымалагічныя нататкі: Бел. каўтун, укр. ковтун, кашуб. kålton // Беларуская лінгвістыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – Вып. 2. – С. 71-73.
21. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. – Тбилиси, 1984. – Ч. II.
22. Гриб А.В. Некоторые элементы традиционной духовной культуры с. Бурмаки Дрогичинского района // Полесье и этногенез славян: Предв. мат. и тез. докл. конф. – М.: Наука, 1983. – С. 119.
23. Гура А.В. Из полесской свадебной терминологии: Свадебные чины: Словарь: Б-М // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М.: Наука, 1984. – С. 137-177.
24. Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. – СПБ, 1891. – Ч. I. – 716 с.; СПб, 1894. – Ч. II. – 443 с.
25. Жемчужины мысли / Сост. А.А.Жадан. – Мінск: Беларусь, 1987. – 432 с.
26. Журавлев А.Ф. Восточнославянская обрядовая скотоводческая лексика и фразеология в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. … канд.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

филолог. наук: 10.02.01; 10.02.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. – М., 1982. – 24 с.
27. Журавлев А.Ф. Мотив завязывания узла в продуцирующей магии: Некоторые восточнославянские параллели к полесским скотоводческим обрядам // Полесье и этногенез славян: Предв. мат. и тез. докл. конф. – М.: Наука, 1983. – С. 109-110.
28. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 321 с.
29. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. – Петроград, 1916. – Вып. Первый: Умершие неестественной смертью и русалки. – 312 с.
30. Зеленина Э.И. Из болгарской пчеловодческой терминологии // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М.: Наука, 1984. – С. 98-109.
31. Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.
32. Иванов Вяч.Вс. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972.
33. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 343 с.
34. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. – М.: Наука, 1983.
35. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Лингвистические вопросы славянского этногенеза: В связи с реконструкцией праславянских текстов // Славянское языкознание: IX Межд. съезд славистов: Доклады сов. делегации. – М.: Наука, 1983. – С. 152-169.
36. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978: Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1978. – С. 221-240.
37. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
38. Казлова Р.М. Славянскія кантынуанты і.-е. *(s)ker- ’гнуць; крывіць; вярцець’ // Беларуская мова: Міжведамасны зборнік. – Мінск: Універсітэцкае, 1989. – Вып. 17. – С. 131-149.
39. Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 712 с.
40. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; Общ. ред. Н.Д.Арутюновой, М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
41. Коваль В.И. К проблеме «Язык и язычество»: Распоясаться. Заткнуть за пояс // Наследие Кирилла Туровского и современная общественно-культурная жизнь: Материалы научной конф. – Гомель, 1994. – С. 87-89.
42. Коваль У.І. Чым адгукаецца слова: Фразеалогія ў павер’ях, абрадах і звычаях. – Мінск: Народная асвета, 1994. – 48 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

43. Козлова Р.М. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики и проблема структуры праславянского слова // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 89-95.
44. Козлова Р.М. Обозначения предметов народного быта // Русский язык: Межведомственный сборник. – Минск: Университетское, 1984. – Вып. 4. – С. 73-75.
45. Козлова Р.М. Образования с корнем *(s)kork-/*(s)korč- в славянских языках // Этимология. 1982. – М.: Наука, 1985. – С. 47-54.
46. Козлова Р.М. Праслав. *(s)korakъ, *(s)koraka и их рефлексы в славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982. – М.: Наука, 1985. – С. 265-272.
47. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 312 с.
48. Коротенко Л.Г. О моде, поясе и солнце // Русская речь. – 1992, № 2. – С. 74-79.
49. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – СПб, 1860. – 215 с.
50. Куркина Л.В. Заметки по болгарской этимологии // Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 38-43.
51. Куркина Л.В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на –u // Этимология. 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 58-79.
52. Куркина Л.В. Названия горного рельефа: На материале южнославянских языков // Этимология. 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 39-54.
53. Куркина Л.В. Славянские этимологии. 11 // Этимология. 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 60-80.
54. Куркина Л.В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 91-102.
55. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. А.Н.Баранова // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М.Сергеева и П.Б.Паршина; Общ. ред. В.В.Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 126-170.
56. Леэметс Х.Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 92-108.
57. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
58. Львов А.С. Лексика «Повести Временных лет» . – М.: Наука, 1975. – 367 с.
59. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды // Вопросы языкознания. – 1991, № 6. – С. 36-53.
60. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. – М.: Наука, 1980. – 210 с.
61. Маковский М.М. Теория языка Фридриха Ницше и современные лингвистические концепции // Вопросы языкознания. – 1991, № 1. – С. 135-152.
62. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высшая школа, 1989. – 200 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

63. Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы // Лексическая синонимия. – Минск , 1978.
64. Мартынов В.В. Славянская индоевропейская аккомодация. – Минск: Наука и техника, 1968. – 182 с.
65. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 408 с.
66. Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. – М.: Наука, 1968. – С. 194-240.
67. Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии. III // Этимология. 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 58-69.
68. Меркулова В.А. Заметки по русской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 202-207.
69. Меркулова В.А. Народные названия болезней. II: На материале русского языка // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 143-206.
70. Меркулова В.А. Русские этимологии. IV // Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 94-106.
71. Меркулова В.А. Русские этимологии. VI // Этимология. 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 58-65.
72. Мифологический словарь / М.Н.Ботвинник, Б.М.Коган, М.Б.Рабинович, Б.П.Селецкий. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с.
73. Міфы бацькаўшчыны / Уклад. У.А.Васілевіч. – Мінск: БелЭН, 1994. – 109 с.
74. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: СЭ, 1987. – Т. 1. – 671 с.; 1988. – Т. 2. – 719 с.
75. Михайловская Т.А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // Вопросы языкознания. – 1993. – № 1. – С. 52-63.
76. Михайловская Н.Г. Прилагательные правый - десный - лÛвый - шуи в русском языке XI-XVII вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 43-58.
77. Мицык А.А. Развитие значений слов праславянского происхождения в русском языке: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. – Ростов-на-Дону, 1981. – 29 с.
78. Муминов Т.А. Проблемы вторичной номинации в лексике: Образование переносного значения: Автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.19 / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мореса Тореза. – М., 1978. – 36 с.
79. Неклюдов С.Ю. О кривом оборотне: К исследованию мифологической семантики фольклорного мотива // Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д.К.Зеленина. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. – С. 133-141.
80. Немец И. Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 156-162.
81. Никонов В.А. Поиски системы // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 217-235.
82. Никончук Н.В. Приставки ка- и ко- в полесских говорах // Этимология. 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 122-126.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

83. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
84. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 323 с.
85. Откупщиков Ю.В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии: Книга для учащихся. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1973. – 256 с.
86. Петлева И.П. О семантических истоках слов со значением ’скупой’ в русском языке // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 207-216.
87. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология. 1986-1987. – М.: Наука, 1989. – С. 64-71.
88. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 102-109.
89. Плотникова А.А. Этнолингвистический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник: На материале славянских языков и традиций: Автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.03 / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. – М., 1990. – 23 с.
90. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
91. Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – Киев: Наукова думка, 1979. – 243 с.
92. Попович М.В. Философские вопросы семантики. – Киев: Наукова думка, 1975. – 299 с.
93. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
94. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
95. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
96. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 364 с.
97. Проскурин С.Г. О значениях «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 37-49.
98. Проскурин С.Г. О семантике «правый» и «левый» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре // Слово, предложение, текст в диахронии: Тезисы докладов научной зональной конференции вузов Сибири и Дальнего Востока (Кемерово, 10-13 ноября, 1989). – Кемерово, 1989. – С. 69-71.
99. Русские Веды. Песни птицы Гамаюн. Велесова книга /Реставрация, перевод, комментарии Б.Кресеня. – М.: Наука и религия, 1992. – 368 с.
100. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М.Забылиным: Репринтное воспроизведение издания 1880 г. – М.: Автор, 1992. – 616 с.
101. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 783 с.
102. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
103. Скляревская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01 / Ленингр. отд-е ин-та языкознания АН СССР. – Л., 1989. – 38 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

104. Смиренский В.Б. Значение в свете когнитивно-информационного подхода // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 44-55.
105. Смирнов Ю.И. Бытование заговоров на русском Севере: По наблюдениям 1956-1963 // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. I: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. – М., 1988. – С. 51-53.
106. Старостенко Н.А. Полесско-славянское *коза* ’последний сноп или горсть колосьев’ и *коза* ’огрех при полевых работах’ // Полесье и этногенез славян: Предв. мат. и тез. докл. конф. – М.: Наука, 1983. – 90-91.
107. Тимошенко Е.И. О полесском диалектном *кобза* // Гомельшчына: Народная духоўная культура. Дыялекты. Тапанімія: Матэрыялы рэгіянальнай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 850-годдзю летапіснага ўпамінання Гомеля. – Гомель, 1992. – С. 67-69.
108. Толстой Н.И. Из географии славянских слов: 3. Правый – левый; 4. Хорохориться; 5. Класть // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1965. – С. 133-147.
109. Толстой Н.И. Из географии славянских слов: 8. ’радуга’ // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1974. – М.: Наука, 1976. – С. 22-76.
110. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в этнографии: Язык и этнос. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1983. – С. 181-190.
111. Толстой Н.И. О природе бинарных противопоставлений типа *правый – левый, мужской – женский* // Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б.А.Успенский. – М.: Наука, 1987. – С. 169-183.
112. Толстой Н.И. Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: Лингво-этнографический аспект // Славянское языкознание: VIII Межд. съезд славистов: Докл. сов. делегации. – М.: Наука, 1978. – С. 364-385.
113. Толстые Н.И. и С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 3-21.
114. Топоров В.Н. Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М.: Наука, 1984. – С. 10-25.
115. Трубачев О.Н. Праславянская лексикография // Этимология. 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 3-19.
116. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. – М.: Наука, 1966. – 416 с.
117. Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание: X Межд. съезд славистов: Докл. сов. делегации. – М.: Наука, 1988. – С. 292-347.
118. Трубачев О.Н. Следы язычества в славянской лексике: 1. Trizna. 2. Pěti. 3. Kobь // Вопросы славянского языкознания. – 1959. – № 4. – С. 130-139.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

119. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / Отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1976. – С. 147-179.
120. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
121. Трубицына Г.И. Нить и ее обрядовые функции // Полесье и этногенез славян: Предв. мат. и тез. докл. конф. – М.: Наука, 1983. – С. 113-114.
122. Усачева В.В. Словесные формулы в народной медицине славян // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. I: Тезисы и предв. материалы к симпозиуму / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. – М., 1988. – С. 88-92.
123. Уюкбаева Г.И. Соотношение диахронии и синхронии в номинации лексических единиц // Слово, предложение, текст в диахронии: Тез. докл. научной зональной конф. вузов Сибири и Дальнего Востока. – Кемерово, 1989. – С. 100-101.
124. Финкель А.М. «С левой стороны» // Лексикографический сборник. – М.: , 1963. – Вып. IV. – С. 153-159.
125. Цейтлин Р.М. О значениях старославянских слов с корнем –ПРАВ- // Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 59-64.
126. Цивьян Т.В. О лингвистических основах модели мира: На материале балканских языков и традиций // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 192-206.
127. Шайкевич А.Я. Слова со значением «правый» и «левый» (Опыт сопоставительного анализа) // Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. – М., 1960. – Т. XXIII. – С. 55-74.
128. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 108-118.
129. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
130. Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

Перечень условных обозначений

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1980-1990. – Вып. 1-7.

Б.-Н. – Байкоў М., Некрашэвіч С. Беларуска-расійскі слоўнік. – Менск: Дзярж. выд-ва БССР, 1925. - № 5.

Бел. прык. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склад. Ф.Янкоўскі. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1962. – 491 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

БРС – Беларуска-рускі слоўнік: У 2 т. / АН БССР: Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа; Рэд. К.К.Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 2-е выд., перапрац. І дап. – Мінск: Бел СЭ, 1988-1989. – Т. 1-2.

Бяльк. – Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.

Васн. – Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. – Вятка, 1907. – 357 с.

Высл. – Выслоўі / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М.Я.Грынблата; Рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.

Гринч. – Словарь украинского языка / Под ред. Б.Д.Гринченко. – Киев: Изд-во АН Укр.ССР, 1958-1959. – Т. I-IV.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982-1993. – Вып. 9-13.

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III. – 555 с.

Добр. – Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914. – 1022 с.

Доп. к Оп. – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб, 1858.

ДС – Словарь современного русского народного говора: Д. Деулино Рязанского района Рязанской области / Под ред. И.А.Оссовецкого. – М.: Наука, 1969. – 612 с.

ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Склад. М.М.Аляхновіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.

ЖС – Жывое слова / Рэд. Ю.Ф.Мацкевіч, І.Я.Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 288 с.

ЗНС – З народнага слоўніка / Рэд. А.А.Крывіцкі, Ю.Ф.Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – 352 с.

Касп. – Касьпяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік: Матар'ялы / Пад рэд. М.Я.Байкова, Б.І.Эпімаха-Шыпілы. – Віцебск, 1927. – 371 с.

КДС – Карпатский диалектологический атлас / Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В. – М.: Ин-т славяновед. АН СССР, 1967. – 323 с.

КСЧ – Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / Улажыў М.В.Шатэрнік; Пад рэд. М.Я.Байкова, Б.І. Эпімаха-Шыпілы. – Мінск, 1929. – 317 с.

КСЭС – Краткий словообразовательно-этимологический словарь русской полисемии и однокорневой омонимии // Русский язык в школе. 1983, № 4-6; 1984, № 1-6; 1985, № 1-6; 1986, № 1-5.

Кул. – Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб, 1898.

ЛП – Лексика Полесья.- М.: Наука, 1968.

ЛРС – Малинин А.М. Латинско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 764 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

М – Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей / Межобластной диалектологический кабинет при Ярославском гос. пед. ин-те. – Ярославль: ЯГПИ, 1961. – 224 с.

Ман. – Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковские говоры. – Минск: Университетское, 1989. – 231 с.

Мат. – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 127 с.

МДС – Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – Т. 1. – 267 с.

МДСГ – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства: Міжвузаўскі зборнік. – Мінск: Вы-ва БДУ, 1975. – Вып. Ш. – С. 161-260; 1976. – Вып. IУ. – С. 144-272; Беларуская мова / Гомельскі дзярж. ун-т; Гал. рэд. У.В.Анічэнка. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. – Вып. 5. – С. 98-181; 1978. – Вып. 6. – С. 120-235; 1981. – Вып. 9. – С. 107-175; 1982. – Вып. 10. – С. 110-159.

Мерк. – Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1979. – 184 с.

ММГ – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М.А.Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1970. – 172 с.; 1974. – 191 с.; 1977. – 142 с.

МС – Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы /Пад рэд. Ф.Янкоўскага. – Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1960. – 200 с.

МСС – Иванова А.И., Кустарева М.А., Моисеев Б.А. Материалы для «Смоленского областного словаря» // Уч.зап. Смоленского ГПИ: каф. русского языка. – Смоленск: СГПИ, 1958. – Вып. IX. – С. 105-160.

Мюллер – Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 864 с.

НЛ – Народная лексіка / Рэд. А.А.Крывіцкі, Ю.Ф.Мацкевіч. – Мінск: Навука і иэхніка, 1977. – 288 с.

НЛГ – Народная лексіка Гомельшчыны ў фальклоры і мастацкай літаратуры: Слоўнік / Пад рэд. У.В.Анічэнкі. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1983. – 174 с.

Нос. – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: БелСЭ, 1983. – 792 с.

НСЗ-70 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А.Левашов, Т.Н.Поповцева, В.П.Фелицына и др.; Под ред. Н.З.Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 808 с.

Оп. – Опыт областного великорусского словаря. – СПб, 1852.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967-1990. – Вып. 1-8.

Посл. – Пословицы и поговорки русского народа: Из сборника В.И.Даля / Под общ. ред. Б.П.Кирдана; Вступ. слово М.А.Шолохова; Послесл. В.П.Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Преобр. – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1. – 717 с.; Т. П. – 560 с.

Прык. – Прыказкі і прымаўкі: У 2 кн. / Рэд. А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.; Кн. 2. – 616 с.

Р – Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров. – Минск: Наука и техника, 1973. – 296 с.

СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Рэд. Ю.Ф.Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979-1984. – Т. 1-4.

СБр – Словарь брянских говоров. – Л.: ЛГПИ, 1983. – Вып. 3. – 91 с.; 1984. – Вып. 4. – 79 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии / Ред. Т.Г.Паникаровская. – Вологда, 1989. – К-М. – 92 с.; 1990. – М-О. – 128 с.

СГ – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: Акчимский словарь / Гл. ред. Ф.Л.Скитова. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1984. – Вып. 1. – 399 с.

СГСол. – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П.Беляева; Под ред. Е.А.Голушковой. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1973. – 706 с.

СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. /Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. Р.И.Аванесов. – М.: Русский язык, 1988-1990. – Т. 1-3.

Ск. – Слоўнік мовы Скарыны / Склад. У.В.Анічэнка. – Мінск: Вышэйшая школа, 1977-1984. – Т. 1-2.

Сл.-спр. – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Под ред. Б.А.Ларина. – М.-Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1965-1973. – Вып. 1-4.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР: Учеб. пособие по русской диалектологии. – Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1978. – А-Г. – 131 с.; 1980. – Д-И. – 126 с.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 605 с.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф.П.Филин. – М.: Наука, 1983. – 342 с.

СРГПр – Словарь русских говоров Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. – Вып. 1. – 161 с.; 1987. – Вып. 2. – 129 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1964-1981. – Т. 1-3.

СРГЮ – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 448 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

СРДГ – Словарь русских донских говоров: В 2 т. / Авт.-сост. З.В.Валюсинская и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – Т. 1. – 350 с.

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. – Репринтное изд. – М.: Книга, 1989. – Т. I-Ш.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Филина. – М.-Л.: Наука, 1965-1966. – Вып. 1-2; Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1968-1992. – Вып. 3-27.

СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964-1968. – Т. 1-3; Дополнение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. – Ч. П. – 291 с.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А.П.Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988. – Т. I-IV.

СРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. /Ин-т русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1975-1992. – Вып. 1-18.

СРЯ XVШ в. – Словарь русского языка XVШ века / Гл. ред. Ю.С.Сорокин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1984-1992. – Вып. 1-7.

СС – Среднеобский словарь: Дополнение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – Ч. 1. – 180 с.

ССГ – Словарь смоленских говоров: Учеб. пособие / Под ред. А.И.Ивановой. – Смоленск: БИ, 1974-1982. – Вып. 1-3.

Сц. – Сцяцко П.У. Дыялектны слоўнік: З гаворак Зэльвеншчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 184 с.

Сцяшк. – Сцяшковіч Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 620 с.

Тихонов – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 1. – 856 с.

ТС – Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А.А.Крывіцкі, Г.А.Цыхун, І.Я.Яшкін і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982-1987. – Т. 1-5.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск: Гал. рэд. БелСЭ, 1977-1984. – Т. 1-5.

Уш. – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. – Т. 1-4.

Фасм. – Фасмер М. Этимологический соварь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б.А.Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IУ.

Шкр. – Шкраба І.Р. Самабытнае слова: Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі: У рускамоўным дачыненні. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1984. – 223 с.

Эл. – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 471 с.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978-1993. – Т. 1-8.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974-1992. – Вып. 1-19.

Юрч. – Юрчанка Г.Ф. І сячэ і паліць: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1974. – 295 с.

Юрч. НВС – Юрчанка Г.Ф. Народнае вытворнае слова: З гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – А-Л. – 279 с.; 1983. – М-Р. – 302 с.; 1985. – Р-Я. – 334 с.

Юрч. НС – Юрчанка Г.Ф. Народная сінаніміка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 280 с.

Юрч. СНЛ – Юрчанка Г.Ф. Сучасная народная лексіка: З гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 304 с.

Юрч. СНС – Юрчанка Г.Ф. Сучаснае народнае слова: З гаворкі Мсціслаўшчыны: Слоўнік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 253.

Янк. – Янкоўскі Ф.Дыялектны слоўнік. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1959. – 230 с.; 1960. – 236 с.; 1970. – 172 с.

Янкова – Янкова Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: Учеб. пособие. – Ярославль: ЯГПИ, 1982. – 58 с.; 1984. – 134 с.; 1985. – 148 с.; 1986. – 132 с.; 1987. – 155 с.; 1989. – 146 с.; 1990. – 125 с.; 1991. – 108 с.

Яўс. – Яўсееў Р.М. Маці казала так…: З гаворкі Бялыніцкага раёна. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 112 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ